

ISSN 0868–5819

МОСКОВСКИЙ ВЕСТНИК

*Журнал Московской городской организации
Союза писателей России*

Основан М.П. Погодиным в 1826 году при участии А.С. Пушкина.
Возобновлён Московской писательской организацией СП РСФСР
в 1990 году

№ 1
2026

Главный редактор:
Иван Юрьевич ГОЛУБНИЧИЙ

Ответственный редактор:
Марина Анатольевна ЗАМОТИНА

Адрес редакции: 121069, Москва, ул. Б. Никитская, 50а/5
Контактный телефон: 8 (495) 697-00-60
e-mail: glukoza2010@yandex.ru

*Уважаемые коллеги! Просьба присылать материалы
в электронном виде с фотопортретом и краткой
биографической справкой автора. Редакция не вступает
в переписку с авторами и не рецензирует присланные
произведения.*

Общественная редколлегия:
М.А. ЗАМШЕВ, В.Н. КРУПИН,
М.М. ПОПОВ, А.П. ТОРОПЦЕВ,
А.А. ТРАПЕЗНИКОВ, В.Г. ФРОЛОВ

Подготовка к печати: Издательство «У Никитских ворот»

Вёрстка: У.Д. Иващенко
Корректурa: В.И. Русаков

Тираж 400 экз. Заказ № 3465

Журнал зарегистрирован в Комитете РФ по печати.
Свидетельство о регистрации № 015738 от 19.02.1997 г.

Учредитель и издатель: Региональная общественная организация
«Московская городская организация Союза писателей России»

ISSN 0868—5819 «Московский Вестник», 2026, № 1

© Редакция журнала «Московский Вестник»

СОДЕРЖАНИЕ

Слово главного редактора. <i>Иван Голубничий</i>	5

СТИХИ, ПРОЗА, ПУБЛИЦИСТИКА, ОЧЕРК

Светлана Замлелова

«Горько издевался он над суетными и тщеславными...».

К 200-летию М.Е. Салтыкова-Щедрина.....	8

Евгений Юшин

Я люблю тебя, русая родина... Стихи	19

Евгений Мирмович

Глубже моря. Повесть	30

Ирина Невзорова

Музею семьи Цветаевых в Ново-Талицах 30 лет. Очерк	96

Светлана Сергеева

У нас у каждого по городу... Стихи	116

Александр Нефедов

Нить Ариадны. Очерк	124

Светлана Вьюгина

Рассказы	141

Лариса Фелисион

Земное мы и неземное... Стихи.....	155

Галина Аляева

Два рассказа	162

Надежда Ступина	
Три рассказа	203
Елена Герасимова	
Три рассказа	219
Виктор Носатов	
За други своя. Рассказ	231
Кирилл Усанин	
Два рассказа	245

КРИТИКА, ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Полина Рожнова	
Книга для грядущего. Рецензия	256
Марина Замотина	
Коммунальная цивилизация. Рецензия	265

ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Наталия Ярославцева	
Два рассказа	278

ЛИТЕРАТУРА И ТЕАТР

Ангелина Бржевская	
О новых способах привить детям любовь к литературе. Эссе	296

СЛОВО ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Отечественный литературный процесс текущего исторического периода имеет свои особенности, и, соответственно, требования к нему следует предъявлять с учётом этих особенностей. Специальная военная операция является судьбоносным событием современности, утверждающим роль и значение России в мире, восстанавливающим связь времён и принципы исторической справедливости. Поэтому тема СВО должна получать достойное выражение в произведениях современных писателей – как непосредственных участников боевых действий, так и тех, кто стремится осознать и воплотить средствами художественного слова героiku нынешней эпохи. Единство народа в противостоянии нацизму, в стремлении к восстановлению Русского мира вдохновляет многих писателей на создание художественных произведений. В то же время, необходимо помнить о том, что литература – это не только талант, вдохновение и искренность, это ещё и мастерство, профессионализм, глубокая связь с национальной традицией и текущей действительностью. Иными словами, если писатель сегодня обращается к военной тематике, то это налагает на него большой груз ответственности перед читателем. Каждое произведение должно нести в себе художественное открытие, раскрывать онтологический смысл противостояния добра и зла, являть яркие человеческие образы, выполнять высокую морально-нравственную миссию. В противном случае произведение, даже вдохновлённое искренним порывом, не сможет найти пути к сердцу читателя. Если писатель пишет о войне, то у него постоянно должны быть перед внутренним взором примеры творчества наших классиков, оставивших нам непревзойдённые образцы военной прозы и поэзии, которые и сегодня заставляют читателя читать и перечитывать их, сопереживая и осуществляя преемственность между поколениями. Ответственность слова никак не меньше ответственности

поступка, а мастерство в литературе имеет такое же значение, как и в других сферах деятельности. К сожалению, не все и не всегда об этом помнят, полагаясь исключительно на благие намерения...

В последнее время литературных кругах всё более явственно и настойчиво зазвучали разговоры о необходимости развития жанра литературной критики. Высказываются справедливые суждения о том, что литературная критика перестала быть инструментом анализа произведений, выявления в них сильных и слабых сторон, а превратилась в средство рекламы и, в каких-то случаях, в средство утоления тщеславия. Трудно не согласиться с этим, хотя следует отметить, что у этих негативных тенденций были объективные причины. Длительный период разобщения писателей по разным «линиям раздела» способствовал образованию групповщины, не приемлющей честной конкуренции по принципу мастерства и таланта. Во многом данное явление являлось наследием постсоветского идейного противостояния, затронувшего и литературу. Сегодня с ощутимой остротой приходит сознание того, что это наследие требует преодоления. Литературная критика должна вернуться к своим изначальным принципам и задачам, способствуя выявлению всего лучшего, что есть сегодня в нашей литературе.

Журнал «Московский Вестник» в своей работе стремится к максимально всестороннему, сбалансированному представлению современного литературного процесса в его московской составляющей. Народная жизнь продолжается, люди живут традиционными ценностями, их бытие, как и во все времена, определяется такими вечными понятиями, как любовь, дружба, верность, стремление к счастью и т.д. Произведения московских писателей, объединённые в рамках журнального номера, конечно, не дают исчерпывающих ответов на все жизненные вопросы. Но в этих произведениях воплощена текущая жизнь в многообразии сюжетов и характеров. В знакомстве с ними осуществляется полнота бытия.

Иван ГОЛУБНИЧИЙ

**СТИХИ, ПРОЗА,
ПУБЛИЦИСТИКА,
ОЧЕРК**

Светлана ЗАМЛЕЛОВА

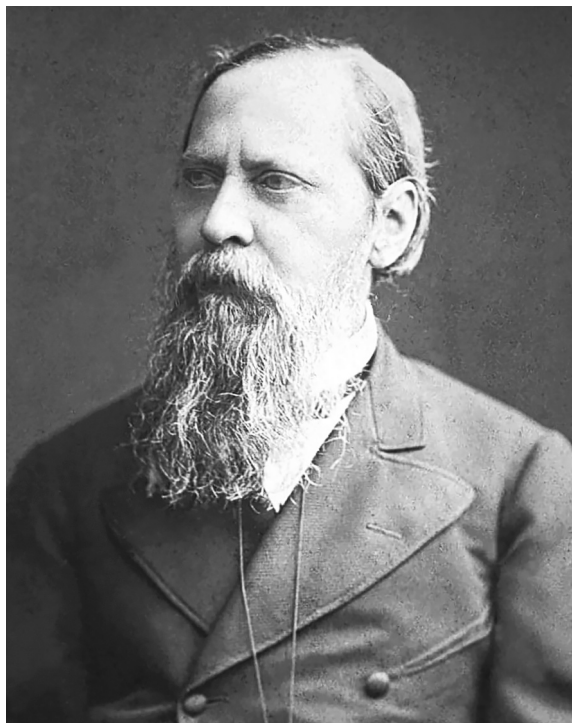

Светлана Георгиевна Замлелова – прозаик, переводчик, критик, литературовед. Родилась в Алма-Ате. Окончила Российский Государственный Гуманитарный Университет (Москва). Прозаик, публицист, критик, переводчик, драматург. Автор романов «Блудные дети», «Скверное происшествие. История одного человека, рассказанная им посмертно», «Исход», философской монографии «Приблизился предающий... Трансгрессия мифа об Иуде Искарите в XX–XXI вв.», книг «Гностики и фарисеи» (рассказы и повести), «Разочарование» (рассказы и фельетоны), «Нам американцы объявляли санкции», «В переплёте» (сборники статей), «Французские лирики XIX века» (переводы французской поэзии), «Посадские сказки», «Эдуард Стрельцов: Воля к жизни», «Александр Алехин: Партия с судьбой» и др. Член Союза писателей России и Союза журналистов России. Кандидат философских наук (МГУ им. М.В. Ломоносова), защитила кандидатскую диссертацию на тему «Современные теологические и философские трактовки образа Иуды Искарота». Автор многочисленных публикаций в периодической печати и в интернете. Творчество отмечено литературными премиями и региональными наградами.

Живёт в г. Сергиев Посад МО.

«ГОРЬКО ИЗДЕВАЛСЯ ОН НАД СУЕТНЫМИ И ТЩЕСЛАВНЫМИ...»

К 200-летию М.Е. Салтыкова-Щедрина

М.А. Булгаков называл себя не только мистиком, но и сатириком, последователем М.Е. Салтыкова-Щедрина. Но любовь к сатире – не единственное, что объединяет двух великих русских писателей. На упрёки в нелюбви к революции и даже в контрреволюционности Булгаков отвечал, что не верил в русскую рево-

люцию по той простой причине, что русский народ образца начала XX века ещё недостаточно развит, недостаточно образован, чтобы заниматься такими внушительными преобразованиями. И тем более добиваться каких-то успехов на этом пути. *«Чёрные и мистические краски, – писал Булгаков в письме Правительству СССР от 28 марта 1930 г., – в которых изображены бесчисленные уродства нашего быта, яд, которым пропитан мой язык, глубокий скептицизм в отношении революционного процесса, происходящего в моей отсталой стране и противопоставление ему излюбленной и Великой Эволюции, а самое главное – изображение страшных черт моего народа, тех черт, которые задолго до революции вызывали глубочайшие страдания моего учителя М.Е. Салтыкова-Щедрина».* Прав или нет оказался Булгаков, не в том сейчас дело. Интересно, что его учитель за полвека до того придерживался схожих воззрений на русский народ и русскую жизнь. Эти взгляды с блеском изложены в разных произведениях Салтыкова-Щедрина. А наиболее сконцентрированно – в «Истории одного города», жителей которого кидает из крайности в крайность. Отчего эти самые жители ну никак не найдут разумной и уравновешенной формы правления городом и обустройства существования на его стогнах? Всё что происходит в городе Глупове, всегда имеет неперменный оттенок абсурда. Что правители города, что его жители придерживаются весьма своеобразной логики, вывернутой наизнанку, да ещё и, образно говоря, натянутой на какого-то уродливого болвана. Примерно так Салтыков-Щедрин видел русскую жизнь и русскую историю. И, конечно, такой взгляд не мог не снискать для писателя клейма «западника» или даже ненавистника России. Однако ни тем, ни другим Салтыков-Щедрин, по сути, не был. О любви к Родине он высказывался вполне определённо, писал, что не видит себя где-либо, кроме России, которую любит «до боли сердечной». В отличие от современных «западников» (они же «либералы»), требующих, чтобы Россия была филиалом Западной Европы, Салтыков-Щедрин ничего такого не предлагал и Запад как таковой не идеализировал. В отличие от современных «патриотов», путающих патриотизм

с верноподданничеством (или, по слову Салтыкова-Щедрина, *«смешивают выражение “отечество” с выражением “ваши превосходительство”»*), писатель не умилялся каждой выходкой властей предрежащих и не призывал кару небесную на головы несогласных с властью. Ни Россия, ни Европа не виделись ему райскими кущами. Всюду и всегда есть хорошее и плохое, полезное и вредное, прекрасное и безобразное. Он не приходил в восторг от кислых щей и крестьянской общины. Но и буржуазный порядок Европы не вызывал у него восхищения. Никакое существующее жизнеустройство не может быть идеальным. Так что нечего и повторять за кем-то. Не лучше ли избавиться от балласта глупости и начать жить своим умом? Тем более что порядок может иметь разные лики. Как, впрочем, и хаос.

Нет, Салтыкова-Щедрина сложно приписать к какому-то лагерю. Его прибежище – здравомыслие. Самое опасное из всех убеждений, вызывающее подозрение как у толпы, так и у сильных мира сего, поскольку в завоевании симпатий лояльность, льстивость и благонамеренность куда как предпочтительнее привычки говорить правду. Но как бы ни критиковал, как бы зло ни высмеивал Салтыков-Щедрин порядки и нравы в Отечестве, заграницы он не любил. Напротив, отправившись в путешествие по Западной Европе, он довольно скоро заскучал и не мог дожидаться, когда же настанет время возвращаться в Петербург. Впечатления свои от поездки он изложил в пространной, не похожей ни на что другое в этом жанре книге *«За рубежом»*. Книга вышла весьма непростой для восприятия и действительно не имеющей ничего общего, кроме разве формального признака, с путевыми заметками Герцена, Достоевского, Толстого, Горького... Зато *«За рубежом»* напоминает Солярис С. Лема. Но не само произведение, а тот самый разумный Океан, постоянно меняющийся и преобразующийся. Вот и книга Салтыкова-Щедрина ведёт себя как живой организм, видоизменяясь, переходя от реализма к сатире, от серьёзного тона к иронии. И не всегда получается ухватить этот текст, вовремя понять, где проходит граница жанров, где одна интонация сменяет другую, где язык публицистики оборачивается иносказанием.

В этой феерии, в этом калейдоскопе образов и жанров Салтыков-Щедрин то и дело сравнивает жизнь в Отечестве с иностранными порядками и укладами. И если в Европе формальный порядок более совершенен, то это не делает совершеннее саму жизнь и счастливее людей. Вообще, это всегдашнее сравнение России с европейскими государствами кажется до нелепого надуманным. Хотя бы потому, что Россия – страна значительно более молодая, сформировавшаяся как государство значительно позднее, чем та же Франция. Это не хорошо и не плохо. Никто же не удивляется тому, что младший брат ещё не разговаривает в то время, как старший вовсю болтает по телефону или, к примеру, что у старшего штаны на размер больше.

Кстати, о штанах, а заодно о полемике Салтыкова-Щедрина с «народниками». Описывая совершенно порой дикие порядки и воззрения, бытующие у простого народа, он с огромным сомнением относился к русской общине как к источнику преобразований снизу. Это и составляло, среди прочего, предмет несогласия писателя с поборниками народной правды. Важнейшее место в книге «За рубежом» отводится небольшим пьесам – по сути, диалогам. Это, например, разговор Свиньи с Правдой или Мальчика в штанах с Мальчиком без штанов. Мальчик в штанах олицетворяет крестьянство Германии (а с натяжкой – всей Западной Европы), Мальчик без штанов, как можно догадаться, стал символом российского крестьянства. Можно даже сказать, что писатель даёт здесь сравнение двух национальных типов – немецкого и русского. Из описания и разговора двух мальчиков явствует, что Мальчик в штанах, конечно же, чище и опрятнее, да и в целом жизнь его более устроена, чем жизнь Мальчика без штанов, выпрыгнувшего из появившейся вдруг, среди мощёной немецкой улицы, лужи. Мальчик в штанах – это обитатель буржуазного мира, связанного контрактами и обязательствами. Мальчик же без штанов прибыл из мира дикого капитализма, где пока не вся жизнь опутана контрактами, где больше хищничества, но и больше свободы. В том, разумеется, виде, как понимает её Мальчик без штанов. Если же ещё более образно, так Мальчик в штанах «за грош чёрту душу продал»,

а Мальчик без штанов – «тому же чёрту задаром душу» отдал. Только ведь раз отдал задаром, так и обратно может забрать. Да и вообще, Мальчику без штанов занятнее живётся, несмотря на грязь, неурядицы и повсеместное сквернословие, выделяемое Салтыковым-Щедриным в отдельную статью и даже определяемое им собственным неологизмом – «митиринозия». Сегодняшняя мода и уже привычка сквернословить всех и по любому поводу роднит XXI век в России с далёким прошлым. В чём уж тут дело, пусть психологи с социологами разбираются. Но на первый взгляд отдаёт эта мода всеобщим одичанием и непреходящей растерянностью. Вот и у Салтыкова-Щедрина всё, что олицетворяет Мальчик без штанов, пребывает на некоем распутье в отношении будущего. Если для мира, представленного Мальчиком в штанах, жизнь сложилась и определилась, то у Мальчика без штанов многое впереди и многое может измениться до неузнаваемости в любой момент. Здесь можно было бы поставить точку в сравнительном анализе мальчиков или наличия и отсутствия штанов. Но автор на последних страницах вновь устраивает встречу читателя с Мальчиком без штанов. Причём в диалоге оба мальчика привиделись писателю во сне. В конце книги сновидение ожило, а писатель, пытающийся разговорить своё видение, даёт нам понять, что отсталость и невежество при любых обстоятельствах сулят пущую зависимость.

Писатель неоднократно повторяет, что Европа – это не однородное явление. Говоря о Европе вообще, мы не говорим ни о чём. Германия – это не Франция, и Берлин не имеет ничего общего с Парижем. И если площади Парижа завораживающе прекрасны, а прогулки по его бульварам доставляют подлинное наслаждение, то Берлин – город скучнейший и некрасивейший: *«Уже подъезжая к Берлину, иностранец чувствует, что на него пахнуло скукой <...> Трудно представить себе что-нибудь более унылое, нежели улицы Берлина. <...> Каждому удаляющемуся экипажу так и хочется крикнуть вслед: счастливец! ты, конечно, оставляешь Берлин навсегда!..»* И всё же между европейскими странами больше общего, чем между любой из них и Россией. Крепнувший капитализм и набирающая силу буржуазия, госу-

дарственные и политические институты Запада, новая культура, обновляющиеся нравы и вкусы обывателя – вот что стало предметом насмешек Салтыкова-Щедрина. Когда-то он был среди тех, кто восхищался Францией, её культурой, идеалами, Жорж Санд и Бальзаком. Но к 80-м годам всё переменялось. Появились другие писатели, другие политики. Демократия без демократов, республика без республиканцев – примерно так увидел Салтыков-Щедрин ещё недавно обожаемую им Францию.

Своеобразие книги ещё и в том, что в ней нет положительных героев. Оттого и воспринимается полотно текста как пестрота, мелькание, непрерывные трансформации и метаморфозы, переход из одного состояния в другое, из привычной формы в новую, что глазу не на чем остановиться и отдохнуть. Нет лирических отступлений, не за кого порадоваться, нечем умилиться. Сатирические портреты идут сплошной, плотной и нескончаемой вереницей. Крестьянские дети в штанах и без оных, репортёры, графы, купцы, чиновники, метрдотели, содержательницы гостиниц, кокотки, приживальщики, компаньоны, учителя, жёны, тётки и свояченицы, русские и пруссаки, французы и швейцарцы – все поданы сатирически и, соответственно, гротесково, заострённо.

На этом фоне неистребимая тяга приписывать всех к каким-то лагерям выглядит особенно неуместно, поскольку определяющей – как воззрения, так и творчество писателя – установкой можно назвать его исключительное здравомыслие и приверженность правде, какой бы она ни была. А вовсе не умиление медовухой или поклонение заморским винам, не предпочтение придуманных, алкаемых картинок действительной жизни.

Да, писатель выступал беспощадным и беспристрастным судьёй над действительностью. Причём как русской, так и зарубежной. Но судьёй, преданным России, пекшимся о её процветании и благополучии. Он утверждал, что писателю надлежит переболеть всеми болями общества, которому он принадлежит и в котором он действует. Только такой писатель может претендовать на «значение выше посредственного и очень скоропроходящего». Сам Салтыков-Щедрин, можно сказать, не устал

болеть и проживать боль окружающей действительности, отзываясь на эту боль злым смехом и сгущая тёмные стороны жизни ради того, чтобы свет наконец стал ярче, а правда ближе.

Отрицание бесправия и бедности, глупости и жестокости, невежества и дикости – всего, что составляет тёмную сторону жизни человека хоть в России, хоть в Западной Европе, – и есть главная и сквозная тема его творчества. Излюбленный приём писателя – этакий широкоугольный окуляр, через который видна жизнь в полноте, от беднейшей крестьянской избы с земляным полом до губернаторского дворца.

В советское время принято было писать о глубокой ненависти писателя к господствующему классу и любви к народу. Но, думается, стоит смотреть на творчество Салтыкова-Щедрина под другим углом, поскольку его искренней неприязни удостоились и представители простого люда. Стало быть, не классовой любовью или ненавистью руководился он, обращаясь к сатире. Глупость и жестокость со стороны «чумазого» вызывали в нём такое же неодобрение, как и со стороны какого-нибудь помещика Затрапезного. Чего стоит «партия убогих» из Глупова. Особенно Парамоша и Яшенька, Аксиньюшка и Маремьянушка. И как современно звучит эпизод с назначением Парамоши инспектором глуповских училищ: *«Парамоша с Яшенькой делали своё дело в школах. Парамошу нельзя было узнать; он расчесал себе волосы, завёл бархатную поддёвку, душился, мыл руки мылом добела и в этом виде ходил по школам и громил тех, которые надеются на князя мира сего. Горько издевался он над суетными, тщеславными, высокоумными, которые о пище телесной заботятся, а духовного небрегут, и приглашал всех удалиться в пустыню. Яшенька, с своей стороны, учил, что сей мир, который мы думаем очима своими видети, есть сонное некое видение, которое насылается на нас врагом человечества, и что сами мы не более как странники, из лона исходящие и в оное же лоно входящие. По мнению его, человеческие души, яко жито духовное, в некоей житнице сложены, и оттоль, в мере надобности, спускаются долу, дабы оное сонное видение вскорости увидеть и по малом времени вспять в благожелаемую житницу благопоспешно воз-*

лететь. Существенные результаты такого учения заключались в следующем: 1) что работать не следует; 2) тем менее надлежит провидеть, заботиться и пеищись, и 3) следует возлагать упование и созерцать – и ничего больше. Парамоша указывал даже, как нужно созерцать. “Для сего, – говорил он, – уединись в самый удалённый угол комнаты, сядь, скрести руки под грудью и устреми взоры на пупок”».

И при этом сколько боли и горечи в его описаниях дворянок Анниньки и Любиньки Улановых, двух девиц, чьи жизни оказались загублены самодурством бабушки Арины Петровны Головлёвой. Оставшиеся сиротами после смерти матери – непутёвой дочери Арины Петровны, девочки попадают к бабушке, и отныне детство их превращается в египетский плен, в череду унижений и попрёков, так что, едва достигнув более или менее зрелого возраста, обе они предпочитают отчому дому актёрские подмостки. Пусть даже и в провинции. Но, по меткому замечанию автора, *«положение русской актрисы очень недалеко отстоит от положения публичной женщины»*. И особенно провинциальной актрисы. Но сёстры понимают это не сразу. На их примере, М.Е. Салтыков-Щедрин описывает ту особенность человеческой психики, которая объясняет постепенное, но довольно быстрое привыкание любой человеческой особи к любым нечеловеческим условиям жизни. Спервоначально обеим девицам просто противны намёки на их особенное положение. Они увлечены театром, служением искусству, им нравится одобрение зрителей, они довольны, когда роли им удаются, когда всё выходит «мило» и «с шиком». Они и не заметили, что постепенно между ними и тем кругом, к которому они недавно принадлежали, образовалась пропасть; что приличные дамы смотрят на них едва ли не с брезгливостью; а мужчины чувствуют себя в их обществе настолько вольготно, что давно уже не осталось сомнений в том, как именно их обеих воспринимают окружающие. Однажды Аннинька на время оставила сестру, а вернувшись, узнала, что у той каждый вечер собирается ватага, что Любинька одна среди мужчин поёт романсы под гитару, распустив волосы и обнажив грудь. Больше всего Анниньку воз-

мутила не грудь и не волосы, а то, что Любинька пытается петь как московская Матрёша. Ведь у Любиньки-то и голоса нет, это Аннинька может петь, как московская Матрёша, а не Любинька! То есть бывшее ещё недавно немыслимым стало для сестёр обыденным и даже нормальным. Дальше – хуже. Сёстры пошли по рукам, стали спиваться. Тут только наступило прозрение.

Салтыков-Щедрин выразительно и доступно показал, как человек может привыкнуть к любому положению вещей, как немыслимое постепенно становится нормальным, как быстро человек способен потерять свой человеческий облик, если ничем не связан с деятельным добром, если в жизни ему не за что держаться. Для Анниньки и Любиньки семья, формально близкие люди создали условия, от которых хотелось сбежать подальше, и не нашлось в их жизни никого и ничего, что не позволило бы пуститься во все тяжкие. Но вступив на свой скользкий путь, сёстры не сумели верно истолковать происходящее, не смогли понять, что может ждать их в будущем. Бурное настоящее захватило их, создав иллюзию благополучия и успеха. И, привыкая шаг за шагом к своему новому положению, они оказались не в состоянии взглянуть на себя со стороны и оценить, насколько хорошо и правильно всё, что они делают. И писатель не осуждает своих несчастных героинь. Напротив, он пишет о них сочувственно, словно о близких людях.

«Идёт чумазый! – уж точно не о помещике или царском чиновнике восклицал Салтыков-Щедрин. – Идёт и на вопрос: что есть истина? твёрдо и неукоснительно ответит: распивочно и навьно!»

А вот о пресловутом мужичке-богоносце: *«А бог его знает, что такое бог! У нас, брат, в селе Успленью-матушке престольный праздник показан – вот мы в спожинки его и справляем!»*

Конечно, не в народе как таковом и не в западничестве дело. В первую очередь Салтыков Щедрин – просветитель, поборник просвещения. Отсюда и западничество – как необходимость постоянно учиться у тех, у кого есть чему поучиться, как потребность непрестанно образовываться и отказываться от невежества, дикости, жестокости, безразличия, лицемерия,

бездущия. А Западная Европа, прошедшая более длинный исторический путь, знакомая и с революциями, и с ренессансами, может примером своим научить, поделиться опытом, как старшие государства с младшим. *«Воспитывайте в себе идеалы будущего, – призывал Салтыков-Щедрин, – взглядывайтесь часто и пристально в светящиеся точки, которые мерцают в перспективах будущего».*

Удивительно современным кажется творчество Михаила Еврафовича Салтыкова-Щедрина. Образы и явления, описанные им полтора столетия назад, интересны и привлекательны не просто потому, что описаны ярко. Нет, его реальность узнаваема – вот, что удивительно. Вон они, Парамоша с Аксинышкой, а вон и Аннинька с Любишкой, и Мальчик без штанов, и даже Арина Петровна Головлёва. А это значит, что Салтыкову-Щедрину есть о чём порассказать нашему современнику.

Евгений ЮШИН

Евгений Юрьевич Юшин – поэт. Родился в 1955 году в г. Озёры Московской области. Детские годы прошли на Оке и на Воже в рязанской деревне Лужки. Школу и пединститут (историко-филологический факультет) окончил в г. Улан-Удэ. С 1978 года работал редактором в Центральном Доме культуры железнодорожников г. Москвы. Здесь же несколько лет руководил литературным объединением «Магистраль». В 1986 году перешёл на работу в журнал «Молодая гвардия», которым руководил с 2000 по 2014 г. Стихи Е. Юшина публиковались в центральных журналах, альманахах, транслировались по радио и телевидению, переведены на болгарский, немецкий, французский, сербский, азербайджанский языки. Автор двенадцати поэтических книг. Лауреат ряда литературных премий, в том числе премии имени Сергея Есенина, премии имени Александра Невского «России верные сыны», Большой литературной премии России. Живёт в Москве.

Я ЛЮБЛЮ ТЕБЯ, РУСАЯ РОДИНА...

* * *

И как не заглядеться, в самом деле,
И как душой и сердцем не понять
И русское роскошество метели,
И пасмурного неба благодать?

Сквозняк зари высвечивает солнце.
И тают звёзд прохладные следы.
И яблонь тень. И около колодца –
Ведро едва колеблемой воды.

Меж ранним утром и ночной золою
Мир теплится счастливый, грустный, злой.
Так и живём меж небом и землёю,
Так и живём меж небом и землёй.

* * *

Под лепет листьев – щебет и шумиха.
Хмелеют от черёмухи коты.
Ну, кто ж из нас не бражничал с портнихой,
Что лугу сшила первые цветы?!

Любовь, война и стылые окопы,
И взрывов гарь, и порох женских губ.
Но на колени белые Европы
Доверчиво я не склоняю губ.

Не обмануть меня улыбкой лживой
Французу, англосаксу, немчуре.
О, Русь моя! Мы трепетны, мы живы,
Как слёзы жён, как рёсы на заре.

РАЗМЫШЛЕНИЯ ПЕРЕД ФРЕСКАМИ

Бухулёр в котлах кипит у донника.
Мелкий дождь перемешался с паром.
Кровью помню: конский пот и конники,
Зычный крик: «Гони, урус, отару!»

Волчеглазо смотрят чернокосые.
Лица, словно бронзовые блюда.
У костров, вихляясь, тени ёрзают,
На кривых ногах у юрт толкутся.

Зори – кровавыми полотенцами.
На полях – опалины и стоны.
По дорогам – матери с младенцами.
Мироточат скорбные иконы.

И летит полынью песня грозная.
А не все помрём. Осилим пришлых!
Стрелы выются по небу стрекозами,
Да зияют раны спелой вишней.

Костровищи, грязь, да глазки узкие.
Пали в поле хищные ордынцы.
«Русские» теперь звучит, как музыка.
Будем жить,

творить,

любить,

молиться!

Светел храм иконами и фресками.
Я и сам – на фресках. Право слово!
Я – потомок Александра Невского
И потомок Дмитрия Донского.

СОЛДАТКЕ

Памяти Алексея Полуботы

А когда я вернусь, мы с тобою поедem на реку.
За кувшинкою рыженькой я для тебя заплыву.
Но смогу ли забыть пятна крови – по свежему снегу,
В перекрестии дронов задымленную синеву?

Но когда я вернусь, ты опять запоешь нашу песню
Про калину, цветущую в поле у кромки ручья.
И когда ты обнимешь меня, я и вправду воскресну.
И не плачь, дорогая. Уж больно слеза горяча!

Всё теперь для меня и спокойнее стало, и тише.
Будут луг и туман золочёное зарево ткать.
А когда я вернусь, наши спелые росные вишни
Будут губы твои, будут слёзы твои целовать.

Доплыву я к тебе. Ты поверь, для меня это просто –
Через трель соловьиную, через раскаты громов.
Сядем рядом на волны смотреть, на плывущие звёзды.
Всё-то в мире не сложно, когда согревает любовь.

* * *

Ветер листья незримым неводом
Волочит по дорогам пройденным.
Видишь, облако – белым лебедем, –
Это воин летит на родину.

А над речкою ивы в трепете.
Люди в небо глядят и молятся.
Ах, какие летают лебеди!
Неужели уж не воротятся?

На погост за лесной поляною,
Где хорами боры – в полголоса,
Сядут птицы. Туманы манною
Матерям перекрасят волосы.

* * *

Вдруг почувствовать боль. И запеть, и заплакать.
Я и сам-то себе не сумел рассказать
Наших синих дорог неуютную слякоть,
Наших бледных, пастушьих небес благодать.

Кружит небо весна и хмелеют сирени,
Всё слышнее припевки ручьёв у дорог,
И бредут на ходулях еловые тени
Сквозь рябые болота, туманы и мох.

Дышит поле в просторах, негромких и древних,
Слышат реки мерцающих звёзд голоса.
О прожитом деревья поют на деревне,
Входят в окна домов синевой небеса.

Вольной песней душа и щедра и богата.
Если что утаил, то, пожалуй, прости.
Пляшут чёрные семечки, как цыганята,
У дремучей старухи в корявой горсти.

Пляшут в наших озёрах мятежные вóлны,
А трава безмятежно ложится у ног.
Подношу я к глазам слёз и радости полным
Золотою пчелою расшитый платок –
Молодильного луга платок.

ДОЖДЬ

Дождь пошёл, и хорошо бы –
Так и шёл он, так и шёл,
По карнизу шлёпал чтобы,
Чтобы каплями – о стол.

Нам и надо, чтобы – дождь,
Чтобы – губы, чтобы – дрожь,
Чтобы – голос и дыханье,
И объятья невтерпёж!

НА СЕНОКОС

...И облака – глаза коровьи.
И сон пушинки на виске.
И руки мужиков, что корни.
Роса – осой на колоске.

И посинело за окошком,
И посветлело, поднялось.
И солнце – рыжею морошкой,
И поцелуй его – насквозь.

* * *

Осень бродит. Видишь? Слышишь?
Возле яблони присяду.
Листья тихие, как мыши
Пробираются по саду.

Бездыханно даль дымится,
В золотом и синем тая.
Может быть, последней птицей
Эти веси окликаю...

ИСПОВЕДАЛЬНОЕ

Ах, ты, молодость, – сердце в огне!
И красавицы рядом были.
Дерзкий ветер кипел во мне.
Не за то ли меня любили?

Ну, и дури-то, дури – воз.
Грешен так, что кошмары снятся.
Много было их, женских слёз,
За изгибами хрупких пальцев.

Вы, подруги минувших лет,
Вы простите меня такого.
Все, кем был мой ночлег согрет,
Не держите в душе плохого.

Под иконой, едва дыша,
Умоляю: «Помилуй, Боже!»
Запечаталась вот душа, –
Никого обогреть не может.

Что ж хотите вы от меня?
Рай с задёрнутой занавеской?
Нету в сердце теперь огня.
Он погашен слезою женской.

* * *

Тишина пустоглазых скворечен.
Ветерков бестолковых испуг.
Скучно песне в лесу поседевшем.
Солнце немощно смотрит на луг.

За уставшей избой огорода
Снова стали пустою землёй.
Тучи – бочками. Тёмные воды.
Ельник небо цепляет пилой.

Перепилит – опилки польются –
Наши нежные, снежные сны.
И селенья от слёз задохнутся,
И ослепнут до самой весны.

* * *

Ах, ты, милый мой край!
Золотая оса и гречиха.
Лупоглазый карась
И зелёная горечь болот.
Красит губы заря.
Петухи откликаются тихо.
И проснувшийся шмель
Над цветами молитву поёт.

Это – Русь! Понеслось!!!
Над полынью, где чибисы плачут,
Над русалочьим шёпотом
В синем тумане осок,
Над белёсой берёзой
Зелёные звёзды маячат,
И ершится усами
Поутру ржаной колосок.

Вот и я, вот и я
Пропою свою песню о счастье
На земле этой быть
И успеть полюбить до краёв
Этот горький овсянник,
И этот малинник несчастый,
И молочной дорогой
Бредущих вечерних коров.

И заря набухает,
Как пышные груди сирени.
Ох, как дышит она,
Как гуляет по бёдрам ольхи!
Потому-то в ночи
По листве рассыпаются трели,
Потому-то под утро
Рождают зарю петухи.

И опять, и опять
Золотое встаёт, золотое
Над полесьем, над полем,
Над лугом, над нами с тобой.
Дышит поле кудрявое,
Лёгкое поле льняное.
Пьяный дым над трубою
Вприпляску идёт синевой.

Посмотри, как роскошны,
Разгульны, пышны наши зимы,
Наши терпкие осени
В золоте и серебре.
Этот мир так прекрасен,
Как только лишь очи любимой,
Как горячий, певучий
Её поцелуй на заре.

* * *

...И постепенно – утро на окне.
А за окном – горбатая дорога.
Немая ночь сгорает на огне
Серебряного, иневого стога.

Ну, кто теперь мне скажет: «помолчи»?
Без ветра кто в реке поднимет волны?
Кто облаков седые калачи
Развесит над поющей колокольной?

Кто выпустит шмеля в поток травы?
Кто молнии гремучие стреножит?
Любить, как я, сумеете и вы.
Но рассказать любовь не каждый сможет.

* * *

Я плыву. Березняк вдалеке.
Отражаются избы в реке.
Отражается лес и цветы,
И у самого берега – ты.

Отражается взгорок и стог,
На телеге хмельной мужичок.
И молодка с коляской, и сад,
И погост у церковных оград.

А за полем совсем далеко
Грузный город сипит нелегко.
Как дымок папирос от губы,
Волокутся дымы из трубы.

Я плыву. А вокруг – облака.
Колокольню цепляет рука.
И поёт благовест над водой.
И целуется солнце с волной.

Мимо счастья и мимо невзгод
Наша родина в речке плывёт,
Наша жизнь неторопко плывёт
За простор утекающих вод.

* * *

Я люблю тебя, поле осеннее,
Словно песни Сергея Есенина,
Словно радость от первых снегов,
Словно золото русских стихов.

Я люблю тебя, русая родина.
Синева законная пройдена.
Солнце льётся теплом по глазам.
Тихо-тихо в груди небесам.

* * *

Я убежал от скрежета прогресса.
Луну ржаную окликает выпь.
И пролетает чайка-стюардесса,
На озере высматривая рыб.

Я убежал. Мне этого хотелось –
От площадей и флагоносных крыш.
И, оказалось, поимел я смелость
Любить не бриллианты, а камыш.

Любить тоску осиновою прохлады
И счастье ветра – подметать в садах.
Так улыбнись, любимая! Ты рада,
Рассвету на церковных куполах?!

Колокола... Мне так знакомо счастье
Бежать по лугу, у ракит рыдать,
И принимать душою, как причастье,
На лопухах росинок благодать.

Евгений МИРМОВИЧ

Евгений Владимирович Мирмович – прозаик, юрист, волонтер. Родился в 1973 году в Ленинграде. В прошлом офицер силовых структур, подполковник, с 2012 года предприниматель, с 2019 года один из редакторов литературного портала «Имба-читальня». Выпускник литературных курсов при Литинституте им. А.М. Горького. Публиковался в «Литературной газете» и газете «Московский литератор», в журналах: «Наш Современник» (Москва), «Роман-Газета» (Москва), «Волга XXI» (Саратов), «Север» (Петрозаводск) «Нижний Новгород», «Дрон» (Белгород), «Параллели» (Самара), «Южная звезда» (Ставрополь) и «Невский проспект» (СП-б), «Начало века» (Томск), «Сибирскъ» (Ульяновск), «Русское поле» (Орёл), «Царицын» (Волгоград), «Сура» (Пенза), «Аргатак» (Татарстан), и др.

Член Союза писателей России.

ГЛУБЖЕ МОРЯ

Повесть

Глава первая

БЕЗ ОТЦА

Старик погладил по голове линияющего по весне чёрного пса и спустился с крыльца на мягкую, ещё сырую после таяния снега землю. От станции потянуло гарью полыхавшего всю ночь пожара, замаравшей прозрачность солнечного весеннего утра.

– Кажется, погасло? Чтоб им пусто было, извергам. Каждый день обстрел.

Дед приоткрыл голубые резные ставни бревенчатого дома, рубленного ещё его отцом, после войны. Одна ставенка завалилась набок и рассохлась. Николай Петрович тщетно подёргал её и, махнув рукой, оставил как есть.

Он не менял эти ставни с умыслом. Рука не поднималась сломать единственное, что напоминало об отце. И без того родитель едва проступал в его памяти. Вернувшись с фронта хромым, отец в первые годы рьяно взялся устраивать новую жизнь. Срубил пятистенки, мечтал завести коровёнку да свиней.

Николай Петрович помнил его сильные жилистые руки и удалую гармонию, разливавшую вечерами залихватские мелодии по задворкам шахтёрского посёлка.

День ото дня мотивы отцовской гармонии становились всё печальнее. Жизнь на селе в гору не пошла. Отец запил и незаметно сник. Когда хоронили батю, Николаю едва минуло четырнадцать. Так и прожил он без отца с юности, но ставни старой хаты берёт. Он помнил их ещё новыми, пахнущими смолой и свежей стружкой. Да и воспоминания об отце становились для него с годами всё дороже.

Петрович взглянул на небо. Просветы меж весенних облаков то заволакивало плотным маревом, то вновь освобождались на небе синеющие обрывки неумолимо подступающей весны.

Старик почесал пса за ухом. Тот в ответ ткнул шершавым, как маленькая стёртая боксёрская перчатка, носом, в морщинистую ладонь старика.

Ещё голые берёзы уже казались живыми. Глядя на них, старик подумал, что умирать рановато, и он уж точно доживёт до Троицы. Теперь, наверняка увидит сочную светло-зелёную листву. Он дал псу мешанину и закурил. Сильно ныла спина. Николай Петрович знал, что эта хворь на смену погоды. А вот нога в конце весны заносит по-настоящему. Эхо старой шахтёрской травмы. Собранная на штырях конечность с годами давала о себе знать всё сильнее.

Петрович выкурил на крыльце папиросу и вернулся в дом. Разогретая на плите старая чугунная сковорода уже шипела маслом. Ковшик с тестом и капустная начинка были наготове. Да и сам Петрович был готов к сложившемуся за долгие годы ритуалу и по обыкновению сам себя подбадривал разговором.

– Ну что, Валюшка, начинаю печь блины для тебя! – произнёс он в пустоту с неизменным для такого случая теплом и лаской.

Дровяная плита отозвалась тихим воем. Одно время Петрович пытался печь блины на газовой плитке, но выходило не то. Каждый год в день рождения покойной супруги старик растапливал дровяную печь и пёк на ней блины. Так повелось с какого-то незапамятного дня их долгой совместной жизни. Продолжал он делать это и теперь, на восьмой год после её ухода.

Дед вылил тесто на горячую сковороду, и привычное шипение порадовало слух, напоминая прежний уют и давние годы, когда вся семья была вместе.

Чёрный пёс пробрался в избу и, развалившись поодаль, казалось, внимательно слушал старика. Одно ухо его было настороженно поднято, другое вяло свалилось на морду, выдавая немалый собачий возраст.

Петрович долго помешивал ложкой тесто, глядя куда-то в оконный проём, в сторону станции, откуда доносились глухие ритмичные уханья артиллерийских выстрелов. По пять залпов подряд, потом тишина. Затем снова пять. Старик всегда считал их.

Николай Петрович вылил поварёшкой тесто на раскалённую сковороду. Горячее масло с треском и шипением разлетелось мелкими брызгами.

– Ох ты, горе глубже моря. Перекалил сковороду, – дед отпихнул её полотенцем в сторону и посмотрел на пса, который приподнял голову, услышав недовольный голос хозяина,

Старик откинул подгоревший блин в мусорное ведро. Михай опустил второе ухо на морду и зажмурил глаза. Сквозь ажурную занавеску в дом струились косые солнечные лучи, расчертившие стремительными линиями клубы блинного чада. Мелкие пылинки еле заметно парили в тёплых потоках света.

Когда дело было сделано, старик аккуратно закрутил в блины начинку, завернул в бумагу и, уложив в коробку от печенья, вышел на улицу. Михай послушно семенял позади.

Грунтовая дорога до кладбища размокла, и Петрович шёл вдоль заполненной мутной водой колеи, огибая круглые, во всю ширь дороги, лужи. Кирзовые сапоги его всё время скользили в грязи, от чего старик старался идти осторожнее. В светло-сером небе то и дело появлялись голубые прогалины. Верхушки голых берёз словно тянулись к ним, раскачиваясь на ветру и рассыпая вокруг себя стаи крикливых галок.

Могилка Валина на самом краю кладбища. Хоть и давняя, а с краю. Хоронят здесь нынче нечасто. Петрович не без труда открыл прижавевшую калитку оградки. Смахнул со скамьи отшелушившуюся старую краску, присел.

Бетонный крест, облицованный мелкой белой керамической плиткой, треснул у самого основания и обнажил ржавую, но ещё крепкую арматуру. Петрович слегка пошатал его рукой.

– Ничего. Ещё постоит. А летом подправлю в последний раз.

Старик положил коробку с блинами на облезлую серебристую вазу с барельефами траурных кистей по бокам.

Он сидел, обхватив руками колени. Его несоразмерно огромные кисти рук, покрытые вздувшимися синими венами, сцепились мощными пальцами в один тугой узел, затянутый намертво. Как и переплетающие жизнь невзгоды, слитые теперь в неразрешимый, монолитный клубок разочарований. Не постариковски ясные, тёмно-серые глаза искали что-то в плывущих по ветру облаках.

– Всё как ты любишь, Валенька. Капусточку мелко порезал. Солил не сильно, – тихо произнёс Петрович, словно стесняясь, что его услышат. Но говорить хотелось. Он огляделся и, не увидев людей, продолжил.

– А от сына-то весточек нет, Валюша, – вздохнул старик, – что ему наша Ивановка? Забыл уж давно и название это в большом городе. Какие ещё новости, ты спрашиваешь? Пёс наш Михай постарел, но жив ещё. Я, с Божьей помощью, тоже. А в мире ничего нового. Кошка у Семёновых родила пятерых. Это новость. А в остальном... Воюют вокруг нас, мать, теперь вот и сюда долетает. Недавно на станции склады взорвали. У Семёновых три окна выбило. Будь они прокляты, те нелюди, что творят всё это. Ох ты, горе глубже моря.

Николай Петрович ещё раз оглянулся. Кроме развалившегося на сухой прошлогодней траве Михая вокруг не было ни души, и старик снова заговорил.

– Ты, Валенька, всё о внуке мечтала. Я тебе ещё в запрошлый раз говорил, что сынок у нашего Андрюхи родился. Яромиром назвали. А в честь кого, я так и не понял. Уже третий год пошёл, а так и не привезли его в Ивановку ни разу. Сам Андрей разок был, проездом, да только один, без семьи. Наверное, мне и не видать его уже. Что поделать?

Я вообще думаю, что на Троицу и мне пора уж к тебе. Вот и рубашечку собрал, и костюм. Да и соседу Прокопьеву все распоряжения дал ещё осенью. Пусть дом в целости Андрюхе передаст, как тот приедет, а курятник по своему усмотрению использует. Он хороший мужик, Прокопьев. Ты же помнишь? Правда, пить больше стал, но в здравом уме пока. Ох ты, горе глубже моря. А кому ещё? Тут уж и некому больше поручить.

Со стороны станции снова пять раз подряд отгрохотало.

– Ещё вот девка одна беспутная приходила ко мне недавно. Говорит, якобы нашего младшего, непутёвого, Серёги, жена гражданская. Да ещё с пацанёнком на руках. Сказала, что от Серёги родила. Я прогнал. Серёгу-то уж год, как поездом переехало, а она твердит, что жила с ним до этого. Тоже в депо работала вроде как. Чёрт бы их всех подрал алкоголиков. Я вот прогнал тогда. А теперь думаю – может, зря?

Тёплый ветер шевелил редкие седые волосы на висках старика. Петрович прислушался. Где-то далеко у станции раздался тепловозный гудок.

– Ну а ты, Михай, что думаешь? – повернулся Петрович к собаке, – Серёгино дитё или врёт девка? Заполучить с меня что-то хочет? Хотя, что с меня получишь? Дом на Андрея отписан. Имуущество – хлам один. Пенсия вся на лекарства уходит. Так что и взять нечего. Может, не врёт всё же. А я выгнал.

Петрович распаковал коробку с блинами, отпил берёзового сока и, поставив бутылку обратно, стал неторопливо пережёвывать своё кулинарное творение.

– Один съём, Валюша, остальные тебе тут положу.

Старик прекрасно понимал, что каждый раз оставляет свою снедь на съедение птицам, но душа его просила совершения этого действия. Требовала этой пусть и бессмысленной теперь заботы о родном человеке, который вопреки всем законам природы оставался для него жив.

Петрович частенько говорил с Валентиной вслух. Иногда эти монологи спасали от тоски в глухом прямоугольнике стен.

– А помнишь, Валенька, белый пароход? Тот, на который нам путёвку от профсоюза шахты дали после свадьбы?

Николай Петрович вспомнил начищенную, сверкающую на солнце палубу. Развевающееся на ветру Валино ситцевое платье в горошек и бурлящую пеной белоснежную полосу за кармой теплохода, уходящую в бирюзовую даль. Это было одно из немногих светлых воспоминаний его жизни. Оно приходило на память в самые тяжёлые моменты, просачиваясь сквозь сплошную угольную пыль и скрежет вагонеток, заполнивших

его судьбу в три нормы. Наверное, в этой угольной пыли да в перестроечной голодухе и упустили они с Валентиной младшего сына Сергея. Не выучился толком, выпивал, работал в депо подсобным рабочим. Там и погиб по пьянке. Старший, Андрияха, оказался пошустрее, уехал в Питер, устроился на хорошее производство, женился и после смерти матери приезжал в Ивановку всего раза три-четыре.

Петрович достал папиросу и чиркнул спичкой об истёртый помятый коробок. Мелькнувшее в этот момент крошечное пламя тут же погасло от резкого толчка. В стороне железнодорожного узла что-то ухнуло, Петровича тряхнуло, словно земля сместилась под ним в сторону на полсапога. Коробок спичек выпал из рук. Бутылка с берёзовым соком покатилась в сторону, чуть качнулся бетонный крест, и стаи галок поднялись с криком в небо.

– Мерзавцы, – прошептал старик, – опять обстрел, – и, подняв с земли коробок, всё же прикурил.

Со стороны станции поднимался столб чёрного дыма.

* * *

Вечером в окно Петровича постучали. Старик вздрогнул от неожиданного, слегка дребезжащего звука. Нечасто в последнее время навещали к нему гости.

– Кто? – сухо спросил старик, не испытывая особой радости от встречи с непрошеным визитёром.

– Это Варя. Я приходила к вам как-то. Подруга Сергея. Мне нужно поговорить с вами. Пожалуйста, выслушайте меня.

– Ну, зайди, погутаим, – Петрович отодвинул засов и впустил гостью, вошедшую с волной холодного весеннего воздуха. Она тяжело дышала от быстрой ходьбы. Лицо её выглядело осунувшимся, а макияж крикливым и неуместным. На руках Вари спал мальчишка полутора-двух лет.

– Я знаю, вы мне в прошлый раз не поверили. И не надо – не верьте. Просто мне теперь больше некуда идти, кроме вас. Общежитие железнодорожное сгорело сегодня. Оно как раз

рядом со складами было, по которым ударили. Нас в школе расселили, но там холодно, а у меня Сашка болеет. Можно пока к вам? Вы же дедушка наш.

– Какой я вам дедушка? Это ещё бабка надвое сказала. Но раз идти некуда, так поживи, мне не жалко. Только чтобы алкоголя здесь на пушечный выстрел не было. И мужиков тоже. У меня тут не бордель.

– Хорошо же вы обо мне думаете, – в голосе Вари отчётливо слышалась обида. Она отвернулась в сторону и торопливо раздела уснувшего на руках Сашку.

Старику стало неловко. «Что набросился на девку? Пьёт, не пьёт, что её судить. Сынок-то мой Серёга, чем лучше был? – подумал Петрович. – Он тоже, считай, без отца вырос, пока я на шахте вкалывал».

Варя по-хозяйски уложила Сашку в старое покосившееся кресло и накрыла своей курткой. Скинув с головы платок, высвободила волосы и принялась распаковывать наспех собранную сумку. Только теперь старик заметил худобу и молодость гостыи. «Запуталась, бедолажка, а тут ещё обстрелы эти. Ей бы мужика надёжного, а не Серёгу моего беспутного найти надо было» – подумал Петрович и почувствовал, что больше не испытывает неприязни или настороженности по отношению к Варе.

– Родня-то у тебя есть, или сирота? – спросил старик, присев на подоконник к приоткрытой форточке и доставая папиросу.

– Есть. Но считай сирота.

– Это как же?

– А так, – строго ответила Варя. – На западном берегу все. Откуда по нам десятый год стреляют. Братец мой тоже там служил, чтоб ему пусто было, фашисту.

Варя вынимала из сумки смятую в спешке детскую одежду, и Петрович ощутил неприятный запах гари.

– Сама-то ты как у нас оказалась?

– Сразу после школы в медучилище приехала, потом осталась в фельдшерском пункте в Ильичёво работать. А когда закрыли его, то на железнодорожный узел пошла в ПЧ-14. Тогда

уж и переход на ту сторону закрыли. Матери звонила, но она не хочет и говорить со мной теперь. Мол, я предала их, осталась в России. А батьки у меня и отродясь не было.

– Ох ты, горе глубже моря...

– Вы форточку прикройте, пожалуйста. Говорю же, Сашка у меня болеет.

Старик прикрыл форточку и почувствовал какое-то давно забытое ощущение человеческого тепла в доме. Тепла не в градусах по Цельсию, а неуловимого добра на душе. Именно оттого, что в его, Николая Петровича, доме, нужно теперь закрывать форточку, потому что кому-то нездоровится. И, закрывая эту форточку, он машинально проявляет нечто сродни той заботе, с которой недавно пёк блины, оставленные на кладбище. Только теперь это приобретает ещё и практический смысл.

– Ты вот здесь на диване ложись, к ребёнку поближе. Одеяло в верхнем ящике комода выбери. А я на кухне лягу.

– Вы скажите, что по хозяйству надо, я помогу. Не смотрите, что худенькая, я в деревне выросла, работающая.

– Документы у тебя какие-нибудь есть, работающая?

– Документов нема, всё в общежитии сгорело. Теперь восстанавливать надо.

– Плохо это, Варя. Завтра же в администрацию пойдёшь. Без документов никак нельзя.

– Пойду, Николай Петрович. Обязательно пойду.

На следующий день старик истопил баню. Чистый четверг как-никак. Ещё со времён работы на шахте он стал воспринимать баню, как некий очистительный ритуал, смывающий всё лишнее не только с тела, но и с души. В трудные дни своей жизни, когда требовалось крепко обдумать непростое решение или успокоить тревогу, Николай Петрович всегда топил баню. А подумать было о чём и в этот раз.

Ещё с момента первого появления Вари старик не исключал, что девка всё-таки не врёт. А тогда, страшно сказать, у него появился внук. Шутка ли? Теперь, после пожара и прихода Вари, он ещё больше мучался сомнениями. Распарившись докрасна

и обернувшись простынёй, Петрович вылез на узкое банное крылечко. Лежавший возле ступенек Михай приподнялся, потянулся и дружелюбно завилял хвостом.

– Что думаешь, Михайка? – обратился Николай Петрович к собаке.

Старик любил разговаривать с псом, будучи в хорошем настроении, а баня к этому располагала.

Михай чуть склонил чёрную голову набок и внимательно посмотрел на хозяина, словно уточняя смысл вопроса.

– Ну, допустим, аферистка она. Положим, выпивоха, и дитё неизвестно где нагуляла. И что теперь? Что ж я, не человек, что ли? На Руси погорельцев всегда принимали. Будет безобразничать, так и выгнать никогда не поздно. А если не врёт? Узнать бы толком где...

В пятницу Николай Петрович поехал на весь день в райцентр за продуктами, попутно надеясь встретить кого-нибудь из знакомых железнодорожников, расспросить про Варю. Расспросы эти ни к чему толком не привели, а вот закупить со скидкой макарон и консервов Петровичу повезло. Вернувшись домой, он не застал Варю. Не появилась она и когда стемнело. К полуночи Николая Петровича охватила тревога. Неприятная мысль внезапно ухватила старика цепкой хваткой. Он открыл сервант и, отодвинув пыльные книги, заглянул в старую медную пепельницу с тяжёлой крышкой. Пенсия, хранившаяся в этом укромном уголке, была на месте. Потускневшее Валино обручальное кольцо тоже. На душе отлегло.

«Видать, просто загуляла девка. Нехорошо, конечно, малого жаль», – подумал Петрович и почувствовал нежность к этому беззащитному малышу, родившемуся у непутёвой матери непонятно от кого, да ещё и в такое время, и в таком месте, где что ни день, то обстрел да пожар.

Николай Петрович вспомнил о неприятном запахе гари от скомканных Вариных вещей.

– Постирать-то не догадалась, лентяйка. Ох ты, горе глубже моря. А ещё говорит, работающая, – произнёс вслух Петрович, – замочить бы хоть в порошке эту грязь.

Старик подошёл к большой клетчатой сумке и вынул пару тряпок, лежавших на поверхности. Небольшая пластиковая папка с бумагами шлёпнулась ему под ноги. Подняв её, чтобы вернуть на место, старик невольно увидел первый лист. «Свидетельство о рождении». В графе «отец» стоял короткий мёртвый прочерк.

– Обманула, стерва, – вырвалось у Петровича, – документы-то все на месте. И не Серёги моего покойного сын, значит. Вернётся – выгону к чёртовой матери.

Вмиг тело Николая Петровича охватила усталость. Как после долгой работы в забое, все конечности разом загудели. В душе нарастала тяжёлая обида. И не так обиден был обман. Его Петрович в жизни пережил не раз. Обидно было распрощаться с робкой надеждой, что всё-таки в доме появилась родная кровь, а значит, и последний отрезок жизни мог обрести смысл.

Николай Петрович, не раздеваясь, завалился на кровать. Он долго не мог уснуть, а когда ненадолго проваливался в сон, ему казалось, что он один остался в забое. Лежит в длинной, бесконечной штольне, из которой нет выхода. Просыпаясь, он понимал, что это сон, но окружающая его темнота и низкий потолок избы мало чем отличались от темноты обесточенной аварийной шахты.

– Выгону, как только вернётся, – повторял старик то ли вслух, то ли во сне.

Под утро послышались шаги, хлопнула дверь, и Петрович услышал Варин голос. Она неразборчиво шептала что-то малышу, чертыхалась на погоду, пыталась затянуть песню и явно была пьяна. Через мгновение старик почувствовал сильный, сладковато-едкий запах алкоголя. Ещё несколько минут Варя гремела кастрюлями, потом всё мгновенно затихло, и только шум ветра за окном давал понять, что всё это не сон, а новая реальность, с которой Петровичу придётся считаться.

Как только рассвело, старик поднялся и засобирался в храм. Невольно он поймал себя на мысли, что старается ступать тихо, чтобы не разбудить Варю и Сашку. От этого ему на секунду

стало легче. Но как только Петрович вышел на улицу, чувство обиды снова завладело им.

– Вернусь со службы и выставлю её ко всем чертям. Помереть не дадут спокойно, – думал Петрович, – что ж за судьба такая мне под конец жизни? Как Валюша ушла, так всё в жизни и посыпалось. И дома от снарядов рушатся, и душа от неведомого разлада истерзалась. За детей больно, четыре стены давят одиночеством, а тут ещё эта пьянь на мою голову. Выгоню. Не даст она мне покоя. Если её оставить, завтра здесь, в нашем с Валея доме не только разруха будет, но и ещё распутство.

Вновь старик шагал вдоль заполненной водой дорожной колеи.

– Надо у отца Владимира в храме совета спросить, – думал он, – старый протоиерей – человек мудрый, образованный. Как он скажет, так и сделаю.

Когда Петрович подошёл к храму, служба должна была уже идти. Старик почувствовал себя немного неловко, что, встав загодя, не поспел к самому началу. На удивление, литургия не шла. Народ перешёпывался, ставили свечи, по толпе прихожан катился пугливый ропот. В дальнем углу кто-то завыл, как по покойнику.

– Случилось, что ли, в райцентре что-то? – спросил Петрович, встретившись глазами со знакомой женщиной из Ильичёво.

– Отца Владимира вчера осколком убило! Господи, беда какая! – отозвалась прихожанка.

– Так это, как же мы теперь? – не найдя что сказать, произнёс Николай Петрович в замешательстве.

– А так. Без батюшки служить будут. Говорят, молодого священника прислали из города, уже облачается, скоро начнут.

И снова темнота обесточенной аварийной штольни простиралась перед стариком. В ней тонули звуки, не хватало воздуха, и не было товарищей. Только мрак, удушливая угольная пыль, иссушающая лёгкие, и лишь где-то на поверхности по-прежнему ухала артиллерия.

Петрович не помнил, как вернулся назад. Тяжёлое забытьё оставило его лишь в родном дворе. Войдя во двор, Николай

Петрович увидел колыхающиеся на бельевой верёвке, выстиранные белые детские носочки. Что-то резануло по сердцу. Старик остановился посреди двора. Он никак не мог понять, что за ощущение нахлынуло из глубины его памяти. Сияясь вспомнить, он вдруг предельно ясно увидел давнюю весну, когда точно так же развевались на ветру носочки его маленьких сыновей. Только дом был тогда, как будто чуть повыше, а верёвка шла точно так же, к бане. Словно сейчас выйдет на крыльцо Валя и, улыбаясь, протянет свежее полотенце, чтоб умылся после шахты. Но шли минуты, а на крыльце было предательски пусто.

Петрович поднялся по ступенькам и шагнул в дом. В тишине под его сапогом скрипнула половица. Старику показалось, что скрипнула она в этот раз более громко и протяжно, чем обычно. Затем звук повторился, несмотря на то, что Петрович не двигался. Оглянувшись, он увидел Варю. Она, закрыв лицо руками, вздрагивала худым, как будто вмиг ещё более усохшим телом. Прижимая ладони к губам, Варя пыталась заглушить рыдания. Сашка мирно спал рядом. На столе лежал злополучный пластиковый конверт с документами.

– Ну что ты? Не надо. – Петрович решительно не знал, что ему сказать. Он давно забыл, что говорят в таких случаях, и растерялся, но глаза его всё ещё светились тем необыкновенным весенним теплом, которое охватило его во дворе.

– Простите меня, Николай Петрович! Простите! – Варя подняла взгляд и умоляюще посмотрела на старика заплаканными блестящими глазами.

– Ох ты, горе глубже моря, – смутился старик, шаря в карманах в поиске папирос, – все мы грешны, дочка. Все не ангелы. Ты только, меня слушайся, и не пропадём. Слышишь? Не пропадём!

Старик вытащил из кармана папиросы и дрожащей рукой попытался вытряхнуть из пачки одну, но рассыпал, и несколько штук выпали на пол.

Варя не выдержала и зарыдала в голос. В этот момент проснулся Сашка. Он присел на кровати и удивлённо захлопал глазёнками.

Петрович нагнулся было поднять папиросы, но, словно одумавшись, резко выпрямился и, шагнув к Сашке, поднял его на руки.

– Внук проснулся, – заявил громко Николай Петрович, подбрасывая Сашку крепкими, ещё не до конца растерявшими силу, шахтёрскими руками.

Варя перестала плакать и с удивлением смотрела то на сына, то на старика.

– Что, Сашок, проголодался, небось? Сейчас мы с тобой кашу сварим. Мы такую кашу сварим, тебе и не снилось! Ох, какую кашу мы с тобой сварим, Сашка...

За окном по-прежнему гнулись на тёплом ветру ветви берёз, разбрасывая во все стороны стаи кричащих галок. И лишь где-то далеко снова методично ухала артиллерия.

Глава вторая

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Когда мокрые комья грязи шлёпали Игоря по всему телу, он по привычке вжимался в землю. Они, как холодные, тяжёлые, мерзкие жабы, били его со всех сторон. Игорь не боялся их. Он уже привык, что после каждого взрыва эти чудовищные шлепки лупят его. Страшен был только тот ужасный свист, который им предшествовал.

Такой свист был позавчера, во время перекура. Когда бойцы третьего взвода курили возле блокпоста. Громыкнуло где-то поодаль, но Игорь увидел, как Серёга, неловко подвернув ногу, завалился в мокрую от утренней росы траву. Он лежал точно такой же, как секунду назад. Смуглое, почти детское лицо не выражало ни тревоги, ни страха. На нём не было крови. Глаза его были ясны, и даже сигарета по-прежнему дымилась в его крепко сжатых пальцах. Но Серёга был мёртв, и последние слова недосказанной байки застыли в его окаменелых губах.

С недавних пор только этот свист оставался для Игоря единственным звуком, вызывающим страх. Не грохот разрывов, ни содрогание почвы под ногами уже не пугали его.

Когда после свиста в Игоря полетели чёрные земляные комья, он радовался. Значит, жив. «Господи, сохрани мне жизнь», – повторял он опять и опять. Последнее время он часто повторял эту фразу. Иногда шептал вслух, но чаще про себя, как на крайнем построении, где ротный, Валерка Ковальчук произносил свою речь. Тогда Игорь не знал, что не увидит больше Ковальчука, но чувствовал это.

Видимо, осознал это и сам ротный.

– Москва за нами! – орал командир. – Отступить некуда!

Игорь знал, что позади не Москва. Там нищее, разбитое огнём РСЗО село, где в бревенчатом, покосившемся срубе с голубыми ставнями живёт седой старик и чёрный хромоногий пёс. Он видел это, когда они проходили через посёлок несколько дней назад. Почерневший, с растрёпанными седыми волосами старик держал на руках мальчика. Пёс скулил и жался к ногам старика, обутым в войлочные лохмотья, перевязанные бельевой верёвкой.

Игорь знал, что далеко ещё до Москвы, но и старика с мальчишкой было достаточно. От этого слова Валерки не становились неправдой. Игорь был уверен, что ради одного этого деда рота не должна отойти назад ни на шаг. Чёрные, угольные глаза старика кололи Игоря острой спицей, просили защиты и жизни. Просили не уходить с этой земли, где могилы родных да маленькая извилистая речка, оставались единственными уцелевшими ориентирами старой, разрушенной жизни.

* * *

Сегодня стало совсем плохо. С утра Игорь ходил в посёлок за водой. В свежей воронке возле дома с голубыми ставнями он видел чёрного пса, что был когда-то с дедом. Тело собаки безжизненно распласталось на куске шифера. Ветер кружил солому в пустых, потерявших стёкла окнах. Единственная уцелевшая

резная ставенька повисла на забрызганном грязью покосившемся фасаде. Неподальёку завалился набок сгоревший остов санитарной «буханки», на которой увозили «трёхсотых», в том числе и Ковальчука. А ещё дальше дымились чёрные пятиэтажки райцентра, с вывороченными из окон обломками оконных рам. В подвалах этих домов были люди. Наверное, где-то там, был и старик с ребёнком на руках. Поэтому отходить было нельзя.

Игорь стёр с лица выступивший пот и вжался в землю. В нос ударил резкий запах изолянта, которой были перемотаны два его развёрнутых в разные стороны магазина АКМа. Всё тело намертво приросло к земле, не желая отходить назад. Два магазина, да ещё «Эфка» в кармане – это много. Вспомнились слова Валерки Ковальчука: «Если пехота решила не уходить, то никакие танки не пройдут! Вон сколько мы их уже наколотили!».

– Нет. Не уйдём, – прошептал Игорь и, приподняв голову, посмотрел в поле, где, разбросав гусеницы, уткнулись в землю стволами несколько танков.

В этот момент снова раздался свист, а за ним была немая тишина.

* * *

Игорь очнулся, когда двое в зелёных медицинских костюмах что-то делали с его головой. Один из них, голубоглазый, широкоплечей, с мускулистой фигурой, стоял чуть поодаль, скрестив руки. Другой, с густой чёрной бородой и татуировкой на шее, разматывал на голове Игоря повязку.

– Ну, как тебе? – спросил бородач у коллеги, освободив голову Игоря от бинтов.

Голубоглазый наклонился к голове Игоря. Долго и пристально что-то рассматривал.

– Хреново, – заключил голубоглазый и жестом позвал кого-то.

Подошла молодая женщина в таком же зелёном костюме. Свинцовые синяки под глазами делали её почти юное лицо измождённым. Тонкие губы крепко сжаты. Не по размеру просторные рукава чуть повисли на исхудалых плечах.

– Пять кубиков внутривенно, – скомандовал бородач. Женщина молча кивнула.

«Господи, сохрани мне жизнь», – произнёс про себя Игорь. «Пять кубиков». Сознание, покачиваясь, извивалось, как в кривом зеркале. Он вспомнил детские кубики. Большие, разноцветные, лёгкие, пластмассовые. Из раннего детства. Они всегда были какие-то кривые, и из них совершенно невозможно было что-то построить. Ещё у каждого кубика на ребре была маленькая дырочка. Ребёнком он никак не мог понять, для чего она. А сейчас эти разноцветные кубики вертелись перед ним в воздухе, складываясь в замысловатые узоры, как в калейдоскопе. Иногда сквозь них Игорь видел тревожное женское лицо с тёмными кругами возле глаз и бледными губами. Про себя Игорь назвал её «повелительницей кубиков». Она то исчезала, то появлялась снова, протягивая Игорю блюдце с тёплым сладким чаем. Был ли это сон, или всё это происходило наяву, Игорь не мог отчётливо понять.

* * *

Однажды, когда голубоглазый и бородач снова размотали голову, Игорь услышал восторженное восклицание, а бородач громко хлопнул в ладоши.

– Ну, ты смотри! А он жилец! – обрадовался голубоглазый.

С этого момента Игорь поверил, что жизнь продолжится. Неважно, какая, всё равно, где и как, но он будет жить. Собрав все силы, Игорь понемногу начал поднимать голову. «Повелительница кубиков» приносила чай и жидкую кашу. Кормила Игоря, обтирала полотенцем, ставила капельницы. Она никогда не улыбалась, не говорила лишних слов, и временами Игорю даже казалось, что она вовсе и не человек, – неудачно выполненный биоробот. Лишь появлявшаяся иногда в её глазах тревога, развеивала это тягостное впечатление.

Игорь начал замечать, как приносили и уносили раненых бойцов. Стал слышать стоны и мат, различать запахи. Мир постепенно расширялся вокруг него, и границы этого мира

уже простирались до противоположной стены, покрытой белым кафелем с одной отбитой плиткой. Иногда на этом белом глянцево́м пространстве появлялась ромбовидная оранжевая фигурка солнечного отблеска. Она медленно скользила по белой стене, исчезая через несколько минут где-то в верхнем углу. Но именно в эти минуты на душе становилось теплее. Именно тогда Игорь впервые ощутил, что боли больше нет.

Потом головные боли ещё не раз возвращались, мучительно разламывая череп на куски. Иногда всё начиналось с затылка, иногда с висков, и постепенно охватывало всю голову. Со временем Игорь привык к этим приступам. Никто не мог сказать точно, останутся ли они навсегда, и как часто будут повторяться. Но главное, жизнь продолжалась в перерывах между болью. И это было чудом.

* * *

В начале зимы Игорь уже ехал на нижней полке плацкартного вагона в родной Питер. Бородатый хирург Вартанян рекомендовал Игорю не брать верхних полок, а ездить только нижними. Алик Вартанян выдал Игорю ещё с десятка строгих правил, которые тот запомнил и соблюдал все, кроме одного. Не курить Игорь не мог. И сейчас, в тамбуре вагона, несмотря на строжайший запрет проводников, Игорь быстро сделал несколько глубоких затяжек и затушил сапогом сигарету.

Сизо-голубые клубы вились над головой Игоря, и он попытался вдохнуть их ещё раз. Сладко защекотало во всём теле, до кончиков пальцев рук и ног. Сработает ли пожарная сигнализация? Улыбка непроизвольно смягчила напряжённые мышцы лица. Не сработала.

За окном поезда в утреннем тумане уже мелькали серые девятиэтажные коробки питерских окраин. В этом ватном маре́ве светился ярко-зелёный крест на рекламе аптеки. «Почему он зелёный? – подумал Игорь. – Должен же быть красный. По красному нельзя вести огонь, а зелёный ни к чему не обязывает.

Зачем они сделали зелёный?» – Тут же Игорь усмехнулся своим мыслям: – «Конечно, мы же в мирном городе».

Поезд снижал скорость. За окном потянулись полукруглые «гробы» оцинкованных ангаров, бесчисленные линии хаотично пересекающихся проводов, однообразно мигающие жёлтые светофоры. Игорь почувствовал лёгкую горечь во рту, эйфория от выкуренной сигареты исчезла.

«Интересно, Алла дома? – подумал Игорь. – А где же ей ещё быть? Спит ещё, наверное. Как она обрадовалась, когда я позвонил из госпиталя в Ростове. Даже заикаться начала. Почему же она не писала мне целых три месяца? Она так и не ответила. Хорошо, что я не сообщил ей, когда выезжал. Вот сюрприз будет, когда я заявлюсь на порог. Надо купить цветов. Самых лучших. Белых роз. Она их так любит. От радости институт сегодня прогуляет, конечно. А куда мы пойдём? Гулять на Елагин остров? А потом в ресторан? Сегодня будет самый лучший день в нашей жизни. Нет, самые лучшие дни ещё впереди. Теперь, когда всё кончилось, можно об этом думать».

На перроне проводница в тёмно-синей форме улыбнулась Игорю и махнула рукой. Её смешной красный беретик и малый рост придавали сходство с Красной Шапочкой из детской сказки. «Какая смешная девчонка, – подумал Игорь, – такая же радостная и красивая, как новая, мирная жизнь. Судьба дала мне эту новую жизнь».

Игорь произнёс про себя именно слово «судьба» и почувствовал, что теперь стесняется даже в мыслях упоминать о Боге, что так часто делал в тяжёлые для себя дни. Он нащупал под тельником серебряный крестик. На месте. «Да ладно. К чему эти тонкости? Дело не в словах».

* * *

Дверь Алкиной квартиры ничуть не изменилась. Только белая кнопка звонка теперь заляпана чьими-то грязными пальцами. С пышного букета, купленного Игорем у метро, упал на

бетонный пол белый лепесток розы. Игорь нажал на испачканную клавишу. Раздалась соловьиная трель.

«Странно. Не помню, чтобы раньше звонок звучал именно так», – подумал Игорь. Дверь открыла Алка. На её лице промелькнул испуг, затем замешательство и робкая, как показалось Игорю, жалостливая улыбка.

– Ну, вот ты и вернулся! А что же не позвонил перед выездом? Проходи. Сейчас я найду тебе тапки.

– А где же мои старые? Ты их не выбросила? Так хочется переобуться в прежнюю жизнь, – пошутил Игорь.

– Ой, знаешь. Их собака погрызла. Я тебе другие сейчас дам.

– У тебя появилась собака?

– Да. Я пыталась. Но, что-то не пошло. Гулять с собакой совсем нет времени. Я отвезла её маме. Вот, надень, – Алка бросила на пол большие мужские тапки.

– Совсем не мой размер, – улыбнулся Игорь и почувствовал, как что-то сжимается внутри груди.

– Проходи на кухню. Я поставлю кофе.

– Это тебе! – Игорь протянул Алке букет, – твои любимые.

– Спасибо, Игорёк, жутко трогательно, – скороговоркой бросила Алка, словно смутившись. Даже не обняв Игоря, она быстро ушла на кухню.

В этой фразе Игорю послышался тот самый свист, приносящий смерть, которого он так боялся и ненавидел там, на изрытой воронками земле. Не так представлял себе Игорь эту встречу. Будто пуленепробиваемая стеклянная стена выросла между ними. Она мешала Игорю прикоснуться к любимой женщине. Захотелось немедленно уйти. Но, что-то ещё держало его на пороге. Не был задан главный вопрос и не получен на него ответ.

– Проходи же. Нам надо с тобой спокойно поговорить, – произнесла Алла, делая акцент на слове «спокойно».

– Ты думаешь, нужно? – Игорь сам не понял, почему именно такой сорвался вопрос.

– Я хотела написать тебе, но решила, что лучше поговорить, если ты вернёшься. Прости. То есть, когда ты вернёшься. Я это имела в виду.

– Знаешь, ты, наверное, лучше всё-таки напиши. Если хочешь, конечно. А я пойду.

– Куда ты пойдёшь?

– Не знаю. Пойду к Андрюхе, на оконный завод зайду. Узнаю, как там дела. Что с работой.

– Да. Точно. Сходи, – обрадовалась Алка, – он о тебе спрашивал. А я напишу тебе. Ты пойми, у меня сейчас в голове всё перепуталось. Мне нужно собраться с мыслями. Всё взвесить.

– Да. Конечно, хорошо, – машинально ответил Игорь и, положив букет на столик в прихожей, вышел.

– Я напишу тебе на днях. Всё объясню. Ты поймёшь меня, – кричала Алка, когда Игорь уже вышел на лестничную площадку.

Он поднял с бетонного пола белый лепесток и зачем-то положил его в карман.

«Алка похорошела, – подумал Игорь, – стрижка коротенькая ей очень идёт, и фигурка в облегающих джинсах, как игрушечная. Наверное, на фитнес ходит. Только странное мистическое ощущение, что это вообще не она. Всё как во сне. Вроде она, и не она вовсе. Будто что-то вынули из неё. Заменяли пушистую ароматную новогоднюю ёлочку на пластиковую, с фальшивым бутафорским инеем».

* * *

Андрюха в защитных очках и наушниках работал на гидравлическом прессе. Он даже не заметил стоящего рядом друга, и целую минуту Игорь любовался уверенными и отточенными движениями товарища.

– Ни фига себе, Игорян? – воскликнул Андрей. – Как тебя пропустили сюда?

– Чудак. Ты бы лучше спросил, как я вообще хожу по этой земле. А войти в цех без пропуска – пустяк.

– Да, конечно. Извини, дружище. У нас тут теперь строгий контрольно-пропускной режим.

– Строгий? – Игорь усмехнулся. – Только не для меня.

Друзья крепко обнялись.

– Рад тебя видеть Игорюха!

– Я тоже. Как у вас тут?

– Многое поменялось. Но в целом нормально. Заказов полно, деньги платят.

– Ты писал, что сын у тебя родился. А я так и не смог тебе ответить. Поздравляю, дружище!

– Спасибо, Игорёк!

– Как назвали-то?

– Яромир.

– Это в честь кого? – Игорь улыбнулся.

– Просто так. А зачем обязательно в честь кого-то? Что за старомодные правила?

– Не знаю. Не по-людски как-то.

– Ой, да ладно. Ты расскажи лучше, сам-то как?

– Заходил к Алке.

– Ну да. Знаю. Прости. Что я тебе об этом не написал. Но, жизнь на этом не кончается, правда?

– Андрей, в отличие от тебя, я точно знаю, на чём она кончается. Не надо меня утешать.

– Не заводись, Игорь. Я не хотел тебя обидеть.

– Да ладно, не бери в голову. Мне надо к Палычу сходить. Сказать, чтобы дал команду оформлять меня на прежнее место.

– Палыч больше не работает. И ещё...

Андрей замялся, выключил станок и присел на табурет.

– Что ещё?

– На твоём месте другой человек.

– Что значит другой? За мной по закону моё рабочее место.

Пусть подвинут другого.

– Его нельзя двигать.

– Это ещё почему, он памятник что ли?

– Он зять Гаевского.

– Какого, на хрен, Гаевского?

– Нового директора, который вместо Палыча. И ещё он брат моей жены.

– Да вы тут охренели?!

– Послушай, Игорян, ты, конечно, можешь пойти жаловаться. Вам, вернувшимся оттуда, сейчас везде зелёный свет. Но, поверь мне, если ты таким путём войдёшь в коллектив, то вряд ли долго продержишься.

– Андрюха, я тебя не узнаю.

– Тут тебе не фронт, друг мой. Прислушайся к моему совету. Ищи работу в другом месте. Вариантов масса.

– Не ожидал от тебя, Андрей.

– Извини. Ничего личного.

– Да я уже понял.

– Вот и правильно понял. Не парься. Пойдём вечером в «Мани Хани», выпьем пивка, вспомним юность? Я угощаю. В честь твоего возвращения.

– Пошёл ты! – Игорь сплюнул под ноги Андрею и быстрым шагом направился к проходной, где с ходу задел плечом охранника, который из любопытства выскочил к турникету. Не ожидавший такой «любезности» синюшного вида парень с шевроном «секьюрити» повис на вертушке, выпучив глаза.

На улице моросил мелкий, колющий дождь. Капли невозможно было различить, но лицо чувствовало холодное прикосновение. На серых лужах бежала нервная рябь.

«Нормальное начало для питерской зимы, – подумал Игорь, – да и вообще, начало зашибись».

Игорю вспомнился дед с ребёнком на руках. Силуэты обугленных пятиэтажек, с пустыми, мёртвыми окнами. Воронка возле избы с лежащей на дне чёрной собакой. Игорь шагал в неопределённом направлении, но через несколько минут понял, что идёт в сторону Охтинского кладбища.

* * *

Могилу матери Игорь нашёл сразу. Вот берёза, а рядом большой гранитный монумент какому-то Ферсману. Слева от дерева скромная могилка Татьяны Ивановны, мамы.

Мама всегда заботилась, чтобы Игорь не промочил ноги, вовремя выучил уроки, сидел, не горбя спину, и ел горячий суп на

обед. Отца своего Игорь не помнил, а мама, думалось ему, будет жить вечно, как небо, как родной город или шум ветра. Вдруг её не стало. И наступила тишина. Игорь даже не понял толком, как это произошло. Заболела, попала в больницу. Бывает такое с каждым. Игорь заходил к ней после работы. Приносил фрукты и лекарства. И где-то между апельсинами и таблетками – смерть. Такая обычная, до предела простая смерть.

Игорь поймал себя на мысли, что больше не боится думать и говорить о смерти – ни о своей, ни о чужой. Если не примириться с мыслью, что она неминуемо придёт, как вообще можно жить?

Он стоял возле могилы и не мог понять, что изменилось за время его отсутствия? Тот же крест. Та же грустная улыбка на эмалированном фото.

Вот что не так! Имя! Нет имени! Табличка из нержавеющей стали, которую Игорь делал сам, а потом заказывал у гравёра надпись, исчезла. Осталась только грустная эмалированная улыбка безымянного человека.

Как это могло произойти? Почему?

Игорь почувствовал приближение человека у себя за спиной. Теперь он умел чувствовать людей, не видя их. По еле уловимому шороху шагов, дыханию, ещё каким-то необъяснимым признакам. Игорь резко обернулся. Позади стоял кладбищенский работяга с небритым опухшим лицом в мелких прыщах. Чуть поодаль, на дорожке, лежал его ржавый велосипед.

– Поправить могилку. Подлить бетоном. Покрасить оградку. Спилить кусты, – произнёс работяга голосом телефонного автоответчика.

– У меня здесь табличка была из нержавейки. Где она? – прошептал Игорь.

– Из нержавейки? – усмехнулся работяга, – смешной ты, солдатик. Ещё бы серебряную повесил.

Этот смешок моментально вывел Игоря из забытья.

– Где табличка, гад?! – заорал он, приближаясь к рабочему.

– Спёрли. Ясное дело.

– Где табличка, сука? – Игорь схватил работягу за воротник.

– Ты что псих? Бомжи стырили. Я не сторож, откуда я знаю? Пусти меня!

Игорь почувствовал, как руки его стали верёвками, лишёнными силы. По душе разлились горечь и недоумение. Он опустился на сырую землю. За спиной слышалось удаляющееся ворчание прыщавого и скрип велосипеда.

Игорь приложил ладонь к деревянному временному кресту. Он так и не успел поставить на могиле каменный крест. Не нашлось времени. От этого стало стыдно. Мягкий коричневый оттенок креста, выкрашенного матовой краской, напоминал глубокие, карие, всегда тревожные глаза матери.

* * *

Ноги сами привели Игоря к дому. Панельная девятиэтажка в спальном районе. Игорю вспомнилось, что она была точно такой же, когда он был ребёнком. Останется такой же и всегда. Серой, прямоугольной, холодной.

Соседка всплеснула руками, увидев Игоря на пороге, и отдала ему ключ, оставленный когда-то на сохранение.

Здравствуй, дом. На кухонном столе выдохлась недопитая два с лишним года назад кока-кола. В раковине покрылась засохшей плесенью не помытая в спешке сковородка. Толстый слой пыли покрыл телевизор на стене и фотографию Алки. Игорь, не сняв берцы, упал на кровать, которая жалобно, по мышинному, пискнула под ним.

За окном, на столбе, покачивался жёлтый уличный фонарь. На фоне светящегося пятна струился дождь. Тяжёлый, душливый сон утопил Игоря в нелепых обрывках прошлого. Школа, война, монотонный гидравлический пресс Андрея, испачканная кнопка звонка Алкиной квартиры, косой дождь, мёртвая тишина.

Когда Игорь очнулся, было темно. Фонарь за окном стал ярче. Дождь не прекращался.

«Может быть, и вправду в “Мани Хани”, на Садовую? Гульнуть? Денег уйма. А что потом? Похмелье? Нет. Не хочу видеть

Андрюшину довольную рожу», – думал Игорь. Он встал и, накинув на плечи бушлат, пошёл на улицу.

Холодный, сырой воздух немного освежил сознание. Дождь умыл лицо. «Куда мне? Просто прямо. Пока просто прямо и нигде не сворачивать». Через двадцать минут хода широкий прямой проспект упёрся в Суздальские озёра. Оттуда ветром донёсся еле слышный колокольный звон.

«Зайти, поставить свечку за упокой души мамы? И Валерки Ковальчука, Славки Сидорина, Ершова, и... Да. Нужно». Игорь шагал, перебирая в памяти имена.

В храме было тепло илюдно. Где-то над головой пели мягкие женские голоса. Игорь остановился у церковной лавки. Возле прилавочка толпились люди и постепенно оттесняли его к стене. Прижавшись спиной к холодному камню, Игорь слышал непрерывный писк терминала для оплаты картами.

– С вас четырёста. Да, это серебро. Тысяча двести. Пин-код, пожалуйста. Мёд натуральный, конечно. Вот сюда карту прикладываете. Что? Это в чай добавляют. Какие вам свечи? По триста? Вам что? Цепочка? Да, по длине регулируется. Сейчас я вам упаковку от неё найду. Вот сюда карту. Пин-код вводите.

Игорь почувствовал, будто невидимая рука схватила его за горло. Не хватало воздуха. Головная боль, о которой не раз предупреждал доктор Вартанян, неожиданно сдавила череп.

* * *

Игорь вышел на улицу и зашагал прочь, глубоко вдыхая воздух, как учили в госпитале. Перед глазами постоянно пестрили мелкими мошками капли дождя. С трудом Игорь разглядел перед собой на чёрном асфальте блёклую зебру пешеходного перехода и шагнул вперёд. В тот же миг пронзительный автомобильный гудок заставил Игоря остановиться. Что-то сильно толкнуло его в бедро. Руки скользнули по мокрому капоту автомобиля, и сырой асфальт ударил Игоря в лицо, встав перед ним стеной.

– Слышь ты, придурок! Тебя в школе не учили смотреть налево, когда переходишь дорогу?

Игорь с трудом поднялся и присел на корточки. В свете фар он увидел детину лет тридцати в нелепых штанах с заниженной промежностью, болтающейся на уровне колен, и множеством колец в ушах и носу. Недовольный тип внимательно рассматривал капот и фару своего автомобиля.

– Повезло тебе, дятел. Вроде ничего не поцарапал мне. Только испачкал.

Что-то лязгнуло в голове Игоря, как передёрнутый затвор АКМа. Он вскочил на ноги и моментально закрутил владельцу авто руку к позвоночнику, уложив мордой на капот, но тут же головная боль с новой силой сдавила череп. Игорь отпихнул пижона в сторону и, не разбирая дороги, не замечая луж, прихрамывая, пошёл в сторону дома.

Когда он снова лёг на кровать, за окном по-прежнему покачивался жёлтый фонарь, высвечивая тонкие полоски дождя.

После операции, когда отходит наркоз, начинает всё мучительней тянуть в месте ранения. В этот вечер Игорь почувствовал то же самое, но, на этот раз не с телом, а с душой. Словно закончил своё действие обезболивающий препарат, и теперь душа всю стонала от боли.

* * *

В райвоенкомате из-за большого чёрного полированного стола пристально смотрел на Игоря майор с багровым шероховатым лицом. Он всем телом наклонился вперёд и казалось, что смотрит на Игоря не только парой своих сверлящих глаз, а ещё и звёздами погон. Эти две звезды будто кололи Игоря, отгоняя его назад, толкая в обратную сторону, от уже принятого и неизбежного решения.

– Нет, дорогой мой товарищ! Вы своё отвоевали. Идите-ка, на работу устраиваетесь. Живите как все.

– Я не могу. Мне надо обратно. Там моя работа, – тихо, но уверенно произнёс Игорь, – там ребята мои.

– А здесь что? Нечем заняться, что ли?

– Тошно мне здесь, – Игорь чуть было не сказал «среди вас», но вовремя осёкся.

– Знаешь что, дорогой мой? Нечего из себя героя строить. Мы тут тоже не менее важной работой заняты. Всё. Свободен! Не отнимай у меня время.

Выйдя из кабинета, Игорь повернул не туда и, уткнувшись в прозрачную стеклянную дверь, машинально открыл её.

– Вы куда? По записи? – миловидная девушка развернулась к нему в офисном кресле, не отрываясь от трубки телефона. – Это я не вам, говорите, слушаю, – продолжала она в телефон.

Только тут Игорь увидел за её спиной ещё одну дверь с табличкой «Военный комиссар».

– Да. Я по записи, – Игорь уверенно шагнул вперёд и открыл дверь.

За столом сидел седой полковник с усталым лицом и не слишком заметным, но достаточно глубоким шрамом над правой бровью.

– Присаживайтесь. Слушаю вас. – Полковник, не отводя глаз от монитора, указал Игорю на стул.

– Я хочу подписать новый контракт.

– Это в соседнем кабинете.

– Мне там отказали. И ещё.

– Что ещё?

– Я не могу здесь жить. Это больше не моё, – тихо ответил Игорь.

Полковник оторвал взгляд от монитора и внимательно посмотрел на Игоря.

– Что значит – не моё? Это кто так решил?

– Я решил, – Игорь сжал кулаки под столом, которые полковник не мог видеть, но решимость и отчаяние в глазах всё сказали офицеру и без этого.

Что стояло за этой решимостью? Игорь вряд ли смог бы чётко объяснить. Отторжение всей этой сытой, пошлой жизни на гражданке? Пожалуй, нет. С этим можно было бы с успехом повоевать и здесь. Скорее, жгучее желание участия в самом

важном, трудном, страшном. Боязнь разминуться с главным в своей жизни. Не пропустить его.

– Ранения были?

– Да.

– Давно вернулся?

– Нет.

– Жить пробовал?

– Пробовал. Не моё.

– Понимаю. Фамилию скажи.

Полковник долго крутил колесо мышки, щёлкал, листая та-блицы в базе. Затем несколько минут молча глядел в монитор.

– Семьдесят шестая гвардейская дивизия, – попытался по-мочь Игорь.

– Вижу.

– Мне туда надо.

– Нет, парень, – полковник тяжело вздохнул. Его глаза выра-жали сочувствие. – Может, всё-таки, как-то здесь устроишься? Врачи тут такое тебе нарисовали. Ну, ты сам знаешь.

– Я не могу в этом дерьме, пока там... – Игорь не договорил, резко поднялся и чуть не опрокинул стул.

– Не зарывайся, сержант! Сядь. – Несмотря на резкость, в глазах полковника Игорь увидел ту хорошо знакомую боль, которую не встречал ни в одном взгляде здесь, на гражданке.

Военком кому-то позвонил. Игорь сидел молча. Он слушал разговоры полковника по телефону, как подследственный слу-шает выступление судьи, в надежде на оправдательный при-говор.

Через неделю Игоря зачислили в добровольческое форми-рование санитаром, и он отбыл к месту сбора тем же поездом, в котором ехал в Питер. Маленькая проводница в красной ша-почке приветливо улыбнулась ему при встрече.

* * *

– Ну, здравствуй! Меня Пётр зовут. Позывной «Камень», – коренастый бородатый мужик лет сорока протянул Игорю руку.

На его камуфляже небрежно, вкривь, повисли две орденских планки. Одна, красная, «За заслуги перед Отечеством», вторая – серая, вагнеровская, «За Бахмутскую мясорубку». – Откуда родом?

– Игорь меня зовут. Из Питера.

– Мне сказали, ты здесь по второму кругу, поэтому долго объяснять не буду, всё знаешь. Там во дворе стоит белый «Форд-Транзит» – это наш недавний трофей. Лобовое стекло в дырах, но обзору это не мешает. Пойди к Заботину, нашему старшине, возьми у него тряпки, отмой кровь с сидений, подзаряди аккумулятор и принимай автомобиль. Будешь приписан к этой тачке. Отсюда туда – медикаменты, продукты, воду. Обратно – трёхсотых. Сейчас там затишье, тяжёлых вроде нет, но медикамы тебе на всякий случай дадим. Всё понял?

– Понял.

– Аньку позовите сюда. Где это привидение бродит? – крикнул Пётр кому-то.

В руке Петра зашипела рация. Он отвернулся в сторону и отдал несколько коротких распоряжений. Повернувшись к Игорю, он испытующе посмотрел в его глаза.

– Харчи тоже у Заботина будешь получать. Рацию у него возьми. Работаем на третьем канале. Позывной «Транзит» у тебя.

В этот момент в дверном проёме появилась та самая «повелительница кубиков» с измождённым лицом и свинцовыми кругами возле глаз. Теперь вместо зелёного медицинского костюма на ней была не по размеру мешковатая, новенькая «Цифра», плохо сидящая на её исхудавшем теле.

– Знакомься, это Аня. С тобой будет ездить. Да, ещё... У «Форда» первая передача не втыкается. Трогайся со второй, рывком. Пока так, а потом что-нибудь придумаем. Как из посёлка в поле выедешь, жми со всей дури. Поле простреливается, а потом уж, в зелёнке, можно спокойнее. Хотя какая там зелёнка, листва опала, одни ветки. Всё. Давай, Заботин тебя ждёт. Аньку забирай – и вперёд. Грузись, по готовности доложишь.

* * *

– Откуда ты здесь, Аня? Ах да, я Игорь, ты меня вряд ли помнишь. Госпиталь в Ростове.

– Помню. Черепно-мозговая, третье отделение.

– У тебя такая хорошая память на лица? – Игорь завёл двигатель, прогревая застоявшуюся на холоде машину. В кабине пахло соляжкой и обгорелым пластиком.

– Нет. Просто помню. Не знаю, почему.

– А я помню, как ты мне чай горячий в блюдце дала, а я разлил. Руки тряслись. Ты испугалась тогда, что ошпарюсь. Я тогда глупо пошутил, и ты рассердилась. А глаза у тебя всё равно хорошие были.

Игорь говорил, глядя в сторону, чувствуя, как тепло от этой встречи уже разливалось в его душе. Может быть, впервые за последний тяжёлый год он чувствовал рядом своего человека.

«Всё-таки нельзя человеку быть одному. Нужен кто-то рядом, особенно в трудные минуты», – подумал Игорь.

– Про шутку уже не помню, а про чай помню.

– Как ты тут оказалась?

– Муж у меня здесь. Хотелось поближе к нему быть.

Игорю показалось, что после её слов наступила тишина, какую можно представить, наверное, в самолёте при внезапном отказе всех двигателей в воздухе.

– Кем служит? – спросил он после долгой паузы.

– Примером для пионеров, – Аня отвернулась в сторону и прислонилась лбом к боковому стеклу кабины.

– Как это?

– В город, если поедешь, сходи в парк. Там аллею героев сделали. Третья чёрная плита справа.

– Вот как...

– А ты, почему не на гражданке? – спросила Аня.

– Не могу. Не моё там всё теперь. Искусственное, что ли. Как бездарная театральная постановка. Ни одного настоящего лица.

– А здесь?

– Здесь другие лица. Кто под пулями ходит, тому не до кривляния. Вон, на Петра посмотри или... – Игорь хотел сказать «ты», но остановился, хотя продолжал смотреть прямо в глаза Ане, и та всё поняла.

– Есть такая китайская сказка, – сменила тему Аня, – я в детстве читала. В горах Тибета один воин пошёл сражаться с огромным скорпионом. Никто не мог победить это чудовище. После укуса этого скорпиона в теле воина оставалось невидимое жало, источающее яд. Человек становился рабом скорпиона под действием этого яда. Сколько бы ни пытался поражённый скорпионом воин вернуться домой, он всякий раз был вынужден, испытывая мучения, возвращаться к логову чудовища и продолжать бой. И так до тех пор, пока не погибнет.

– И нет способа извлечь жало?

– Ладно, поехали. Ерунда всё это. Доложи «Камню», что вышли на маршрут.

* * *

С того дня, как Игорь оказался в одной связке с Аней, в душе медленно начала затягиваться резаная рана. Края этой раны становились всё ближе друг к другу и превращались в единый твёрдый рубец, остающийся лишь напоминанием о прежней боли.

С наступлением распутицы боевые действия замедлились. Работа у добровольческого подразделения стала полегче, лишь раскисшие сельские дороги постоянно подкладывали Игорю «свинью». Коробку передач на машине удалось заменить, но городской «Форд-Транзит» всё равно то и дело садился на брюхо в разбитых дождями колеях. Тогда Игорь с Аней на скорую руку рубили ветки деревьев и клали их под колёса. Потом приспособились возить с собой заранее заготовленные для такого случая доски, а Пётр выдал им ручную лебёдку, которая, к счастью, ни разу не понадобилась. Обычно, воткнув доски под колёса, Игорь сажал Аньку за руль, а сам толкал машину сзади.

Аня быстро научилась газовать «в раскачку» и правильно выворачивать передние колёса, исходя из ситуации. Каждый

раз, выбираясь из таких переделок, Аня вела машину до безопасного места, чтобы запыхавшийся Игорь отдышался. Когда они менялись местами, заботливо вытирала полотенцем с его лица грязь, налетевшую из-под колёс, а Игорь всегда невольно улыбался. То ли это была уже не та грязь, что накрывала его в начале лета под обстрелами. То ли прикосновения Аниных рук даже сквозь полотенце вселяли в него уверенность, что теперь-то всё будет хорошо, всё на своих местах. Так как надо. Для победы. Для жизни.

Он стал внимательно следить за настроением Ани и видел, как она день ото дня оживает, начинает смотреть не только под ноги. Как звонче и энергичнее становится её голос. Однажды, когда Аня лила из канистры воду на руки Игоря, чтобы он умылся, тот, сплевывая на землю скрипевший на зубах песок, поднял глаза. Посмотрел на Аню и впервые увидел её настоящую улыбку. Исчезло привычно бледное и напряжённое лицо. Игорь ощутил проникающий в самую сердцевину его души свет карих, как поздние осенние листья глаз. Вот и пропали свинцовые синяки. И губы стали лавандово-розовыми, разомкнувшись в нежной улыбке.

– Ну что же ты застыл? Полей мне на руки. Тоже хочу умыться. – Аня сдёрнула с косы заколку и, мотнув головой, распустила каштановые волосы.

Игорь взял из Аниных рук пластиковую канистру и на мгновение коснулся её пальцев руками. Игорь почувствовал, как от прикосновения к этим тонким мокрым пальчикам, в его груди нечто твёрдое мгновенно размягчилось, как сливочное масло на горячей сковородке.

С этой минуты он с удвоенной заботой стал оберегать Аню. Следил, чтобы печь в её армейской палатке всегда была хорошо протоплена на ночь. Обмундирование было тщательно просушено. Печенье в сухпайке не было раздавлено, а кипяток и ужин не оказались остывшими.

По правде, такие ухажёры возникали вокруг Ани и раньше. Но однажды утром Игорь появился возле Аниной палатки с завернутой в полотенце термобудкой, наполненной горячим

кофе. С тех пор ухажёры вежливо исчезали. Игорь окликал Аню чуть раньше подъёма, сообщая ей, что «утренний кофе для медработника подан и медленно остывает».

День ото дня невидимая ниточка, связавшая Игоря и Аню, становилась всё крепче. Спустя месяц они уже знали друг о друге всё. Долгие разговоры в кабине трясущегося по ухабам «Транзита» неизбежно сближали.

Однажды, вернувшись в расположение с ремонтной базы и не найдя Аню за ужином, Игорь встревожился. Он обнаружил её сидящей на камне, под большой рябиной.

— Что случилось, Анечка? — Игорь присел рядом и накинул на её плечи армейский бушлат.

Глава третья

СТЕКЛЯННЫЙ АНГЕЛ

Муж Тамары всегда выпивал. Нет, в молодости не так сильно и часто. По характеру был скорее напористым и упрямым, чем грубым. Но с годами опьянение переросло в постоянное его состояние, а напористость превратилась в самодурство и скандальность. Когда по пьянке дурак упал на пилораме под диск циркулярной пилы и отдал Богу душу, многие в посёлке сочувствовали Тамаре, но сочувствие это было с оттенком облегчения. Мол, спас тебя Бог, Тамарочка. Теперь-то поживёшь спокойно.

А Тамара плакала. «Всё же какой-никакой, а человек», — говорила она, прикладывая ладонь к щеке возле сломанного мужем некогда зуба. Будто надколотый зуб оставался последней памятью о её «счастливом» замужестве. Другую память, чешский сервиз, что подарили им на свадьбу в складчину родные, этот окаянный пропил ещё лет десять назад. А иных памятных вещей и не было. Разве что фотография дочери Ани с теперь уже покойным зятем, спецназовцем ВДВ.

Поначалу, когда Аня уехала в город поступать в медицинское училище, Тамара не сильно переживала за дочь. Молодёжь всегда

стремится в большие города. Но когда Аня вышла замуж и вслед за мужем-десантником уехала на Донбасс, у Тамары появилась первая седина, которую она тут же принялась старательно закрашивать. Теперь же, после гибели Аниного мужа, Тамара надеялась на возвращение дочери. Но та наотрез отказывалась покидать фронт. Правда, звонила теперь гораздо чаще. Обещала вернуться домой, как только победим. Но когда это будет? Тамаре почему-то казалось, что это произойдёт весной. И она ждала весну.

Мечта Тамары о новом замужестве была совсем робкой и казалась несбыточной, но всё же была. «Это у них в городах в пятьдесят лет женщины ещё могут свою любовь найти. А здесь, в посёлке, все, кто трезвые – при жёнах. Да и знаешь каждого как облупленного», – размышляла она.

Когда в посёлке появился Валера, сначала к нему долго присматривались. Откуда взялся – непонятно. Устроился на пиломатериал. Пьёт немного, можно сказать, вообще не употребляет. Так, слегка, чтобы односельчане не приняли за иноверца. Крепок собой, статен. Двух пальцев на руке не имеет – так это нормальное дело для рабочего человека к пятидесяти годам. Татуировок сидельческих нет. Ремесло трудовое знает. Хочешь – на тракторе. Хочешь – сварщиком. Золото, а не мужик.

О себе – говорит кратко. Сбежал с Украины. Мол, всё равно на заработках в России всю жизнь. Деньги жене и дочери на Украину слал. А жена, подлюка, ушла к другому. Дочь выросла. Да и с ума там посходили все теперь. Куда возвращаться. Решил осесть где-нибудь наконец. Да и Белгородчина для него – почти родные места. Тут-то местные бабы и поняли, какой клад с неба упал к ним в посёлок. Засуетились. Друг на друга зло шипят, а сами принаряжаются. А мужики уж вилы приготовили. Прочитать смутьяна, слегка ткнув в бок. Даже «киллера» нашли. Сашку-дурного. Предупредили, чтобы не пил много перед делом и тыкал вилами не сильно. А то и убить недолго.

Только вот не вышло ничего. Валера мужиков сразу успокоил. Мол, Тамара одна ему по сердцу. А Сашке-«киллеру», на всякий случай фингал поставил для острастки и вилами по хребтине надавал.

После этого случая, в канун майских праздников, Валера с премии мужикам на пилораме литр выкатил. Тут зауважали его в посёлке окончательно, а Тамаре все одинокие бабы белой завистью завидовать стали.

– Ох, и счастливая ты, Тамарка, – качала головой Лена, пробивая Тамаре на кассе продукты.

– И чего ты кобенишься? – поддакивала стоявшая в очереди за Тамарой Любовь Григорьевна. – Мужик с тебя глаз не спускает, того и гляди с цветами свататься придёт, а ты ноль внимания.

– Да я не кобенюсь, – тихо отвечала Тамара, – придёт, так приму. Разве ж я ему откажу?

– А у него ещё, небось, и денежки на счету припасены, раз всю жизнь на заработках. Какой мужик себе заначку не сделает, – завистливо добавляла уборщица Катя, размазывая тряпкой грязь по истёртому линолеуму.

– Он мне и без денег мил, – оправдывалась Тамара, – я о таком именно и мечтала. Не мечтала, конечно, но загадывала так. Чтобы и рост, и цвет глаз, и голос, всё было как у него.

Через месяц, как по расписанию, Валера с большим букетом хризантем вернулся на маршрутке из города и напрямик к Тамариной пятиэтажке. Как в старомодном кино, стоя на одном колене, попросил у Тамары руки и потом долго утирал ей платком счастливые слёзы.

– Заживём мы теперь, Тamarочка, лучше всех. Я же на самом деле инженер. Не смотри, что руками привык работать. Могу и головой. Вот нефтебаза у нас рядом с посёлком. Устроюсь туда. Я же специалист, Тамарка. У тебя вроде сестра двоюродная там работает. Ты же меня с ней теперь познакомишь? Она меня немного по современным технологиям подтянет, а там, глядишь, я и вспомню всё, чему учили.

– Да тебя и на пилораме все любят, Валерочка! Но если хочешь на нефтебазу, то, конечно, хорошо! Только ты прямо сегодня оставайся. Чего тянуть-то. А распишемся мы с тобой в понедельник.

– В понедельник не получится, моя дорогая. В ЗАГС надо сначала заявление подать. А они уж дату назначат.

– И вправду, я такие глупости говорю. Ну, ты командуй, Валерочка, как ты скажешь, так и сделаем.

– Всё заделаем, Тамара. Ты не забудь только с сестрой меня поскорее познакомить. Надо же знания по нефтехимии восстанавливать! А, Тамарка? Заживём!

– Да, Валерочка, милый ты мой...

– Колечка у меня для тебя пока нет, но возьми вот это, – Валера протянул брелок для ключей с прозрачным стеклянным ангелом на цепочке. – Первый мой тебе подарок. Повесь на ключи. Будет наш дом оберегать.

Тамара достала из закровов всё своё праздничное, что берегла к возвращению Ани. Сходила в парикмахерскую, намыла в квартире окна и каждый вечер к приходу Валеры жарила шипящие на сковороде ароматные котлеты. Тот целыми днями где-то пропадал. На пилораму халтурить больше не ходил, но деньги в дом приносил исправно. По вечерам он обсуждал с Тамариной сестрой по телефону какие-то тонкости перекачки нефтепродуктов. Был весел и ласков.

Лишь раз тревога промелькнула на его лице. Сидя в кресле и копаясь в телефоне, Валерка нервно выругался. Перед этим Тамара услышала звук пришедшего на телефон сообщения.

– Что там Валерочка? – встревожилась Тамара.

– Да так, ерунда. Дочери надо позвонить, – ответил он, – пойду, прогуляюсь, не бери в голову.

Через пятнадцать минут Валера вернулся с прогулки совершенно спокойный, и с добродушной улыбкой обнял Тамару.

– У тебя всё в порядке? – спросила Тамара, понимая по счастливому лицу, что все вопросы решены.

– Да, дорогая. Поговорил с дочкой. Всё отлично.

– Ты меня как-нибудь с ней познакомишь?

– Конечно. Только немного позже. У неё сейчас сессия.

– А она часто тебе звонит?

– Не очень. Где-то раз в месяц, общаемся через Телеграм.

– А зовут её как?

– Зовут? – Валера на секунду задумался. Будто вспоминая имя дочери, – Мариной зовут. Я тебе потом о ней расскажу.

Через несколько дней Валера уже стажировался на должность технолога на нефтебазе.

Несмотря на то, что первую зарплату ему обещали лишь через месяц, Валера каждый вечер приносил Тамаре гостинцы. Сначала сладости, потом платок, а когда подарил серёжки, Тамара смутилась.

– Может, не стоило, Валерочка? Приберёг бы деньги, – улыбалась Тамара, сияя от счастья, вопреки собственным словам.

– Один раз живём, Тамарка! – возражал Валера и нежно обнимал невесту за плечи.

– Знаешь, мне твой самый первый подарок, брелок с ангелом, всех дороже, – Тамара нащупала в кармане ключи и пальцами нежно погладила ангела.

Валера смотрел на неё и молча улыбался. Его голубые глаза были спокойны и уверены, как океан во время штиля. Широкие натруженные ладони крепко держали Тамару за плечи. Стекланный ангелочек в кармане согревал душу.

Тамара не верила, что такое сумасшедшее счастье может продлиться долго. Ей казалось, что должно случиться нечто, способное подпортить эту идиллию. Так всегда случалось в жизни, и чутьё не обмануло Тамару и в этот раз. Совсем скоро над посёлком регулярно стали звучать сигналы воздушной тревоги.

Народ быстро привык к этой напасти и, чертыхаясь, спускался в подвалы пятиэтажек и погреба частных домов. Несмотря на сирены, прилётов по посёлку не было, и вскоре люди перестали обращать внимание на сигналы тревоги, продолжая заниматься своими делами. Нервничал лишь один Валера. Вой сирены всегда вызывал у него приступ негодования. Тихо матерясь, он уходил в подвал и возвращался только после долгой и устойчивой тишины.

– Вот так, Валерочка, с нами теперь бывшие братья, земляки твои поступают, – произнесла печально Тамара, когда однажды они возвращались в квартиру из подвала.

Валера присел на подоконник и закурил. Тамара заметила, как тряслись его руки, когда он чиркал спичкой о коробок. Выпуская дым в открытую форточку, смотрел на облака и не

отвечал. Тамаре вдруг показалось, что в профиль Валера похож на хищную птицу. На его виске нервно пульсировала тонкая синяя вена. Длительное молчание Валеры встревожило Тамару.

Наконец он повернулся и, выбросив в окно сигарету, посмотрел на Тамару. На подоконнике сидел другой человек. Напуганный, растерянный взгляд. Растрёпанные волосы. Ни следа от былой уверенности и оптимизма. И ещё злоба. Она на долю секунды сверкнула в его глазах, но Валера тут же взял себя в руки, пригладил взъерошенную прядь волос и фальшиво улыбнулся.

Через минуту он был такой же, как и прежде. В красной клетчатой рубаше и потёртых джинсах. Его голубые глаза снова излучали ласковый свет. Этот магический взгляд моментально рассеивал все тревоги в Тамарином сердце. За один только этот взгляд могла бы его полюбить. Но с этого момента Тамара поняла, что Валера что-то недоговаривает. К тому же слишком долго и любезно болтает по телефону с Тамариной сестрой, «включая» всё своё обаяние в этих разговорах и называя её Жанночкой. Подслушивать эти беседы Тамаре было неловко. Однажды, не удержавшись, она подсмотрела краем глаза графический ключ Валериного телефона, намереваясь как-нибудь заглянуть в его переписку с Жанной, но так и не сделала этого.

Когда на следующий день завывли сирены, Валера выскочил из квартиры, даже не позвав с собой Тамару, как делал это обычно. В этот день впервые в посёлке прогремел взрыв. Попали по автомобильному мосту, часть которого теперь виднелась сквозь прозрачную воду на дне неглубокой реки. Крупные куски асфальта лежали на крышах домов, газонах и детской площадке. Возле автобусной остановки разбросало несколько мёртвых голубей и мусор из опрокинутой взрывом урны.

Валера после этого взрыва домой не вернулся. Позвонив мужу на мобильный, Тамара услышала звонок рядом с собой. Забытый в панике телефон светился на кресле. Не было Валеры и в поселковой поликлинике среди пострадавших, куда Тамара побежала, как только узнала, что в подвале Валеру сегодня не видели.

В нервном дурмане просидела Тамара всю ночь на кухне. Обзвонила всех, кого знала, но никто после взрыва Валеру в посёлке не встречал. Тамарины переживания вызывали сочувствие, но собеседницы тут же переключались на разговор о выбитых в их домах стёклах и упавших люстрах. Лишь под утро Тамаре пришлось в голову взять в руки Валерин телефон. Без особого труда она вспомнила графический ключ. Все имена в записной книжке были ей известны, кроме одного. Дочь.

Не отдавая себе отчёта в действиях и не зная, о чём говорить, Тамара нажала на вызов. Гудки тянулись один за другим. На десятом Тамара решила нажать сброс, но в этот момент в трубке раздался металлический мужской голос автоответчика.

– Служба национальной безопасности Украины. Для соединения с куратором произнесите кодовое слово.

Тамара выронила телефон. В голове судорожно тикал часовой механизм готовой взорваться бомбы. На плите выкипал чайник, выбрасывая под потолок струю горячего пара. Его свист нарастал, как гул взлетающего авиалайнера.

Придя в себя, Тамара сняла чайник с плиты и подняла телефон. В галерее были фотографии недавно взорванного моста и множество снимков нефтебазы с разных ракурсов. Все отправленные сообщения были удалены. Во входящих Тамара нашла лишь сообщения от банка о зачислении средств на карту. Суммы были по меркам райцентра астрономические.

Медлить было нельзя. Тамара побежала в полицию.

Оперативный дежурный Поликарпов, знавший Тамару ещё со школы, сразу понял, в чём дело. Он быстро пролистал какие-то ориентировки, и тут же на Тамару посыпались вопросы.

– Где последний раз его видела?

– Дома. Вчера вечером.

– Полные данные «жениха»? Фамилия, имя, отчество, дата и место рождения?

– Я не знаю.

– Как не знаешь? Ты что фамилию у него даже не спросила? Как его фамилия?

– Я не знаю.

– Вот дура ты, Тамарка! Что же, ты и паспорт его не видела?

– Не видела. Я думала, в ЗАГС поедem, и он всё расскажет. Сказал, что фамилия красивая, и чтобы я не беспокоилась. Что мол, если не понравится, то могу и свою оставить.

– С кем он встречался? Кому звонил?

– Я не знаю. Дочери. Вот телефон.

– Что ты вообще о нём знаешь? Куда он ездил в последние дни?

– Я не знаю, – Тамара заплакала.

– Фото есть у тебя его?

– Нет.

– Господи, вот бабы, – Поликарпов протянул Тамаре салфетки. – Ну, расскажи о нём хоть что-то!

– Он хороший, – выдавила Тамара сквозь слёзы.

Поликарпов хлопнул в сердцах ладонью по столу с такой силой, что бумаги на нём подпрыгнули. Тут же за окном что-то гроыхнуло, и бумаги на столе дежурного подскочили вторично. Завыла сирена воздушной тревоги.

– В убежище, – скомандовал Поликарпов, указав Тамаре на дверь, но сам остался в своём кресле.

Спустя час Тамара шла к дому по улицам родного посёлка и не могла узнать его. Чёрный дым горящей нефтебазы закрывал солнечный свет. Покорёженные и перевёрнутые автомобили поперёк улиц. Снующие машины скорой помощи и пожарных. И постоянный хруст битого стекла под ногами. Как бы ни старалась Тамара обходить стёкла, хрустящие звуки преследовали её. Казалось, в посёлке больше не было целых стёкол. Всё стеклянное превратилось в мелкое крошево, которое мучительно стонало под ногами при каждом шаге.

Тамара машинально нащупала в кармане стеклянного ангела на ключах. Он единственный всё ещё оставался цел. Женщина сжимала его в ладони вместе с ключами от квартиры всю дорогу до дома. Когда она свернула с улицы во двор, пальцы её разжались от ужаса, ноги приросли к земле.

На месте её подъезда высилась огромная груда бетонных обломков с вырывающимися языками пламени. Трое перепачканных сажей пожарных пытались вручную что-то извлечь из-

под плит. Методично попискивая, уже сдавал задом тяжёлый кран для разбора завалов. Все квартиры соседнего подъезда лишились одной из стен и смотрели на Тамару покорёженной мебелью. На пятом этаже, словно прося о помощи, развивался наполовину сорванный со стены красный ковёр.

Тамара машинально достала из кармана ключи от квартиры. Два кусочка металла, открывающие путь к домашнему уюту и теплу, которого больше нет, а к ним прикован цепочкой стеклянный ангел.

«Заживём мы теперь, Тамарочка, лучше всех», – вспомнила она и швырнула стеклянного ангела в пламя, пробивавшееся меж бетонных обломков.

На единственной уцелевшей скамье, рядом с изуродованным домом, Тамара увидела большую серую крысу, которая тщательно и спокойно отмывала морду, не смотря на снующих мимо людей. На передней лапе, которой зверь пытался привести себя в порядок, не хватало двух пальцев.

Глава четвёртая

СЕРАЯ ЗОНА

– Что случилось, Анечка? – Игорь присел рядом и накинул на её плечи армейский бушлат.

Аня, не говоря ни слова, крепко обняла Игоря и впервые за всё время их знакомства заплакала.

Через минуту Аня вытерла слёзы и немного успокоилась на плече у Игоря. Он не лез с расспросами. Дожидаясь, когда Аня сама расскажет то, что сочтёт нужным.

– У мамы больше нет дома. Прямое попадание, – тихо произнесла Аня. Чуть отстранившись от Игоря, вытерла платком заплаканное лицо: – Но мама, слава богу, невредима.

– Это самое главное. Она написала тебе?

– Да. И ещё. Я не успела рассказать тебе. Она собиралась второй раз замуж. Я так была рада за неё. Но он оказался... – Аня

на мгновение замолчала, – он и наводил огонь. У меня в голове не укладывается.

Они помолчали с полминуты.

– Где она сейчас?

– У моего дядьки. В Белгороде. Она хотела к сестре, тёте Жанне, но та погибла при атаке на нефтебазу. Представляешь? Господи, такая тётка хорошая была. Она меня со школы забирала в детстве. И химию помогала учить. Вот теперь и её нет.

– Мы должны скататься в Белгород к твоей маме, – твёрдо заявил Игорь.

– Ты думаешь, сможем? – Аня подняла на Игоря большие, ещё заплаканные, но уже светившиеся признательностью и доверием глаза. – Поговори с Петром. Он тебя очень ценит. Мне нужно увидеть маму.

– Я поговорю. Необходим очень веский аргумент для увольнительной на столь долгое время. Тем более вдвоём. И машину бы желательно, – Игорь достал из пачки сигарету. По рекомендации Вартадяна он почти не курил, но в этот раз сдержаться было трудно.

– Где же мы найдём такой аргумент? – Аня шмыгнула носом и печально улыбнулась. Одна лишь решимость Игоря уже снимала её боль, даже если вся затея напрасна.

– Аргумент есть, – Игорь мял в руке сигарету, так и не прикурив. Аня заметила, что его волнение усиливается. Она знала, что это плохой признак, потому что волновался Игорь нечасто. К тому волнение приводило к приступам головной боли. Она обхватила его голову руками и прижала к груди.

– Не волнуйся, Игорюша, я переживу, даже если мы не поедem. Я справлюсь. Ты же знаешь.

– Аня, я давно хотел тебе сказать. Здесь, на войне, мы все под Богом ходим. Ты уже потеряла одного близкого человека, и я понимаю, как это нелегко. Неизвестно, что с нами будет завтра. Но, как бы ни сложилась жизнь, даже если мы... – Игорь замаялся, – если нас зароят в этой земле, я хочу, чтобы ты стала моей женой.

Он обнял Аню и прижался колючей небритой щекой к её нежной шее. Каштановые волосы, пахнущие дешёвым ромашковым шампунем, заслонили в глазах Игоря весь остальной мир. Наступившая тишина была бесконечностью.

– Ты согласна?

– Да, – прошептала Аня, – я так этого ждала.

– Вот теперь у нас есть и аргумент для Петра, правда, жена? – Игорь слегка улыбнулся.

– Правда, мой хороший! Я верю, что ты всё сможешь. Ты не представляешь, как я в тебя верю.

– С тобой, всё что угодно смогу, – Игорь бросил на землю измятую, но так и не прикуренную сигарету.

* * *

Возле храма выстроились в ряд два трёхмостовых КАМАЗа и белый «Форд-Транзит», украшенный свадебными лентами. Пробитое пулями лобовое стекло так и не заменили. Привязанный на решётке радиатора плюшевый медведь выглядел на этом фоне героем. Долго ждали отца Михаила. Наконец он выпрыгнул из кабины подъехавшего к храму венного уазика и почти бегом устремился навстречу Игорю и Ане. Подол его пропахшей пороховой гарью рясы был забрызган рыжей грязью, а чёрные глаза светились по-детски озорным огоньком. Ветерок шевелил выпавшую из-под застиранной скуфейки седую прядь, которая опускалась на его ещё молодое, но испещрённое морщинами лицо.

После регистрации, начало которой прошло в ЗАГСе, а окончание в бомбоубежище, Игорь выдохнул. Аня в раздобытом напрокат Петром платье походила на прозрачного ангела.

Накануне Игорь разослал всем знакомым сообщения о своей свадьбе. Андрей так и не ответил. Алка прислала смайлик.

– Война вскрывает истинное нутро человека, – посетовал по этому поводу Пётр.

В последний момент перед венчанием, когда Игорь уже собрался выключить телефон, пришло сообщение от Алика Вартаняна.

«Поздравляю! Выстоим, победим, встретимся! С возвращением, брат!».

И тут же в руках Петра зашипела радиостанция.

– По коням, братцы. Венчание переносится. В городе несколько прилётов. Есть пострадавшие и разрушения, нужна наша помощь. – Пётр махнул рукой. КАМАЗы выпустили клубы серого дыма, загудев моторами.

Через минуту колонна шла на задание, так и не сняв плюшевого медведя с решётки радиатора «Форда».

– Храни вас Господи, – перекрестился отец Михаил. Подобрал с земли потерянную алую ленту, бережно свернул её, унося в храм.

* * *

Николай Петрович нервничал. С утра объявили эвакуацию населения из Ивановки. Сашка играл на кухне, выкладывая с нижних полок на пол все кастрюли и затем, вставляя их одну в другую по размеру, складывал обратно. Вари не было. Ушедшая ещё затемно, якобы за молоком, она не появилась и к обеду.

Петрович материл её, собирая потихоньку свои и её вещи в старый, фанерный, обтянутый дерматином чемодан, с которым ещё в восьмидесятые ездил по путёвке в Абхазию.

«Неужели опять напилась? Вот нашла время-то», – думал он, понимая, что один, да ещё с Сашкой на руках, много не унесёт. Поняв, что непутёвую мать ждать бесполезно, Николай Петрович подхватил на руки Сашку и зашагал к перекрёстку, от которого уходили на восток автобусы.

Уже на автобусной остановке он узнал, что утром возле молочной кухни на улице Дзержинского убило двух женщин. Потом кто-то сказал, что убило только одну. Вторая с ранением в шоковом состоянии ушла в неизвестном направлении. Петрович, взвесил в руках чемодан и Сашку, мысленно прикинул шанс найти Варю и успеть эвакуироваться. Затем он оставил вещи возле автобусной станции и с Сашкой на руках быстрым шагом направился к улице Дзержинского.

Варя лежала на скамейке в одном квартале от места взрыва. Какая-то пожилая женщина перевязала ей ногу и вытирала платком с лица кровь.

– Ох ты, горе глубже моря, – всплеснул руками Николай Петрович, – сейчас последний автобус уйдёт. Возьмите на руки пацана, он полегче, а я мать понесу. Это мать его. Понимаете?

Старушка хлопала глазами и продолжала обтирать платком Варино лицо.

– Да быстрее же! Что вы возитесь! – нервничал Петрович.

– Я никуда отсюда не поеду, – спокойно заявила женщина, – пусть здесь убивают. Изверги.

– Времени нет с тобой бодаться, дура! – Петрович взвалил на правое плечо Варю, а левой рукой подхватил внука и, крича, зашагал к автобусной остановке.

Когда, задыхаясь и кашляя, Николай дотащил обоих до автобусной станции, площадь обезлюдела. Последний автобус ушёл. Петрович присел на скамейку и положил рядом с собой Варю, которая, казалось, потеряла сознание. Большое чёрное пятно от пота проступило на спине старика. Он вытащил из кармана папиросу и закурил. В безлюдной Ивановке стало тихо, и лишь ветер носил по площади измятые газеты.

* * *

На этот раз выезд на задание группы Петра обошёлся благополучно. Назад двигались спокойно, без суеты, с чувством выполненного долга.

Игорь, не отвлекаясь от дороги, искоса поглядывал на Аню, успевшую ловко переодеться из свадебного наряда в камуфляж. Он немного досадовал, что не случилось сегодня же довести венчание до конца. Ему как можно скорее хотелось снова увидеть Аню в платье. Именно теперь он вдруг острее, чем раньше почувствовал, что всё это до ужаса ненормально. Воронка на детской площадке, опалённая пожаром часовня, бетонные коробки укрытий рядом с продуктовыми магазинами.

В нарукавном кармане зашипела «Моторола».

– Транзит, я Камень, как слышишь?

– Транзит на приёме. Нормально.

– Что с топливом у тебя?

– На две сотни.

– Мы на базу, а ты проскочи через Ивановку. Пятьдесят километров не крюк для гончей собаки.

– Там же наших нет. Серая зона.

– Знаю. Говорят, в подвале пятиэтажки на Карла Маркса мирняк остался, человек двадцать, старики, дети. Забери у них тяжёлых, если есть. Ты же этот городок хорошо знаешь. Места твоей боевой славы.

– Да уж, знаю...

– Проедешь? Не стрёмно?

– Не стрёмно. Проеду.

– Экипаж твой как? Не против? Транзит, не слышу тебя!

Потеря связи.

Игорь сбавил скорость и посмотрел на Аню вопросительно.

– Ты всё знаешь, Игорь. Я с тобой, – Аня взяла у Игоря рацию. – Камень, я Транзит. Уходим на Ивановку. Как понял?

– Принято. Доклад мне ежечасно.

Игорь продолжал ехать медленно. Внезапно неприятное чувство тревоги охватило его. Вернуться туда, где весной держали оборону, показалось невероятно тяжело. Не потому, что отдали из тактических соображений эти несколько километров врагу. Не из страха зайти в серую зону. Какой-то внутренний надлом был связан именно с этим местом, где на подступах к Ивановке были пережиты самые страшные и тяжёлые дни жизни. Вспомнился покорёженный бревенчатый дом с качающейся на ветру оторванной голубой ставенкой и мёртвый чёрный пёс на куске шифера в свежей воронке. Хотя решение было уже принято, Игорь медлил.

В этот момент он почувствовал, как тонкие Анины пальцы тихонько гладят его затылок. Он повернул голову и прикоснулся щекой к её ладони.

– Я с тобой ничего не боюсь, – еле слышно произнесла Аня.

Игорь переключил передачу и утопил педаль газа. Старенький «Транзит» слегка дёрнулся и, загудев, набрал скорость.

* * *

Несмотря на кажущееся знание местности, сориентироваться в Ивановке было непросто. Теперь всё выглядело иначе. Нужно было запоминать новые ориентиры. Вот руины универмага, следовательно, это центр с огрызком постамента от памятника Ленину на площади, опутанной сорванными проводами. Далее, налево под острым углом – улица Карла Маркса. От шести пятиэтажек уцелела одна. Видимо, туда.

Мёртвая тишина. Наполовину срезанный взрывной волной тополь. Перевёрнутые детские качели. Возле одного из подъездов на газоне две свежие могилы с крестами из досок, вырванных из скамейки. Значит, люди здесь.

– Анята, останься возле машины. Последи внимательно за небом. Заметишь дрон, сразу отходи к стене и ложись. Я спущусь в подвал, проверю.

Аня молча кивнула. Игорь вошёл в тёмный, сырой подъезд и потянул на себя дверь, ведущую в подвал. Звон падающих на бетон пустых консервных банок заставил Игоря вздрогнуть. Быстро вынув фонарь, он посветил вниз. По бетонной лестнице, прыгая со ступеньки на ступеньку, катилась одна из свалившихся откуда-то сверху жестяных банок, видимо, поставленных в качестве «сигнализации». Потом всё затихло, но Игорь кожей чувствовал присутствие человека неподалёку.

– Эй, люди, помощь пришла! Есть живые? Покажись кто-нибудь, – крикнул Игорь в темноту, где исчез луч его фонаря.

Через мгновение в свете фонаря появилась фигура Николая Петровича, сжимавшего в правой руке топор.

– Кто такой? – спросил старик, уходя в тень от света фонаря.

– Санитар добровольческой бригады. Со мной машина и медик. Есть нуждающиеся в помощи?

– Спускайся, погитарим, – усмехнулся старик, – «нуждающиеся в помощи», – повторил он, саркастически передразнивая.

Кто в ней теперь не нуждается? Только чем поможешь-то? Давай, спускайся. Только в глаза не свети. Отведи фонарь.

– Так не видно же ни черта.

– Это тебе не видно. А мне, старому шахтёру всё видно. Ох ты, горе глубже моря... Учись на ощупь двигаться. Я за старшего здесь. Петрович я, – старик протянул Игорю на ходу руку, и тот ощутил его огромную, крепкую, заскорузлую ладонь.

– Меня Игорь зовут. Я вас, кажется, видел весной в Ивановке.

– Весной?

– Да. Я до ранения служил с семьдесят шестой дивизии. Мы здесь стояли.

– Стояли? – старик повысил голос. – Так что же теперь не стоите?! А?! Сколько народу угроблено уже?

– Через два-три дня сюда войдёт наш мотострелковый полк. Севернее фронт уже прорван.

– Два-три дня? Да мы продержимся. Вы главное – эту сволочь перебейте поскорее.

Они прошли вглубь подвала и присели на деревянную скамью возле маленького окошка, из которого чуть пробивался свет с улицы. В глубине подвала слышались шорохи, перешёптывание, людское дыхание, слабые детские голоса. В застоявшемся воздухе пахло ржавыми трубами и сырым песком.

– Сколько вас здесь? Есть тяжелораненные? У меня машина. Могу вывезти несколько человек, – предложил Игорь.

– Восемнадцать нас. Тяжелораненый был один. Пацан, тринадцать лет. Умер позавчера. Да ещё женщина пожилая в тот же день умерла от сердечного приступа. Я вон их возле подъезда похоронил, на клумбе. Глубокие могилы не стал рыть, сил нет. Да и перезахоранивать всё равно потом придётся. Зато вот корней георгин там же откопал. Забрал сюда, чтобы не помёрзли зимой. До победы доживём – посажу обратно. А будет голод – сварим. Такая вот пертурбация, брат. Из подвала в клумбу людей, из клумбы в подвал – корни цветов. Ох ты, горе глубже моря...

– Времени мало, Петрович. Пойдём в машину, отгружу тебе сухпайки. Если есть раненные – пусть их выносят к машине.

Детей могу забрать. Сейчас стемнеет, думаю без особого риска отсюда выскочим. А так ждите. Я же сказал, через три дня Ивановка будет наша. Оборона прорвана севернее. Они будут вынуждены отойти.

– Голубчик ты мой! Три дня. Да разве же мы не сдюжим? Да мы тут месяц просидим, только бы вы эту погань извели!

– Давай, дед. Командуй своим. Раненым и детям на выход. Пойдём за пайками.

– За пайки спасибо. Пойдём грузить. А раненых одна девка всего. Её выносить надо. А детей вовсе у меня нет.

– Как нет? Я же слышал детский голос?

– Да. Есть один. Внук мой Сашка. Но я его не отправлю. Я с ним на руках наши войска на улице встречать буду. Он видеть это должен своими глазами. Понимаешь? А вот мамка его как раз и нуждается в отправке. Её осколками посеколо. Крови много потеряла. То и дело отключается.

– Дочь твоя?

– Да не. Пожалуй, невестка.

– Скажи, чтобы готовили. Заберём.

– Варьку готовьте к эвакуации. Я за продуктами наверх, – крикнул старик в темноту, и весело добавил, – через три дня освободят нас свои. Наступление пошло.

В свете оставленного Игорем на бетонном приступке фонаря появилась фигура человека в красной клетчатой рубаше и джинсах.

– Меня надо срочно эвакуировать! У меня рука вывихнута, – заявил мужчина.

– Не стыдно тебе, Валера? – перебил его Николай Петрович. – Вон Михайловне девяносто два года, дышит через раз, и то не просится никуда. И я, старый, с вами тут, а у тебя рука!

– Ты, Петрович, шахтёр. Привык в тёмных норах всю жизнь сидеть. А я не могу здесь в этой сырости и плесени.

– Ну и езжай к чёртовой матери. Всё равно от тебя толку никакого. Свалился на нашу голову непонятно откуда. Только сначала у сержанта спроси. Возьмёт ли он тебя?

– Раз всего два человека набирается, так что же не взять? – Игорь протянул Валере руку и почувствовал неприятный холод, сжав не до конца протянутую в ответ ладонь с тремя пальцами. Валера тут же отдернул руку, а Игорю показалось, что он ухватил холодный змеиный хвост, который тут же выскользнул из его руки.

* * *

Когда Варю погрузили в машину, она пришла в сознание.

– Сашка... Где Сашка? – прошептала она, но её не услышали.

Игорь напряжённо всматривался в дорогу. Ехать в сумерках, не включая даже ближний свет, было трудно. Аня срезала грязные, присохшие к коже бинты и обработала Варю раны. По счастью, глубокая рана оказалась только одна, на бедре. Из-за неё и случилась большая кровопотеря.

– Что там у неё? – спросил Игорь, не оборачиваясь.

– На бедре серьёзно зацепило. Нужно чистить, зашивать. На голове много порезов, возможно, ЗЧМ или, как минимум, хороший сотряс, – ответила Аня.

– Сашка где-е!? – застонала Варя.

– Нам сказали, тебя Варвара зовут? – спросила Аня.

– Да-а.

– Ты помнишь момент ранения? Чем голову задело? Стёкла или сильный удар был?

– Не помню.

– Рвота была потом?

– Не помню. Где мой сын?

– Не волнуйся. Он с дедом. Так будет сейчас надёжнее, – вмешался в разговор Игорь, – совсем скоро их освободят.

При этих словах Валера, сидевший впереди, рядом с Игорем, нервно дернул головой в сторону.

– Останови машину, – тихо прошипел Валера.

– Ты с ума сошёл? Зачем? – Игорь повернулся и увидел профиль, похожий на хищную птицу. На виске нервно пульсировала тонкая синяя вена.

- По нужде хочу.
- Потерпишь.
- Не могу терпеть. Останови, говорю.

Игорь не ответил. Он напряжённо вглядывался в опушку леса впереди, над которой, казалось, медленно двигалась чёрная точка. Через минуту он уже не сомневался в своей догадке.

– Анька, нас, кажется, засекли. Надо убирать машину с дороги и самим лучше выбираться из неё. Пересидим в лесу до полной темноты, а там видно будет.

– Доложи Петру, – Аня начала заворачивать лежащую на носилках Варвару одеялом.

В этот момент чёрная тень с еле слышным рокотом прошла на бреющем полёте над самой машиной.

– Валим, – скомандовал Игорь, резко свернув с дороги и сбрасывая скорость.

«Транзит» запрыгал козликом по неровному полю и встал. Аня распахнула задние двери и ловко выскочила на землю, вытягивая за собой носилки.

– Варька, терпи! – крикнула Аня, – Немного в лесу отдохнуть придётся.

– Валера, ко мне! – заорал Игорь, – Хватаем носилки и в лес. Анька, бери сумки с перевязочными, воду, термос и вперёд. Мы следом.

– У меня рука вывихнута. Я не могу носилки тащить, – Валера бросился вперёд и тут же исчез в кустах.

– Вот урод! – Вырвалось у Игоря.

Они с Аней перетаскивали носилки и часть вещей в невысокий кустарник на краю леса, где уже скрылся Валера. В этот момент возле машины, где они только что находились, бахнул взрыв.

– Смотри-ка, а оператор у них не новичок, – заметил Игорь, – машину сразу не гасит, понимает, что мы выскочили, кладёт вокруг. Хрен он теперь нас в лесу вычислит. Жаль, машину сейчас сможет убрать. Не успели спрятать. Видно её. Дай-ка станцию, Анюта, надо Петру доложить.

– Игорь, смотри, что это? – Аня указала на оставшийся возле дороги автомобиль.

К машине короткими перебежками, пригибаясь к земле, пробирался Валера.

– Вот больной на всю голову! Что он делает? – вскипел Игорь, – стой придуток, назад!

В кабине «Транзита» мелькнула клетчатая Валерина рубашка. Взревел мотор, и автомобиль рывками выскочил на трассу. Включив все огни, он рванул обратно в сторону Ивановки.

– Ключ! – простонала Аня. – Ты оставил в замке зажигания ключ!

Игорь зло сплюнул на землю и достал из пачки сигарету.

– Да я... – Игорь не успел договорить.

Вспышка огня осветила лицо Ани и ветки деревьев. На миг всё стало оранжевым. Затем пламя стало чуть слабее и приобрело багровый оттенок. На трассе факелом пылал пораженный точным попаданием «Транзит».

– Так и надо этому подонку, – выругалась Аня дрожащим от досады голосом.

– Вот непруха. И закурить-то нельзя. Опасно, – Игорь поднёс сигарету к носу и понюхал её, – Камень, Камень, я Транзит, как слышно? Приём.

– Камень на приеме. Куда пропали? – раздалось из Моторолы после шипения.

– У нас проблемы. Нас засекли. Машина утрачена. Пострадавших нет. С нами девушка с ранением. Средняя тяжесть.

– Дай координаты, где находитесь?

– Точно не скажу. Километров двадцать до вас. Справа от трассы. Рядом столбы ЛЭП.

– Не дёргайтесь пока. Залягте. Пусть думают, что уничтожили вас. Ближе к утру пришлю группу.

– Понял тебя. У меня рация садится. Выключаю до утра.

– Давай связь в четыре тридцать. Как понял?

– Принято. В четыре тридцать.

– Держитесь. Отбой.

В воздухе запахло гарью от автомобильной резины. В багровых отблесках Анино лицо вдруг показалось Игорю необыкновенно красивым. Она, не отрывая глаз, смотрела на

горящий автомобиль. На брезентовых носилках тихо стонала Варя.

– Это хорошо! – заявила вдруг Аня.

– Что козла этого сожгли? – уточнил Игорь.

– И это тоже, – Аня присела на жухлую траву. – Главное, они по движущейся машине били. Значит уверены, что убрали нас. Значит, искать не станут.

– Да. Это хорошо, – Игорь бросил на землю очередную смятую сигарету.

За последнее время он переломал и выбросил таким образом полпачки.

– Ложись. Нужно отдохнуть, – Аня потянула Игоря за рукав к земле.

Он хотел было присесть рядом, но ему показалось, что в мерцании пламени от горящего факела машины отделился такой же пылающий силуэт человека и мгновенно упал на землю.

– Да быть не может! – Произнёс Игорь вслух.

– Что там?

– Да нет. Всё равно сдохнет.

– Кто?

– Мне показалось, что этот обморок из горячей машины выбрался.

– Вряд ли. При таких попаданиях не выбирают. Иди ко мне.

Игорь прилёг на траву. Тёплая Анина рука обхватила его за шею. Земля пахла сухими листьями и полынью. В почерневшем небе проступили первые звёзды. Воздух был чист и холоден.

Глава пятая

ОБРАТНЫЙ ОТСЧЁТ

Игорь проснулся от шума мерно работающего неподалёку автомобильного двигателя. Приподняв голову, он выглянул из высокой сухой травы и увидел на трассе тёмный силуэт армей-

ской «буханки» без габаритных огней. Посветив фонарём на часы, понял, что проспал связь.

– Анюта, подъём, – Игорь прикоснулся губами к Аниной щеке и пошарил руками в поисках радиостанции.

Аня нашла её быстрее.

– Только бы не сел аккумулятор, – бормотала она, включая «Моторолу».

– Надеюсь, это наши, – шепнул Игорь.

– Камень, я Транзит, мы на связи, – тихо произнесла Аня, вглядываясь в серый утренний туман.

После шипения раздался знакомый голос Петра.

– Дайте вашу настройку. «Буханка» на трассе возле пересечения с ЛЭП.

– Мы видим её, выходим с правой стороны, – Игорь выхватил рацию у Ани, – у нас носилки с трёхсотым. Пусть встанут правым бортом к нам.

– Понял. Выходите. Вас ждут.

Спустя час, уже на рассвете, машина выскочила в безопасную зону. Аня держала за руку Варю, которая пришла в себя и опять звала Сашку. Игорь, сидевший впереди, смотрел на разбитую грунтовку, от которой поднимался лёгкий пар. Ему вспомнился Питер, который был сейчас другой галактикой. Далёкой, но такой же родной планетой. Как бы хотелось вернуть всё обратно. Чтобы не было пропасти между двумя этими мирами. Быть может, когда-нибудь... Обязательно так и будет. Но когда?

* * *

Тамара четвёртый день не выходила из квартиры Фёдора. Долгожданная встреча с братом не принесла женщине облегчения. Они и в прежней жизни общались нечасто. А оказавшись вынужденно под одной крышей, тем для разговоров хватило лишь на первый час.

Фёдор жил в Белгороде холостяком. После завершения спортивной карьеры перебивался грузчиком в магазине. С людьми

сходиллся плохо, работу менял часто. Прежняя замкнутость его теперь, при постоянных обстрелах и не покидающем чувстве опасности, только усилилась.

– Ты располагайся здесь, Тamarочка. Если что нужно, спрашивай. А я, знаешь, привык всё как-то сам. Мне разговоры лишние ни к чему. Ты уж пойми, у тебя свой уклад, у меня свой, – Фёдор достал из шкафа одеяло и протянул Тамаре. – Вот это потеплее, укройся.

– Не страшно тебе здесь, Федя? Каждый день же по три раза обстреливают, – Тамара приняла из рук брата одеяло.

– Да как тебе сказать? Вон, на Харьковской горе, говорят, чаще прилетает. Вначале, когда по расписанию били, не страшно было. А теперь тишина пугает. Чем дольше затишье, тем хуже. Если долго не обстреливают, значит, что-то страшное впереди. У нас, Тамара, только голуби ничего не боятся. Не в ту сторону ты со своего посёлка бежала.

– Так некуда мне больше, Фёдор.

– Ты на компенсацию за утраченное жильё подала? Тебе ещё за аренду жилья должны платить. Это я не к тому, что ты мне мешаешь, не подумай. Но всё же мне одному лучше.

– Подала, конечно. Ты уж Феденька, потерпи меня немного. Анечка мне звонила. Обещалась приехать скоро. Вот она мне и скажет, куда мне податься лучше.

– Да я-то что? Живи, не жалко.

Оставшись в комнате одна, Тамара долго смотрела на грязно-белый потолок комнаты с пыльной паутиной в углу. Ей казалось, что теперь это всё не кончится никогда. Она лежала, потеряв счёт времени, пока за окном не гроыхнуло так, что лязгнула ручка входной двери. Завыли сигнализации машин. Тамара вскрикнула. В комнату заглянул Фёдор.

– Это далеко. На Хагоре.

– Где?

– На Харьковской горе, – Фёдор подошёл к заклеенному крест-накрест бумажным скотчем окну, – странно, что не предупредили в мобильном приложении. – Он заглянул в телефон и, не глядя на Тамару, вышел из комнаты.

Тамара осталась лежать, глядя на кусочек паутины. Ей вспомнилась Аня. Ещё маленькой. Как вместе собирали в лесу чернику, когда малышке было года два. Тамара невольно улыбнулась. В памяти появилась крохотная дочурка в шерстяном вязаном костюмчике, бережно срывающая ягоды по одной. Отправляя чернику в рот, произносила загадочное слово «ая». Так она называла ягоды.

Комната словно сжалась до размера полутёмной кладовки, и душа заметалась в этом тесном пространстве решительным протестом. «Почему я должна всё это терпеть? Меня предали. Разрушили мой дом. Отняли счастье у моей дочери. Разлучили нас. Почему я должна прятаться здесь, в этой душной, пыльной комнате и ждать, когда меня убьют или покалечат? Почему? Зачем этот увалень Федя спокойно всё это терпит? Ведь кто-то идёт в самооборону. Кто-то поддерживает жизнедеятельность города. Почему я лежу? Надо выходить на улицу и привыкать к этому».

Тамара встала и уверенно вышла из квартиры. Брат не заметил её ухода. На улице было необычно тепло для ранней весны. Тамара пошла узеньким переулком в сторону видневшейся вдали площади, не имея конкретной цели, кроме как сориентироваться в городе, куда Тамару в шоковом состоянии привезли на автобусе МЧС. Город был необычайно красив. Он стал заметно чище и краше, чем двадцать лет назад, когда Тамара последний раз бывала у брата.

Выйдя на просторную площадь, Тамара увидела непонятные кляксы на асфальте. От каждой кляксы разлетались в стороны полосы, словно брызги, выщербленные на мостовой. Чуть поодаль тротуар покрывали груды живых цветов. Сначала всё это показалось ей очень красивым. Но, заметив детские игрушки и свечи возле цветов, сознание быстро вернуло Тамару в реальность. Кляксы на асфальте были следами от взрывов. Они совершенно нелепо смотрелись в спокойном, мирном городе на фоне тишины почти безлюдных улиц.

Проходя мимо торгового центра, Тамара внезапно ощутила головокружительный аромат парфюмерии. За бетонными бло-

ками, обтянутыми зелёной маскировочной сеткой, светилась вывеска магазина косметики, манящая сладким запахом духов. На бетонном блоке, прикрывавшем вход в магазин, кто-то написал мелом: «Мы всё равно работаем. Заходите».

Это была новая реальность, где мешки с песком и белые железобетонные укрытия соседствовали с разноцветными неоновыми огнями города, а весенний ветер нёс дым пожаров и пьянящий дух свежей выпечки. Скользящие вдоль стен домов прохожие частенько имели привязанные на предплечье резиновые жгуты для остановки крови. Тамара ещё не знала, что их носят на всякий случай. Не знала, что даже невысокий уличный бордюр может спасти жизнь, если вовремя упасть рядом с ним. Но вид людей, несмотря ни на что находившихся на улице, её воодушевлял.

«Нет. Я не сдамся. Не буду лежать под паутиной, как Федька. Я запишусь в ополчение и буду помогать городу выжить. Я не смирюсь, не умру. Вон тот парнишка, уличный музыкант, не боится, играет на аккордеоне! Ему от силы шестнадцать. Почему я слабее? Нет. Я не покорюсь!».

Парнишка играл «Катюшу». Белокурый, щупленький, в бежевой толстовке, он сидел на раскладном табурете посреди площади. Его тонкие пальцы уверенно жали на клавиши, и светлая улыбка не сходила с почти детского лица. Тамара всё смелее и смелее шла по уже забытым с юности улицам теперь прифронтового города.

* * *

Внезапно выпавший в середине весны снег покрыл, исковерканную землю Ивановки мягкой молочной белизной. Под этим покровом скрылись небольшие воронки, обломки автомобилей, битый кирпич и сорванные со столбов провода. Приукрашенный снегом городок казался не таким уж разбитым. Природа словно наспех перебинтовала покорёженные улицы, исцеляя и замораживая их раны.

Обгоревшие руины центрального универмага подёрнулись белым инеем и напоминали обледеленные горные вершины. У сре-

занного наполовину взрывной волной тополя на центральной площади стоял высокий худой старик с мальчишкой на руках.

– Холодно, дедушка! Пойдём в подвал. Они не придут сегодня.

– Придут, Сашок! Сегодня непременно придут. Я вчера видел, что сапёры уже прошли, значит, вот-вот.

– А они будут на танках?

– Конечно, на танках!

– А когда мама вернётся?

– Ох ты, горе глубже моря! Вот когда танки пройдут, тогда мы и узнаем, где мама и когда вернётся.

В конце улицы беззвучно, как в немом кино, показалась танковая колонна. Она приближалась настолько стремительно, что через несколько секунд уже были видны чёрные комья грязи, летящие из-под гусениц. Через мгновение воздух наполнился лязганьем траков по асфальту и запахом выхлопных газов. Затем гул моторов вытеснил все остальные звуки, и огромные, многотонные машины с лёгкостью фантастических тёмно-зелёных птиц, с вытянутыми вперёд длинными клювами-стволами, понеслись бесконечной вереницей на запад.

Сашка изумлённо вытаращил глазёнки. Петрович посадил его на плечи и, придерживая левой рукой за щиколотку, вскинул правую руку с накрепко сжатым шахтёрским кулаком вверх, в знак приветствия.

– Запомни, Александр, этот момент! – заорал Петрович, чтобы внук слышал его в шуме моторов. – Это пошёл обратный отсчёт. Конец гадам!

Но Сашка не слышал слова деда. Он зачарованно глядел на летящие мимо танки, которым не было конца. Первые из них уже скрылись за поворотом улицы Карла Маркса, а новые и новые, выдерживая строгую дистанцию, влетали на площадь.

* * *

Тамара проснулась от нового, непривычного шума за окном. В этом звуке было что-то родное, давно забытое. Спросонок она

никак не могла понять, что это. Луч солнца пробивался сквозь щель между двух плотных штор, которыми Фёдор завешивал окна. Тамара подошла к окну и, отдернув штору, раскрыла створки.

В комнату хлынул поток прохладного весеннего воздуха. Вместе с ним комната тут же заполнилась рассыпанным бисером сотен детских голосов.

– О Боже, где-то рядом школа? – Тамара улыбнулась. Безумный гвалт, словно шум моря, стремительно врывающегося на берег, заполнял все соседние переулки. Мальчишки то и дело били футбольным мячом в металлическую сетку забора, которая протяжно звенела при каждом ударе, как золотые тарелки джазмена-барабанщика. Девчачий смех и восторженные детские крики дробили утреннюю тишину на тысячи сверкающих на солнце брызг.

«Сегодня будет чудесный день! – подумала Тамара, – ведь предстоит такая важная, волнительная и судьбоносная встреча».

Через некоторое время она уже шла по улице 50-летия Белгородской области в поисках нужного адреса. Обычная, ничем не примечательная советская пятиэтажка. Лишь розовая металлопластиковая дверь в кафе с названием «Алиса» навевала сказочное настроение, сулила встречу с мечтой, была воротами в другой мир. Постояв секунду в нерешительности, Тамара распахнула дверь в кафе и подобно Алисе провалилась в зазеркалье. Интерьер любимой с детства сказки прикоснулся к душе мягкой улыбкой Чеширского Кота. Но всё это было лишь фоном происходившего в этот день чуда. Навстречу Тамаре уже бежала заметившая её первой дочь. За Аней, широко улыбаясь, степенно шагал высокий парень в военной форме.

– Мама! – Аня бросилась на шею матери. Больше не было никаких слов.

Игорь молча стоял поодаль. Он был уверен, что их с Аней план сработает. Не могло быть иначе. Игорь очень любил это ощущение, когда понимаешь, что всё расставил по нужным местам. Ему нравилось это чувство ещё со времён работы на

оконном заводе, когда он распределял все детали в нужном для сборки порядке. Пожалуй, даже раньше, с самого детства он не мог допустить, чтобы учебники, школьные булочки и оловянные солдатики были свалены в одну кучу. Игорь аккуратно складывал «героев ледового побоища» в коробку, учебники на полку, а булочки в пакет.

Половина дня за рассказами о событиях последнего года пролетела мгновенно. На столе так и осталась не тронутой грудка пирожных, и лишь по огромному пустому стеклянному чайнику с дольками апельсина на дне можно было догадаться, что время бежит неумолимо и верхняя колба песочных часов уже пуста, как этот прозрачный сосуд с остатками чаинок на тонких стенках.

– Мамочка, тебе всё-таки не место здесь. Да и дядя Федя сейчас не лучший для тебя спутник, – подвела итог многочасовой беседе Аня.

– Мы очень хотим, чтобы вы на ближайшее время перебрались в Питер, – Игорь положил на стол ключи от своей питерской квартиры.

– Мама, вот тебе моя банковская карта, купишь билет на поезд и устроишься в Петербурге. Я буду звонить тебе по возможности, и пополнять счёт в начале каждого месяца.

– А вы? – тихо спросила Тамара. За столом повисла пауза.

В противоположном углу кафе, над стойкой бара тихо играл блюз.

– Мы ещё повоюем, – решительно ответила Аня.

– Значит, и мы повоюем, – улыбнулась Тамара.

– Мама, так нельзя! Послушай нас! Игорь дело говорит!

– Нет, Анечка. Ключи и карточку возьму. За это спасибо. Но останусь здесь. Мне есть чем заняться в этом городе.

Со стен кафе понимающе смотрели на Тамару нарисованные сказочные кролики и девочка Алиса. В глазах дочери и нового зятя Тамара прочла не только тревогу и заботу, но и одобрение своих слов. Разговор был окончен.

За розовой дверью кафе сказка завершилась. На улице повалил мокрый, тяжёлый, но недолговечный мартовский снег.

* * *

В маленькой комнате с белыми стенами почти не было мебели. Железная кровать с продавленным по центру матрасом, небольшой стол и старое скрипучее кресло, оббитое красной кожей. За окном на ветру раскачивалась макушки пальм. Где-то в кронах деревьев нервно и монотонно верещали попугаи. В красном кресле сидел мужчина со следами сильных ожогов на лице и шее. Он, не мигая, смотрел остекленевшими глазами на циферблат настенных часов, в которых села батарейка, и секундная стрелка судорожно дёргалась возле цифры шесть не в силах преодолеть этот рубеж.

– Они придут за мной, – прошептал мужчина, не отрывая взгляда от часов, показывавших ему третий день одно и то же время, – я знаю, они придут. Недаром вчера этот странный тип в солнечных очках целый день тёрся воле моего дома.

За стеной хрипло кашлял какой-то старик. Этажом выше стрекотала механическая швейная машинка.

– Они придут и убьют меня, – повторял мужчина и, вытащив из ящика стола пухлый измятый конверт, с силой швырнул его на пол. По замызганному кафелю разлетелись бледно-зелёные купюры с портретами президента США.

Мужчина энергично пошарил в карманах. Его рука, лишённая двух пальцев, бросила на пол ещё несколько скомканных купюр.

– Подавитесь! – крикнул он, вытирая со лба выступивший пот.

За стеной продолжал кашлять старик. Стук разбитой швейной машинки становился всё энергичнее, словно стальные колёса локомотива гремели над головой. На виске мужчины пульсировала вздувшаяся синяя вена. В такт ей продолжала дёргаться возле цифры шесть умирающая секундная стрелка.

– Когда они придут? Сегодня? Может, это будут те два здоровенных китайца, что так нагло улыбались мне в кафе, глядя прямо в глаза? Да, это будут они.

Мужчина вынул из ящика стола складной нож и щелчком выбросил острое лезвие с извилистым кровотоком.

– Нет. Я не справлюсь с ними. Они всё равно задушат меня. Это конец.

Он приоткрыл узенькую дверь, за которой шумела вода. Из переполненной ванны медленно стекали на пол тонкие струйки.

– Они обманули меня. Сволочи!

Раздался дверной звонок. Его дребезжащий звук парализовал мужчину. Он замер в нерешительности с ножом в руке. За окном продолжали шуметь макушки пальм. Мужчина сделал шаг к окну, но почувствовав табачный дым куривших под окном людей, бессильно опустил в кресло. Дребезжание звонка повторилось.

– Будьте вы все прокляты! – выкрикнул мужчина. Полоснув несколько раз ножом левое запястье, он опустил на пол и откинул окровавленную руку в переполненную ванну. Обессиленно запрокинув голову, он в последний раз посмотрел через узкий дверной проём на секундную стрелку настенных часов и закрыл глаза. Побагровевшие струи воды продолжали стекать на пол.

За дверью девочка, почтальон в синей униформе, просунула квитанцию за свет в дверную щель и бойко побежала по ступенькам вниз.

Швейная машинка умолкла. Секундная стрелка на часах совершила последнее движение и замерла. Вместе с ней прекратила пульсацию и вена на виске неподвижно сидящего в кресле мужчины с обожжённым лицом.

* * *

В большой армейской палатке в два ряда стояли сколоченные из грубых досок нары. На одинаковых тёмно-синих матрасах спали люди, укрытые опалёнными ватными одеялами, гражданскими пуховиками и старыми армейскими бушлатами. Первые лучи чуть тёплого весеннего солнца пробивались сквозь мутные полиэтиленовые окошки. В конце прохода, между кроватей, у походной стальной печи возился старик. Буржуйка энергично потрескивала и сверкала сквозь щели заслонки яркими апель-

синовыми вспышками пламени. Пахло свежеструганными досками вперемежку с тяжёлым запахом десятка человеческих тел, спавших в душном замкнутом пространстве. С каждой минутой в палатке становилось светлее от стремящихся пробиться в неё солнечных лучей, а воздух всё больше и больше заполнялся щекочущим ноздри ароматом только что испечённых блинов, от которого люди на нарах зашевелились. Послышались детские голоса, кашель, неразборчивая тихая речь.

Старик бережно упаковал половину только что испечённых блинов в тёмно-зелёный жестяной цинк из-под патронов, проложив их бумажной салфеткой.

– Ох ты, горе глубже моря, – прошептал Петрович.

Взяв цинк под мышку, он подошёл к нарам, где лежала женщина с перебинтованной головой и осунувшимся, худым лицом. Рядом с ней, обхватив мать руками, спал малыш. Его белокурые, давно не стриженные волосы, упали на глаза, а босая нога выбилась из-под стёганного красного одеяла с прожжённой в углу дырой.

Петрович поправил одеяло и потрогал лоб женщины.

– Нормально. Жара нет, – прошептал он. – Сегодня одеяла всем новые подвезут и бельё. Поспите ещё, ребятушки, а я до Валушки схожу. Сегодня её день.

Старик откинул полог палатки и вышел на свежий весенний воздух. В ноздри ударил запах оттаявшей земли и дыма от печей палаточного городка. Как и год назад, Петрович старался идти возле заполненной мутной водой колеи, огибая круглые, во всю ширь дороги лужи. Теперь к ним добавились и разного калибра воронки по обе стороны дороги, мотки ржавой проволоки от сгоревших колёс и перевёрнутый набор КАМАЗ с оторванным и пропавшим неизвестно куда задним мостом. Кирзовые сапоги Петровича, как и прежде, скользили в грязи, и старик старался идти осторожнее. В светло-сером небе то и дело появлялись голубые прогалины. Верхушки голых берёз по-прежнему тянулись к ним, раскачиваясь на ветру и рассыпая вокруг себя стаи крикливых галок, которых за этот год не стало меньше. Мир казался таким же, что и в прошлую весну,

если бы не эти уродливые дыры воронок, на которые Петрович старался не смотреть.

Он не сразу нашёл Валину могилку. Поперёк кладбища извилистыми змеиными хвостами пролегли траншеи, укреплённые изнутри старыми досками от скамеек, оградками от могил и наспех порубленными стволами деревьев. Надгробные гранитные плиты были свалены перед краем окопа для укрепления бруска. На Валиной могилке не было уже ни оградки, ни креста. Николай Петрович узнал её по серебристой вазе с барельефами траурных кистей по бокам, которую собственноручно красил на протяжении многих лет и помнил все её сколы и формы.

Скамейки не было. Петрович присел на сырую землю. Он бережно выложил из металлического цинка блинчики и положил их на край могилы.

– Вот видишь, Валенька, – произнёс старик и не смог больше ничего сказать. Слезы заставили его крепко зажмурить глаза и сжать зубы. Руки, протянутые к могиле, дрожали. Петровичу захотелось лечь в проходившую тут же за могилой траншеею и уснуть навсегда рядом с самым близким и родным человеком. Ему показалось, что если он только ляжет на землю, то непременно умрёт. Будто не оставалось в жизни более никаких дел, никакого смысла, никакой борьбы.

Резкий, неприятный, но такой знакомый за последний год запах разлагающегося тела, исходящий из ближайшего окопа, мгновенно отрезвил старика. Петрович встал и, зачем-то взяв в руки пустой железный цинк из-под патронов, в котором принёс блинчики, шагнул вперёд. В траншее, неуклюже подвернув под себя ногу, лежал на спине молодой мужчина с тёмно-серым лицом в чёрных пятнах. На кармане его изорванного камуфляжа виднелся блёклый красно-белый флаг Канады с кленовым листом.

Всё перевернулось в душе старика. Бешено застучало в висках. Ему захотелось броситься в окоп и душить это, уже мёртвое тело, изо всех сил. Душить той же стальной хваткой, какой некогда сжимали его руки отбойный молоток в шахте. Давить так же долго, как прежде, он неустанно долбил уголь, чтобы

выполнить план. Петровича остановил лишь этот страшный въедливый запах трупа.

Старик озлобленно плюнул в серое лицо наёмника и, наклонившись, стал сгребать жестяным цинком отмёрзшую, рыхлую землю бруствера, закапывая тело вражеского солдата. В глубине земля была ещё твёрдой, и Петрович долго скрёб по поверхности промёрзлой почвы, собирая металлической коробкой верхний слой. Прикопав врага землёй, старик изрядно вспотел. Свежий весенний ветер охлаждал его мокрую спину. В синеве неба продолжали качаться тонкие чёрные ветви берёз. Воздух стал снова чист. Крик стаи птиц напомнил старику плач младенца. Он вспомнил о Сашке.

Петрович закурил папиросу и осмотрелся. Неподалёку, на засыпанной землёй могиле он заметил тонкую доску. Старик приподнял один конец доски и ударом ноги отломал короткий кусок. Затем, выбив камнем торчащие из доски три ржавых гвоздя, сколотил крест, приложив отломанную, короткую часть доски поперёк длинной. Сколько раз за последний год он проделывал подобное с помощью досок, проволоки, гвоздей, верёвок. Петрович воткнул крест в наспех сделанную им могилу убийцы и перекрестился.

– Вот видишь, Валюша, – произнёс он, докуривая папиросу, которая уже обжигала пальцы, – надо жить. Дома-то Сашка ждёт.

В этот момент старик вспомнил, что никакого дома, в сущности, у него и нет. Он глубоко вздохнул и выбросил папиросу.

– Ох ты, горе глубже моря. Ты подожди ещё немного меня, Валюша. Ведь ты, как никто умела ждать. Там же Сашка у нас с тобой. Надо жить, Валюша.

Где-то далеко трижды гроыхнуло. Старик прислушался и улыбнулся. Наши.

Ирина НЕВЗОРОВА

Ирина Михайловна Невзорова – литературовед, историк литературы Русского зарубежья, член Московской городской организации Союза писателей России. Родилась в Москве, окончила Московский инженерно-физический институт (МИФИ). Пристальное изучение творчества Марины Цветаевой и поэтов Серебряного века стало причиной перехода на службу в издательский центр открывающегося в 1992 г. Дома-музея Марины Цветаевой. Позднее работала в Библиотеке-фонде «Русское Зарубежье», в газете «Российские корейцы», в журнале «Православный глагол». Автор десятков статей, посвящённых русской культуре и участию русских эмигрантов в борьбе с фашизмом. Участник международных конференций, лауреат премии «Боспорские Агоны». Автор сборника стихов «Лунное свидание» (2002). Составитель книг: *Ирина Кнорринг*. «Повесть из собственной жизни»: Дневник. В 2-х т. (2009–2011), *Нина Кнорринг*. Ближе к сердцу: Мой русский дом (2010), *Юрий Терапиано*. «Мой путь в Йерусалим»: Стихи. Очерки о поэтах (2011), *Ирина Кнорринг*. «О чём поют воды Салгира»: Беженский дневник. Стихи о России (2012), *Николай Кнорринг*. Записки историка, педагога и музыканта о России (2014). Автор книг: «Марина Цветаева: преддверье: Статьи и эссе» (2019), «От Рустеберга до Елшанки: Очерки о России и Кноррингах» (Победитель конкурса МГО СПР «Лучшая книга года 2024»).

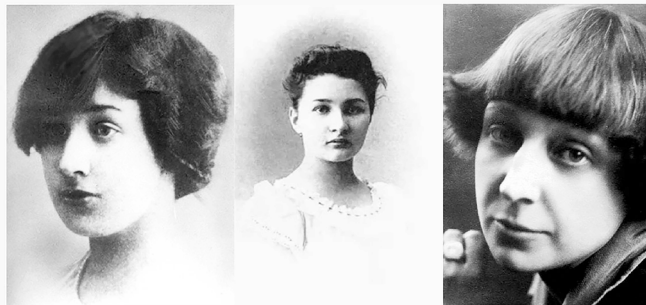
Живёт в Москве.

МУЗЕЮ СЕМЬИ ЦВЕТАЕВЫХ В НОВО-ТАЛИЦАХ 30 ЛЕТ

Открытие Музея семьи Цветаевых в Ново-Талицах Ивановской области состоялось 18 мая 1995 г. «Этот день был красной строкой вписан в летопись культурной жизни города Иванова», – свидетельствуют горожане. Мы давно не были в Иваново и решили его посетить, будучи приглашенными на конференцию «Цветаевы: три сестры». Тем более программа конференции таила в себе много сюрпризов.

Департамент культуры Ивановской области
Ивановский государственный университет
Фестиваль «Первая фабрика авангарда»
Ивановский областной художественный музей
Музей семьи Цветаевых в Ново-Талицах
Центр развития туризма и гостеприимства «Визит Иваново»

ЦВЕТАЕВЫ ТРИ СЕСТРЫ

9–10 октября 2025 г. в городе Иваново состоялась Всероссийская научно-практическая конференция «Цветаевы: три сестры». Речь идёт о дочерях профессора Московского университета, инициатора и создателя Музея изящных искусств имени

А.С. Пушкина – Ивана Владимировича Цветаева (1847–1913): Валерии (1883–1966), Марине (1892–1941) и Анастасии (1894–1993).

Конференция проходила в рамках Международного фестиваля современного искусства «Первая фабрика Авангарда», поэтому была весьма необычная. Она включала в себя теоретическую (научную) и практическую (географическую) части.

Организатор Конференции – Ивановский государственный университет в лице академического руководителя Образовательной программы «Образование в сфере современной хореографии» ИвГУ, преподавателя кафедры непрерывного психолого-педагогического образования ИвГУ Любови Алексеевны Калмыковой. Координатор конференции – руководитель информационно-исследовательского центра «Танцсоюз», доцент той же кафедры ИвГУ Елена Викторовна Васенина (Ремизова). Модератор – кандидат исторических наук, заведующая Отделом разработки музейных программ Ивановского областного художественного музея Елена Борисовна Соснина.

Партнеры Конференции – Музей семьи Цветаевых в Ново-Талицах и Ивановский областной художественный музей.

*Музей семьи Цветаевых в Ново-Талицах.
Памятник Ивану Владимировичу Цветаеву*

Конференция началась с посещения села Стебачёво Тейковского района Ивановской области, расположенного на левом берегу реки Нерль (экскурсию провела нам Е.Б. Соснина). В Стебачёво Цветаевы жили с 1820 г. В сельской церкви Иоанна Богослова служил прадед трех сестёр – Василий Петрович Цветаев (1792–1853). Здесь родился их дед – Владимир Васильевич Цветаев (1818(?)–1884), после окончания духовной семинарии получивший назначение в село Дрбздово Шуйского уезда Ивановской области.

В Воскресенской церкви с. Дрбздово отец Владимир служил в 1841–1853 гг. В Дрбздово родились четыре его сына: Петр (1842–1902), Иван (1847–1913), Фёдор (1849–1901) и Дмитрий (1852–1920).

На конференции выступил Михаил Юрьевич Бальмонт. Кроме великого дела – сохранения памяти Бальмонтов в Шуе – он руководит работой по восстановлению Воскресенской церкви в урочище (в прошлом – селе) Дрбздово. В 1840 г. в Дрбздово поселились и его пращуры – семья штабс-капитана К.И. Бальмонта. Близ храма им установлены мемориальные таблички в память о И.В. Цветаеве и К.И. Бальмонте. Семьи Цветаевых и Бальмонтов дружили, как говорят, домами. «Дружеские отношения сохранились и между внуками – поэтами Мариной Цветаевой и Константином Бальмонтом», – заметил докладчик. М.Ю. Бальмонт рассказал о состоянии дел и проблемах на сегодня: восстановлен купол и колокольня Воскресенской церкви, по праздникам проходят богослужения. Главная же проблема – традиционно-русская: дороги.

В село Николо-Талицы (именно так называли село по расположенной в нём Никольской церкви) семья отца Владимира приехала из Дрбздова в 1853 г. Его направили поднимать запущенную Свято-Никольскую церковь, что он делал с большим рвением и успешно, до последних дней своей жизни.

Рядом с Никольским храмом, на крутом берегу речки Виргузы, стоит деревянный дом с мезонином, где в течение 75-ти лет жили три поколения семьи Цветаевых, ныне Музей семьи Цветаевых. Экскурсию по музею для группы участников кон-

ференции провела Елена Александровна Шведова, научный сотрудник Музея, рассказав об истории его создания и экспозиции, отметив, что коллекция подлинных цветаевских предметов в фондах музея является одной из крупнейших в стране. Она поведала нам, что именно сюда, в отчий дом, Иван Владимирович Цветаев привёз молодую жену Варвару Дмитриевну (урожд. Иловайская; 1858–1990), чтобы представить её своему отцу (единственный священник Николаевской церкви не имел возможности отлучиться из храма в Москву на свадьбу к сыну, – кто будет исполнять безотлагательные требы?). Ведь именно здесь, в Талицах, молодожены провели свой медовый месяц.

Отец Владимир умер 19 марта 1884 г. на 66-м году жизни. После его смерти обязанности священника Никольской церкви стал исполнять его сын Пётр, служивший до того в селе Першино, расположенном неподалёку.

Пётр Владимирович Цветаев (отец Пётр) прослужил в Талицком приходе 18 лет, преставился 59-ти лет, оставив вдову Марию Александровну (урожд. Богославская; 1845–1928) и пятерых детей: Сергея (1873–1913), Евгению (в браке Орлова; 1874–?), Владимира (1877–1928), Александру (1887–1972) и Антонину (в 1-м браке В(о)ронская, во 2-м Киселёва; 1890–1928). Ещё трое детей умерли в раннем возрасте: Иван (1881–1888), Софья (1879–1880) и Александра (1885–1886).

И.В. Цветаев оказывал семье брата, рано потерявшей кормильца, посильную помощь, помогал «выйти в люди» его младшим детям. В его семье летом в Тарусе жила Евгения и была подругой Валерии, а в доме в Трёхпрудном в годы своей учёбы жила «медичка» Антонина.

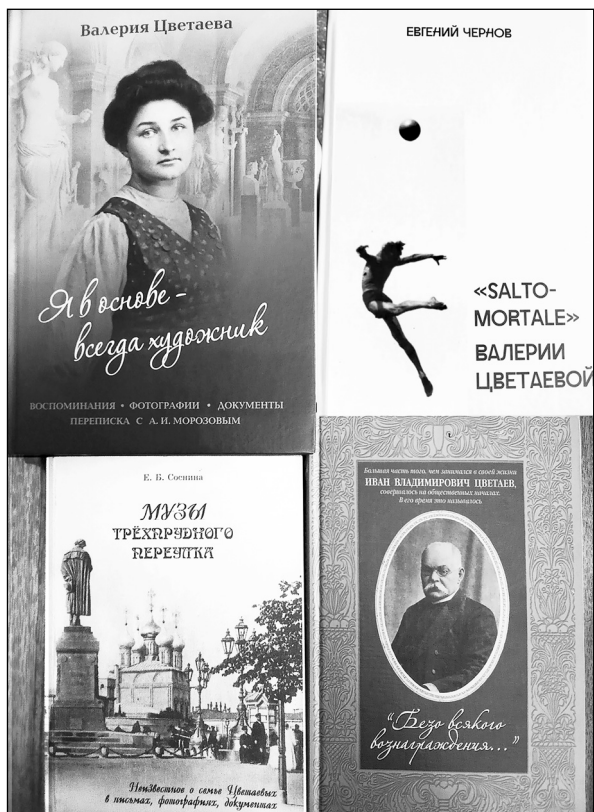
Дом-музей в Талицах наполнен мемориальными вещами! Часть из них сохранилась со времён проживания здесь семьи Цветаевых, часть была привезена из дома в Трёхпрудном перелулке после второй женитьбы И.В. Цветаева: новая хозяйка дома, Мария Александровна (урожд. Мейн; 1868–1906) обновляла обстановку. Известно, что супруги вдвоем посещали Талицы в 1892 г. и 1894 г.

В 1894 г. Цветаевы встретили Троицу (18 июня ст.ст.) в Никольской церкви. «Повидали там семью моего старшего брата <Петра>, помолились на родных могилах, полюбовались родными местами, с которыми у меня связано столько дорогих воспоминаний, побывали в Иваново-Вознесенске», – пишет он своему другу Помяловскому. Особое внимание Цветаев уделяет земской школе. «Бывая на родине не часто, видишь, как видоизменяется жизнь народная, как сменяются формы деревенского быта... Двигается вперед и народное образование». Кроме того, он отметил «богатство украшений на женском населении» на службе в храме. По следам поездки Цветаев написал статью о жизни сельского населения Талиц: «Прежде и теперь: Картинка одной народной школы» («Русское богатство». Т. 30. М.: 1894. С. 759–775).

Земляки внимательно следили за деятельностью И.В. Цветаева по созданию Музея изящных искусств (торжественно открыт 31 мая / 13 июня 1912 г.). Одним из них был Дмитрий Геннадьевич Бурюлин (1852–1924), купец, владелец текстильной мануфактуры, меценат, коллекционер предметов искусства, путешественник. Задумываясь о судьбе своего собрания, в завещании от 18 мая 1899 г. он велел наследникам, что в случае его преждевременной смерти передать всё собрание «в Москву в новостроящийся музей имени императора Александра III в собственность одного и полное распоряжение» (заметим, что к этому времени уже был создан Комитет по устройству Музея, издана «Записка о Музее изящных искусств» и состоялась – 17 августа 1898 г. – церемония закладки Музея). Но Д.Г. Бурюлин успел создать свой музей – Музей промышленности и искусства, редкостей и древностей Д.Г. Бурюлина в Иваново-Вознесенске, который открылся вслед за цветаевским, в 1914 г. (здание построено в 1912–1915 гг.). Ныне «Историко-краеведческий музей им. Д.Г. Бурюлина» является гордостью города Иваново. А вдохновителем его создание был И.В. Цветаев.

В Музее семьи Цветаевых в Ново-Талицах представлено множество личных вещей Ивана Владимировича. Большая часть их была сохранена Валерией Цветаевой (родители при-

возили её в Талицы в детстве). После смерти В.И. Цветаевой семейные реликвии сохранила и передала в Музей жена её брата, Андрея Владимировича Цветаева (1890–1933) – Евгения Михайловна (1895–1987).

*Книги, посвящённые Валерии Цветаевой,
изданные в г. Иваново*

Непростым был путь цветаевского дома – к музею. Автор книги «Дом Цветаевых» (Иваново, 1993) Галина Константиновна Кочеткова (в то время Галя Смирнова; 1914–2009) родилась

в Талицах и провела здесь детство. Она помнит *поповский дом*, как его называли, «стоящий поодаль от других, на краю кручи, у самой церковной ограды».

«В доме жила старая вдова священника, Мария Александровна, которую все звали *матушкой*. Жила она с дочерью и внуком Колей... Матушка была отзывчива, доброжелательна, разрешала соседям пользоваться её погребом, баней и большим сенным сараем. Селяне приходили к матушке за советом... Мы, дети, немного её побаивались: она всегда одевалась в чёрное и казалась нам строгой. Её дочь, Антонина Петровна Цветаева, врач Балахонской больницы, <что> в 15 километрах от Ново-Талиц, лечила бесплатно всех, кто к ней обращался, детей и взрослых».

У Антонины Петровны было двое детей – сын Николай (1916–1936; от 1-го брака с выпускником Пажеского корпуса Николаем Станиславовичем В(о)ронским (брак расторгнут в 1925 г.) и дочь Тамара (1926–1992; от 2-го брака с Николаем Андреевичем Киселевым).

В 1928 г. одна за другой умерли мать и дочь. Сначала 38-летняя Антонина Петровна, а вслед за ней и старая мать, не вынесла разлуку с любимой дочерью. Наследником дома стал Н.А. Киселёв, у которого уже был дом в Иваново. «И второй был не только не нужен, но и не желателен, т.к. владелец двух домов попадал в категорию кулаков».

Дом Цветаевых приобрела многодетная семья Смирновых, когда-то живших в Талицах. Новым хозяином стал специалист по ткацкому делу Константин Павлович Смирнов (1887–1979). В 1929 г. Смирновы всей семьёй в него въехали, не дожидаясь формальностей (сделка была оформлена лишь к 1931 г.). Когда Галя Смирнова впервые вошла в цветаевский дом, ей было 15 лет.

Хозяин постепенно отремонтировал дом, причем «родители берегли память о первых хозяевах»: «сохранялась внутренняя планировка дома, мебель, иконы» (заметим, что после «реставрации» дома не сохранилась обогревающая столовую большая изразцовая печь-лежанка). Всего у Смирновых родилось ше-

стеро детей, и прожили они в доме, до организации в нём государственного музея, 60 лет. Будучи фотографом-любителем, К.П. Смирнов оставил много ценных фотографий старых Талиц, дома и его обстановки

«Мама не раз говорила мне, чтобы я занялась историей нашего дома. От стариков она слышала, что здесь жили хорошие люди, что из них вышли учёные. В доме осталось много старинных книг – учебники, евангелие, религиозные журналы и пр.», – пишет Г.К. Кочеткова. Но историей дома и рода она начала заниматься лишь 50 лет спустя, выйдя на пенсию, вернувшись в Талицы к больным родителям и прочитав в 1978 г. книгу А.И. Цветаевой «Воспоминания» (М.: Сов. пис., 2-е изд., доп., 1974): «Книга открыла мне глаза... С этого момента начались мои поиски». Она обратилась в Ивановский архив, к метрическим книгам Иваново-Вознесенской епархии; поехала в ГМИИ имени А.С. Пушкина, основателем которого был И.В. Цветаев, где познакомилась с заведующей архивным отделом Александрой Андреевной Демской. Таким образом, постепенно собирался материал для будущего музея Цветаевых. Знаменательно, что в этом процессе участвовали школьники Талиц во главе с их учителем Л.С. Жеряковой.

В конце 1979 г., когда умер хозяин дома (в селе его уже называли «домом Смирновых»), трое из его четырех наследников хотели продать дом, – чему надо было помешать, чтобы сохранить его для будущего музея Цветаевых. «Для совета я пригласила в Талицы Анастасию Ивановну <Цветаеву> и сотрудников музея. Они сердечно откликнулись». 18 июня 1980 г. в Талицы приехали А.И. Цветаева и сотрудницы ГМИИ – А.А. Демская и М.Б. Аксененко. Им организовали на вокзале в Иваново торжественную встречу с музыкой и цветами, преподнесёнными школьниками. Приходили школьники и в дом Цветаевых, беседовали с Анастасией Ивановной.

«Вечером пошли на разорённый погост. Я повела Анастасию Ивановну вокруг разорённого храма, рассказала, какие на могилах были надгробия... Утром я подарила Анастасии Ивановне три маленьких цветаевских иконки и старинную фотографию

Никольской церкви, принадлежавшую Цветаевым... В дальнейшем я не раз встречалась с Анастасией Ивановной в Москве, в её квартире на Большой Спасской улице. Она всегда радушно принимала меня, дарила книги – мне и *будущему музею*, присылала приветственные письма на Цветаевские чтения», – вспоминает Г.К. Кочеткова.

Ивановские краеведы, в свою очередь, также занимались поиском «дома Цветаевых». Интересы краеведов и хозяйки цветаевского дома сошлись. «И потянулись в дом люди. Сначала местные и ивановцы, потом и из других городов». Круг «друзей цветаевского дома» расширялся, они выступали с различными инициативами, появились первые публикации, открытия...

В 1982 г., к 70-летию ГМИИ им. А.С. Пушкина, в нашей стране появилась первая улица, носящая имя Цветаевых: «1-я Талицкая улица» была переименована в «Улицу И.В. Цветаева». 18 октября 1987 года на доме была установлена мемориальная доска, посвящённая профессору И.В. Цветаеву. 22 мая 1988 г. в доме Цветаевых состоялись первые Цветаевские чтения, приуроченные ко дню рождения И.В. Цветаева и ставшие ежегодными (проходят в третье воскресенье мая).

В 1980-е была создана Цветаевская комиссия. В неё вошли: Г.К. Кочеткова, П.В. Куприяновский (профессор, филолог), Ф.Н. Махов (инженер-физик, член Географического общества, основатель клуба «Искатель» в Иваново), Л.А. Шлычков (краевед, историк) и его жена Галина Ивановна (педагог), А.В. Ханakov (инженер-подводник, краевед, в будущем легендарный цветаевский «костровой») и др. Цветаевская комиссия продвигала вопросы по учреждению музея в доме Цветаевых в местных и областных органах власти, занималась устройством воскресников и организацией Цветаевских чтений.

«Люди продолжали идти ко мне, – пишет Кочеткова, – и я решила в одной из комнат, бывшей гостиной (с выходом на веранду), сделать домашний музей. Собрала туда цветаевскую мебель, сделала стенд с фотографиями, витрины с цветаевскими книгами, были среди них... латинская и греческая хрестоматия, учебники древней истории, география... На некоторых из них –

пометки, автографы Ивана Цветаева». Так на общественных началах возник домашний музей. Коллекция будущего музея постоянно пополнялась. А в доме проходили встречи литературного объединения, общества книголюбов, театральной студии дворца пионеров и пр. Постепенно начало формироваться сообщество цветаеведов, а Г.К. Кочеткова вела исследовательскую работу и обширную переписку.

В 1988 г. дом Цветаевых был выкуплен у наследников государством и поставлен на баланс Ивановского краеведческого музея. Предстояла реставрация дома. По свидетельству старожилов: пригодные брёвна были промаркированы и использованы впоследствии, цветаевский дом был построен «из новых бревен с вкрапление старых».

Все годы, пока шла реставрация дома, продолжалась традиция Цветаевских чтений в Ново-Талицах. Их дополнили Бальмонтовско-Цветаевские чтения (сентябрь 1994 г.). А бывшая хранительница дома тем временем писала книгу, которая вышла в Иванове в 1993 г. (2-е издание под ред. О.К. Переверзева – в 2008 г.).

18 мая 1995 г., в Международный день музеев Музей семьи Цветаевых в Ново-Талицах был открыт. В 1999 г. перед домом был установлен первый в России памятник И.В. Цветаеву (автор – московский скульптор Николай Иванов).

За эти годы многое повидали стены Музея. Его директор, Александра Александровна Полякова, сообщает, что с 2012 г. «в музее провели тысячи экскурсий, открыто более 40 выставок фотографов, художников разных направлений, декоративно-прикладного искусства. На концертной площадке учреждения побывало множество музыкантов, в том числе начинающих. В настоящее время здесь организуют спектакли, проводятся творческие встречи и вечера. В музее сложилась традиция поэтических чтений. Авторы выбирают учреждение как площадку для презентации своих книг. Ежегодно здесь проходит и акция “Ночь музеев”. А в пандемию учреждение запустило проект “Не выходи из комнаты”, в рамках которого все желающие могли прочитать стихи, записать себя на видео и прислать сотруд-

никам музея. Ролики публиковались в социальных сетях. Во флешмобе приняли участие жители России – от Мурманска до Владивостока. К ним присоединились граждане Перу, Аргентины, Беларуси и других стран. Кроме того, за годы работы фонд музея постоянно пополнялся».

Вернемся к конференции «Цветаевы: три сестры». К участию в ней были приглашены специалисты по изучению наследия семьи Цветаевых (филологи, историки, культурологи, сотрудники музеев и архивов). О направлениях исследований можно судить по представленным темам докладов:

– *Евгений Сергеевич Ставровский* (доцент ИГЭУ, краевед, Шуя) – ««Родина! Исток и устье!»: памятные места на шуйской земле, связанные с родом Цветаевых»;

– *Станислав Артурович Айдинян* (литературный секретарь Анастасии Цветаевой) – «Автобиографический роман Анастасии Цветаевой “Амог” – о героях и истории создания»;

– *Елена Витальевна Титова* (литературовед, доцент кафедры литературы Вологодского Государственного Университета) – «Тема семьи в письмах А.И. Цветаевой и А.С. Эфрон (конец 1940-х – начало 1950-х)»;

– *Мунира Мухаммеджановна Уразова* (цветаевед, редактор, Москва) – «Цветаевы и Сафоновы – история двух семей»;

– *Марина Валерьевна Доронина* (старший научный сотрудник, и.о. начальника экспозиционно-выставочного отдела ГБУК «Дом-музей Марины Цветаевой», Москва) – «Брат трёх сестёр: к 135-летию со дня рождения Андрея Цветаева» (онлайн-доклад). Доклад отражал материал выставки, подготовленной Домом-музеем, посвящённой судьбе выпускника юридического факультета Московского университета, талантливого искусствоведа А.И. Цветаева.

Ключевой задачей конференции «Цветаевы: три сестры», по замыслу её организаторов, было «восстановление имени Валерии Ивановны в кругу семьи Цветаевых, реконструкция её взаимоотношений с членами семьи, коллегами и учениками,

и популяризация её творческого наследия и педагогической деятельности». Был прочитан целый свод разноплановых докладов, посвящённых Валерии Цветаевой:

– *Александр Дмитриевич Калмыков* (народный артист России, преподаватель Московского государственного института культуры) – «В.И. Цветаева как сооснователь Государственного училища циркового и эстрадного искусства (ГУЦЭИ)» (онлайн-доклад);

– *Любовь Алексеевна Калмыкова* (преподаватель кафедры непрерывного психолого-педагогического образования ИвГУ) – «Наследие Валерии Цветаевой при подготовке педагогов-хореографов»;

– *Екатерина Викторовна Васенина* (доцент кафедры непрерывного психолого-педагогического образования ИвГУ) – «Валерия Цветаева: зримое отсутствие в отечественном искусствоведении XX века»;

– *Елена Борисовна Соснина* (кандидат исторических наук) – «“И лютки снова над Окой”: о житейской прозе и поэзии в письмах балетмейстера К.Я. Голейзовского к В.И. Цветаевой» и «Звёзды цветаевских курсов: Сергей Русанов». Заметим, что «лютками» (лютки – семейство стрекоз, имеющих небольшое тонкое продолговатое тело) К.Я. Голейзовский называл маленьких гимнасток и танцовщиц, учениц студии «Искусство движения» В.И. Цветаевой;

– *Ирина Михайловна Невзорова* (литературовед, член Союза писателей России) – «По следам хозяйки “красной комнаты” Валерии Цветаевой»;

– *Елена Александровна Шведова* (научный сотрудник Музея семьи Цветаевых в Ново-Талицах, и.о. главного хранителя Музея) – «История архива студии “Искусство движения” Валерии Цветаевой. Возвращение». К студии Валерии Цветаевой и её архиву мы обратимся чуть ниже.

Напомним, что после окончания Екатерининского института и Высших женских курсов (историко-филологический факультет) Валерия Цветаева покидает Москву и уезжает работать

учителем истории в г. Козлов (ныне Мичуринск Тамбовской области), где знакомится со своим будущим мужем и другом на всю жизнь Сергеем Иасоновичем Шевлягиным (1879–1966). В 1908–1918 гг. В.И. Цветаева работала в московской частной женской гимназии Е.Б. Гронковской, там она создаёт школьный этнографический музей, экспонаты которого были для учениц наглядными пособиями на уроках истории. Но после революции, после проведения педагогической реформы и упразднения раздельного образования мальчиков и девочек (повлекших за собой разгром её музея), она уходит от школьного преподавания. Но – не от детей, не от радости воспитания юного поколения!

Валерия Цветаева обращает свой взор к их душам, наполненным от природы чувством прекрасного. Как многие её современники, она увлеклась свободным танцем «босоножки» Айседоры Дункан, школа которой ставила целью «воспитание гармонической личности средством танца и музыки». В основу её воспитания положен «принцип свободы творческого самовыражения в процессе духовного формирования ребёнка, развитие его художественное интуиции». Известно, что Валерия училась в студии Л.Н. Алексеевной, ученица Эллы Рабенек, ученицы Айседоры Дункан, – таковы звенья в цепи преемственности основательницы «свободного танца».

В 1920 г. В.И. Цветаева организовала свою студию танца «Искусство движения». В учебную программу курсов входили: ритмика, физкультура, акробатика, пластическая гимнастика (её преподавала сама В.И. Цветаева), танцевальные этюды и пр. Студийцы выступали в клубах, театрах, на танцевальных площадках.

Земляк Цветаевых, уроженец Иваново, художник Александр Иванович Морозов (1902–1997), несколько лет занимавшийся в студии «Искусство движения», начиная с 1922 г., впервые заглянув на занятия, «как замороженный смотрел на девушек-танцовщиц и их красивую руководительницу». В эти годы студия арендована помещение «Рабфака искусств им. Луначарского» (ул. Мясницкая, д. 21/8).

Летом Цветаева вывозила детей в Тарусу, где продолжались занятия и выступления. Дети укреплялись духовно и физически

(не секрет, что она подкармливала их). С 1924 г. студия получила государственный статус, причём не раз меняла название.

Студия работала вплоть до 1932 г., а потом была признана «буржуазной» и закрыта, т.к. «Сталин взял курс на возрождение в советском обществе патриотизма с ярко выраженной славянской направленностью, иностранщина стала постепенно вытесняться». Но опыт В.И. Цветаевой был востребован. Оформив пенсию за выслугу лет, она продолжала работать педагогом, режиссёром-постановщиком, консультантом в Мосэстраде, Госцирке и пр.

*Валерия Цветаева с группой учениц студии
«Искусство движения» (конец 1920-х).
Фонд Музея семьи Цветаевых в Ново-Талицах*

Как известно, на Валерию Цветаеву долгое время принято было смотреть глазами великого поэта Марины Цветаевой, не всегда добрыми. Валерию Цветаеву, «хозяйку красной команты» в доме Трёхпрудного переуллка, можно смело назвать героиней её произведений. Лёра была «объектом пристального внимания» М. Цветаевой. Она фигурирует в её автобиографической прозе: «То, что было», «Мать и музыка», «Чёрт», «Мой Пушкин»,

«Дом у Старого Пимена», «Музей Александра III». Свидетельства М. Цветаевой также идут вразрез с мнением её матери, видевшей в Лёре лишь «барышню с закаченными глазами».

Но по мере выхода в свет книг, связанных с творчеством Валерии Цветаевой, её образ проявляется всё отчетливее и ярче. В 2005 г. в Иваново вышли две таких книги, выпущенные Музеем семьи Цветаевых в Ново-Талицах или с его участием:

– *Соснина Е.Б.* Музы Трёхпрудного переулка: Неизвестное о семье Цветаевых в письмах, фотографиях, документах. – М.: Дом-музей Марины Цветаевой, Иваново: Изд. дом «Референт», 2005;

– «Безо всякого вознаграждения»: Автографы И.В. Цветаева, Записки В.И. Цветаевой / Сост. *Н.А. Кублановская*. – Иваново: ОАО «Изд-во Иваново», 2005. В книге впервые были опубликованы «Записки» В.И. Цветаевой (один из машинописных вариантов, как позднее выяснится – не полный), написанные ею в 1959–1964 гг. и посвящённые памяти отца.

Опубликованные в книгах письма И.В. Цветаева с упоминанием старшей дочери и «Записки» самой В.И. Цветаевой проливают свет на судьбу Валерии, её характер и разносторонние таланты (организатор, педагог, коллекционер, писатель) и раскрывают её деятельность в контексте эпохи. Импульсом к написанию «Записок» стала встреча с племянницей, Ариадной Эфрон (в 1957 г. та, вернувшись из туруханской ссылки, поселилась по соседству с Валерией, по её приглашению), а также открытие в 1959 г. на фасаде Музея изобразительных искусств памятной доски И.В. Цветаеву.

В 2008–2011 гг. вышла четырёхтомная переписка И.В. Цветаева с Ю.С. Нечаевым-Мальцовым, свидетельствующая о том, что Валерия оказывала разностороннюю помощь своему отцу в деле организации Музея, выполняя обязанности секретаря, переводчицы и художественного эксперта. Как показала жизнь, она была не только его верным соратником, но последователем в музейном деле (достаточно вспомнить организованный ею школьный музей), преемником семейных традиций (трудолюбия, созидания, творческой активности).

17 мая 2018 г. в Музее семьи Цветаевых в Ново-Талицах состоялись XXXII Цветаевские научные чтения. Они были посвящены 135-летию со дня рождения Валерии Ивановны Цветаевой. В Музее была открыта выставка «Искусство жить», посвящённая её творческой и педагогической деятельности, из фондов Ивановского областного художественного музея, Историко-краеведческого музея им. Д.Г. Бурылина и Музея семьи Цветаевых в Ново-Талицах. Там же состоялась презентация книги: *Валерия Цветаева. «Я в основе – всегда художник»: Воспоминания, фотографии, документы. Переписка с А.И. Морозовым»* (Иваново: ООО «ИИТ А-Гриф», 2018). Книгу, вышедшую к 100-летию Иваново-Вознесенской губернии, представила её составитель, автор вступительной статьи и комментариев Е.Б. Соснина. Впервые читатель получил возможность ознакомиться с полным текстом «Записок» В.И. Цветаевой, посвятившей их «памяти отца моего Ивана Владимировича Цветаева».

В рамках конференции «Цветаевы: три сестры» состоялась презентация 2-го издания книги «Я в основе – всегда художник». Книгу также представила Е.Б. Соснина. Второе издание дополнено фотографиями и личными документами Валерии Цветаевой.

Знание античного искусства сыграло большую роль при организации В.И. Цветаевой студии «Искусство движения». Она направляла учеников в Музей изящных искусств (музей своего отца!), изучать движение, запечатлённое в камне, призывая их внимательно рассматривать античные статуи, прежде чем «оживлять» их. В распоряжении её учеников был также разработанный И.В. Цветаевым трёхтомный «Учебный атлас античного ваяния» (1890–1894).

Представители рода Цветаевых, обладая различными талантами, оставили огромное наследие. Цветаевы священствовали, строили, музицировали, рисовали, писали гениальные стихи и прозу. В ходе конференции (особенно её «практической» части) её участники убедились в том, что фамилия Цветаевых заявила о себе и в области циркового искусства. Причем Валерия Ивановна выступала за *синтез* цирковых жанров (акробатика, эквилибри-

стика, жонглирование, иллюзии, клоунада), при этом скрепляла свои методики теоретической (даже философской) базой.

Курсы В.И. Цветаевой пользовались авторитетом в профессиональной среде. Многие из учащихся стали известными цирковыми и эстрадными артистами, педагогами и режиссёрами. Среди них – «советский Чаплин», прославленный клоун Каран Д'Аш, известный как Карандаш (Михаил Николаевич Румянцев; 1901–1983). Сегодня его имя носит Государственное училище циркового и эстрадного искусства (ГУЦЭИ).

Упоминания о студии Цветаевой встречались не раз в биографиях цирковых артистов, но архив считался утерянным. Его поиском продолжительное время занимался основатель и директор Музея истории ГУЦЭИ имени А.М. Волошина – Евгений Петрович Чернов, кандидат искусствоведения, педагог и заведующий методическим кабинетом училища, в прошлом цирковой гимнаст. Заметим, что Музей носит имя многолетнего директора училища (возглавлял его в 1950–1978 гг.) Александра Маркиановича Волошина (1905–1986), собиравшего материал по его истории.

В результате архив студии В.И. Цветаевой «Искусство движения» был чудесным образом «случайно» обнаружен в подвале общежития ГУЦЭИ. Архив представляет собой собрание документов: фотографии, негативы (плёнки), рисунки, эскизы костюмов, газеты, журналы, вырезки и пр.

Е.П. Чернов несколько лет занимался систематизацией архива и на его основе написал книгу «“Salto-mortale” Валерии Цветаевой», издав её тиражом 40 экземпляров (М.: 2023). Второе издание вышло в Иваново в 2024 г. «благодаря спонсорской поддержки текстильной компании “Альфа-Трейд”, которая активно поддерживает проекты в сфере культуры, особенно местные», – сообщает Елена Шведова, научный сотрудник Музея семьи Цветаевых в Ново-Талицах. 25 мая 2024 г. в этом Музее состоялась презентация книги Е.П. Чернова и передача архива студии «Искусства движения» в фонд Музея. Но случилось это – не вдруг.

Е.П. Чернов посещал цветаевские музеи, присматривался... Наконец, он использовал «цирковой трюк», который Валерия Ивановна наверняка оценила бы: Евгений Петрович загадал

музейщикам-цветаеводам ребус, послав им на электронную почту фотографии из архива В.И. Цветаевой, при этом не снабдив их никакими подписями. Ребус без труда разгадали сотрудники Музея семьи Цветаевых в Ново-Талицах, узнав хореографический «почерк» Валерии Ивановны (ведь они готовили ее выставку в 2018 г.). Началась переписка, возникло единомыслие и доверие.

*Творческий вечер автора книги
«Salto-mortale Валерии Цветаевой» Е.П. Чернова.
Выступают ученики цирковой студии
Центра выявления и поддержки
одарённых детей «Солярис» (Иваново)*

«Практическая» часть конференции была чрезвычайно богата и празднична. Хореографические номера были поставлены на основе методик Валерии Цветаевой, сохранившихся в записях, схемах и фотографиях в архиве её студии. Это убедительно доказывает, что опыт студии «Искусство движения» стал надёжной базой для современных педагогов и исполнительских коллективов. Участники конференции заворожённо смотрели, как летали по зале юные танцовщицы – «лютки»! – стирая пространственные и временные барьеры.

Был представлен спектакль «Босоножки» и программа «Письма о танце» по методикам В.И. Цветаевой в постановке руководителя ОП «Образование в сфере хореографии» Ивановского государственного университета Л.А. Калмыковой и в исполнении студентов Университета.

Состоялся творческий вечер Е.П. Чернова. Листая на большом экране страницы своей книги «“Salto-mortale” Валерии Цветаевой», автор вёл живую дискуссию со зрителями, обращаясь, в основном, к юному поколению, – о тайнах циркового искусства. Ведь цирк и клоунада – предметы серьёзные (на чтениях Е.П. Чернов заявил доклад на тему: «О проблемах создания художественного образа в клоунаде»). Цветаевские «уроки» Евгения Петровича перемежались выступлением учеников цирковой студии Центра выявления и поддержки одарённых детей «Солярис» (Иваново).

Накануне отправки данной статьи в редакцию из Музея семьи Цветаевой в Ново-Талицах пришла свежая новость: 3 ноября 2025 г. состоялась лекция «Валерия Цветаева. Возвращение»: эксклюзивная возможность услышать об архиве Валерии непосредственно от человека, работающего с архивом, и увидеть материалы. Ведущая лектория Елена Шведова подчёркивает, что в Музее продолжается выставка работ, созданных студентами ГИТИСа и Политеха, в рамках фестиваля «Первая фабрика Авангарда».

Как видим, студийные «наработки» Валерии Цветаевой стали мощным импульсом как для изучения её творческого наследия, так и для расширения деятельности Музея семьи Цветаевой в Ново-Талицах. Архив студии «Искусство движения» работает на благо просвещения, причем в разных плоскостях. А Музей семьи Цветаевых в Ново-Талицах ждёт исследователей со всех концов света. И надеемся, привлечёт внимание таковых, что послужит развитию одного из малых, но замечательных городов России – «городу трудовой доблести Иваново».

Светлана СЕРГЕЕВА

Светлана Павловна Сергеева – поэт, учёный, патофизиолог, невролог, журналист. Родилась в Москве. С красным дипломом окончила Московскую медицинскую академию им. И.М. Сеченова, прошла обучение в ординатуре. После её завершения в 2009 году защитила кандидатскую, а в 2022 году докторскую диссертацию по двум специальностям (патофизиология и неврология), в 2023 году получила учёное звание доцента. В настоящее время работает профессором и заместителем по научной работе кафедры патологической физиологии ФГАОУ ВО Первый МГМУ имени И.М. Сеченова Минздрава России (Сеченовский Университет). Автор поэтических сборников и подборок «Летят по небу облака», «Тишина не всегда означает паузу», «Постоянство памяти», «Весны эмблема», «Четыре пасмурных крыла», «Мечта начеку» и других. Член Союза писателей России (МГО), член Союза журналистов Москвы, действительный член Петровской академии наук и искусств.

Живёт в Москве.

У НАС У КАЖДОГО ПО ГОРОДУ...

Я ЛЮБЛЮ ТЕБЯ, МОСКВА

Я люблю тебя, Москва:
Птичкой тёплой и послушной
Я влетаю и не трушу
В серый раструб рукава.
Облачная органза
От Люфтганзы не прекрасна:
Никогда не будет красной
Золотая стрекоза.
Говори мне, говори!
Ты всегда мне будешь ближе:
Ток сердечных улиц движет
Алый цвет твоей зари.
Поцелуй меня потом,
После снов и приземлений –
Я боюсь своих сомнений
В самом важном и простом.

ГОРОД И ГОРОД

У нас у каждого по городу.
И между городом и городом
Летают самолёты бодрые,
Горят огнями трассы гордые.
У нас у каждого по времени:
По Рождеству, и по крещению.
И по культурному течению
Ты золотой, а я серебряный.

У каждого по расстоянию
От сна до действия реального.
От нулевого и до крайнего
Меридиана вся растаяла
Земля до головокружения.
К дню города и дню рождения
У каждого по воскрешению
И по мечте без разрешения.

НОЧЬ ПЕТЕРБУРГА

Ночь в улицах, у ней лихой заряд.
И звезды вифлеемские горят
Во всех аллеях, скверах, колеях:
Куда идти, которая моя?
И ничего не держится в душе,
Ещё три такта, а затем туше
До полной тишины, где только я:
Куда идти, которая моя?
И столько есть домов, и столько мест,
Но не над каждым мой упрямый крест
И свет, в который верю я.
Куда идти, которая моя?
И то ли жар, а то ли просто дрожь.
Посеешь ветер – ураган пожнёшь.
Ночь Петербурга – вифлеемский сад:
Молись – у ней лихой заряд.

ПОД НЕБОМ АУСТЕРЛИЦА

Как ветер волосы твои трепал!
И чернота за карий обрамленья
Меня тянула в звёздный сеновал,
Где ты прочтёшь мои стихотворенья.

В крутых извилинах я потеряла путь:
Как я могла белков прохладный мрамор
Забить, татуированную грудь,
Где птица вознеслась над ягуаром?
О, я мечтаю на траве лежать –
Болконский князь под небом Аустерлица,
Где ты всегда такой красивый, ать!
Навечно облака, бессмертны птицы.

МЕЧТА НАЧЕКУ

Если выдался осенью тёплый денёк,
Прогуляйся по Пятницкой, съешь кренделёк,
Полюбуйся, как солнышко точит
Небосводовы синие очи.
Не садись на Садовом на А и на Б –
Ни к чему тебе рельсы в свободной судьбе.
Пусть она словно кудри пиона
Проплывает над скучным прогоном.
Не пылись в кабинете, в тоску потолка
Словно шарик воздушный подхлопни «пока»
И с Олимпа вали, и с Парнаса,
Чтобы выпить на Дмитровке кваса.
Болтуну-ветерку подставляя щеку,
Твердо знай, что мечта навсегда начеку!
Так подбавь огоньку на Манежной,
Времена золотые понеже.
И на точке случайной маршрутной кривой,
Зазевавшись, столкнёшься с такой же со мной:
Это будет ни поздно, ни рано
На углу Валовой иль Басманной.

ТОПАЗ

Я почему-то вспомнила сейчас,
Что где-то там, на берегу Невы,
Я потеряла из кольца топаз,
Но то кольцо дарили мне не Вы.
Оно любимым было у меня,
Сияло лучезарнее других
Лазурным солнцем неземного дня
Посередине золотой дуги.
Да, я любила по нему гадать
В вечерний час, когда была одна.
В нём можно было море увидеть.
До неземного опускаясь дна,
Душою плыть, узорами искрясь.
Быть рыбаком и рыбкой бытия.
Я потеряла из кольца топаз,
Который мой и для меня сиял.
Я посмотрела и сказала: – Ах,
Как жаль! – на берегу Невы, –
Как жаль... Какого он коснулся дна?
Какого дна теперь коснулись Вы?
И как мне быть? Что выбрать мне сейчас?
Рубины, изумруд или эмаль?
Я потеряла из кольца топаз,
Который мой. Ах, как мне жаль!

ШАРФ АЙСЕДОРЫ ДУНКАН

Как у питерских пышек хрустящи бочки!
На обветренных губках нагулены корочки.
Все носочки разбиты за первый почин,
Чтобы новые кроссы вздохнули на полочке.

Зазывали на разные нас этажи,
Мимолётных туристов, московских помпончиков,
Но трамвайные плачут по нам виражи,
Поцелуи прикрыты выюнами балкончиков.
У меня тут без крыши какао с дождём
И способность торчать от ампира и готики.
Это город и город промокли вдвоём:
Два инь-яна под эгоцентрическим зонтиком.
И усатый ушитерский в хмурь капитан
Катит музу мою, ни на что не пригодную,
А за ней, словно шарф Айседоры Дункан,
Развивается лента канала Обводного.

ДВА КЛЕНА НА СТОЛЯРНОМ

Для всех лишь улицы, для знающих – дворы:
Два клёна на Столярном чахнут,
Над ними тучи, полные хандры,
Ведёт пастух без совести и страха.
Который день то дризли, то Дейв Грол
Дождливый сет зажарит по отливам.
Мы слушали и фанк, и рокен-ролл,
Внимали дамару танцующего Шивы.
Навечный дождь: волшебник в дураках
Сидит на Патриках в своем мажорском Pino
И теребит в кармане пиджака
Обломки слов и палочки бузинной.
Два клёна на Столярном... взгляд суров,
А мир души так безнадёжно тонок,
Но застят путь отары облаков
Спасительным космическим фотоном.

НАД ВАШЕЙ РУКОЙ

То ли это Луна, то ли лампа над вашей рукой.
Облака заполняют пространство, дышите их телом.
За космический хоррор и звёздный душевный покой,
Не за помыслы наши, а только за дело, за дело
Открывает незнание свой расписной гримуар,
Чтобы хаос прибрать в сотворение нового мира:
Эти руки тенями по небу тянул Ренуар,
Эти плечи у Вас словно строки Вильяма Шекспира.
И я знаю о том, что узнать никогда не должна:
Это боги впервые ступают на берег вселенной, –
Где-то там от Луны так жемчужно в тумане бледна
Ваша влажная кожа, покрытая солью и пеной.

В ГЛАЗАХ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОГО БОГА

Молчи, душа моя, молчи –
Тебе осталось так немного:
К небесной лестнице ключи
И неотъятая дорога.
Шагай, душа моя, шагай
С Волхонки по бульварам сонным
И каждым шагом оглашай
Москву стоколокольным звоном.
Веди, душа моя, веди
Сама себя по Красной Пресне.
С холодным выстрелом в груди
Давай, душа моя, воскресни!
Виси, душа моя, виси –
Затми Веласкеса и Джотто –
На синекрылом небеси,
Пугая сны и самолёты.

Тебе, душа моя, тебе
Да будет явлена дорога
И отражение свое
В глазах действительного Бога.

БЛОКАДНЫЙ БИТ

О, эти звёзды в феврале,
как переспелые плоды –
я прохожу твои сады,
невидима среди деревь-
ев, чёрных силуэтов их,
бредущих к берегу Невы
живших к всегда живым
под метроном, под снег, под дых-
ания стальной обрыв
в холодном свете матерей,
сестёр, не выживших детей.
Деревья, чёрные волхвы –
их звезды привели к невы-
жившим всегда живых,
и звезды падали под дых-
ания стальной обрыв
к ногам волхвов под метроном.
И поднимали их волхвы
на ветви на свои. Невы-
плаканный в горле ком:
Нет на планете слез таких!
И светят звёзды для живых,
и чёрные идут волхвы
под метроном, под снег, под дых...

Александр НЕФЕДОВ

Александр Викторович Нефедов – писатель, сценарист и журналист. Родился в 1962 году в подмосковном селе Малое Алексеевское. Автор книг «Си-луэты. Прошлое Подмосковья в лицах», «Самый. Самое. Самая. Подмосковная книга рекордов», «Жемчужное ожерелье Подмосковья», трилогии о книго-издателе и просветителе XVIII века Н.И. Новикове: «Мастер слова и дела», «Торжество слова и дела», «Жизнь во благо Отечества». Начинал спецкором московской областной газеты «Ленинское знамя», работал на областном телевидении, в 1999 году с должности заместителя главного редактора «Народной газеты» Московского региона ушёл на повышение в столицу и 17 лет проработал исполнительным директором газеты Правительства Москвы «Тверская», 13». В настоящее время работает выпускающим редактором журнала «Природа», учредителем которого является Президиум РАН. Имеет два высших образования – в области информационных технологий и юриспруденции. Член Союза журналистов России с 1994 года, Союза писателей России с 1999 года, Почётный работник печати города Москвы (2012). Имеет рад государственных и общественных наград, лауреат различных литературных конкурсов общероссийского масштаба. Публиковался в альманахах «Памятники Отечества», «Отечество», в «Коломенском альманахе», «Подольском альманахе», в журналах «Вестник Европы», «Слово», «Великороссъ», в газете «Московский литератор» и многих других периодических изданиях.

Живёт в Москве.

НИТЬ АРИАДНЫ

Тернистый путь

*Ариадны Владимировны Тырковой-Вильямс –
политического лидера и биографа великого поэта*

А.В. Тыркова. Фото начала XX в.

Эта удивительная женщина с таинственным именем Ариадна занималась контрабандой, сидела в тюрьмах, жила на нелегальном положении, водила дружбу с известными писателями и художниками, меняла мужей и фамилию, профессии, страны. Неизменным лишь оставалась на протяжении почти века её

земной жизни любовь к Родине и русской словесности. Политическая борьба Ариадны Владимировны Тырковой-Вильямс (1869–1962) за свободу и идеалы демократии в России успеха не имела. Зато в период вынужденной эмиграции ей принёс славу титанический тридцатилетний труд по написанию самой полной биографии Александра Пушкина, которая даже в XXI веке переиздается в нашей стране и считается классикой биографического жанра.

ИЗ ДВОРЯН В БУНТОВЩИКИ

Её судьба отчасти была предрешена происхождением и воспитанием. В дворянской семье она получила с одной стороны хорошее образование, а с другой... Свобода взглядов её родителей привела к тому, что Аркадий – родной брат Ариадны, стал известным народовольцем и за участие в покушении на императора Александра II угодил на двадцать лет в Сибирь, а сестра Мария вышла замуж писателя и юриста, социал-демократа Ю.М. Антоновского.

Видным журналистом и писателем, деятелем русской дореволюционной либеральной оппозиции, членом ЦК Конституционно-демократической партии, также известной как «Партия народной свободы» или «кадеты», Тыркова-Вильямс стала, конечно же, не сразу. Удивительным образом она с юных лет обреталась в кругу тех, кто в обозримом будущем окажется непосредственным участником эпохальных событий, повлиявших на судьбу России и перекроивших карту мира. В Санкт-Петербурге Ариадна вместе с Н.К. Крупской училась в престижной гимназии. В своих воспоминаниях Тыркова-Вильямс позднее писала: «...три основоположника русского марксизма, М.И. Туган-Барановский, П.Б. Струве и В.И. Ульянов, были женаты на моих школьных подругах. Благодаря им я рано познакомилась с русским марксизмом, вернее, не с марксизмом, а с марксистами. Теорию их я никогда не изучала и чем больше слушала длинные разговоры о Карле Марксе, его учении, его письмах к Энгельсу, с указанием, в

каком издании, на какой странице находится та или иная цитата, тем менее было у меня охоты изучать его. Хотя я была молода, марксисты были первой политической группировкой, с которой я встретилась, а смолоду новизна идей и чужой энтузиазм легко увлекают. Но я оставалась холодна».

Дворянский герб рода Тырковых

После ареста брата и за «неблагонадёжность» Ариадну исключили из гимназии. Она руки не опустила – в 1889 году опять же вместе с будущей супругой Ленина поступила на Бес-тужевские курсы – первое женское высшее учебное заведение в России. Но, проучившись год, бросила занятия и вышла замуж за Альфреда Николаевича Бормана (1865–1935) – инженера-кораблестроителя, который позднее написал несколько научных монографий и преподавал вплоть до 1918 года в Петроградском политехническом институте императора Петра Великого.

Не станем углубляться в перипетии семейной жизни этой четы, подробности можно узнать из автобиографических работ, опубликованных в эмигрантских изданиях писем и дневников

Ариадны Владимировны и воспоминаний её сына от первого брака, который продлился семь лет. Когда супруги решили расстаться, на руках у Тырковой осталось двое детей – шестилетний Аркадий и четырёхлетняя Софья. Чтобы быть независимой от своих родителей, она занялась вполне доходным по тем временам делом – журналистикой. Под псевдонимом «Вергежский», взятым в честь своего родового имени Вергежи, она активно публиковалась в ежедневной петербургской газете «Сын отечества». Сотрудничала с редакциями журналов «Нива», «Русская мысль», «Вестник Европы».

Важной вехой её жизни стала работа в ярославской газете «Северный край», где постепенно сформировались политические взгляды Ариадны Владимировны. Позднее она писала: *«“Северный край” был нервным центром местной оппозиции. Нелегко было нам, газетчикам, при тогдашней цензуре отражать эту важную переходную полосу русской истории. Хотя руководители были не революционерами, только радикалами, но бунтарство у нас царствовало. Всех объединяло стремление к более свободной, более справедливой, достойной жизни. Общее настроение проявлялось в обличительных корреспонденциях о местных беззакониях, несправедливости, подчас просто безобразиях»*. Именно в Ярославле она познакомилась с князем Д.И. Шаховским – внуком декабриста Фёдора Шаховского и внучатым племянником Петра Чаадаева, который в ту пору был главредом «Северного края» и формировал нелегальное политическое движение «Союз освобождения». Позднее этот видный общественный деятель, член кадетской партии, станет министром государственного призрения в кабинете Временного правительства, а в советское время будет служить в Госплане. На старости лет он опубликует найденные им ранее неизвестные «философические письма» П.Я. Чаадаева, очерки по истории русской культуры и освободительного движения. Такие безобидные занятия не помешают властям обвинить почти восьмидесятилетнего старика в антисоветской террористической деятельности. Князя-революционера расстреляли на полигоне «Коммунарка» жаркой июльской ночью 1939 года. Почти за со-

рок лет до этих трагических событий, вдохновлённая революционными идеями Шаховского, Ариадна Тыркова примет участие в своей первой заметной политической акции – студенческой демонстрации на Казанской площади в защиту академических свобод и против отправки студентов в солдаты. При разгоне демонстрации 1 марта 1901 года она была арестована и десять дней просидела в холодной камере Литовского замка.

Осень 1903 года во многом предопределила её дальнейший путь в политике. По просьбе одного из лидеров «Союза освобождения» Екатерины Кусковой склонная к риску Ариадна взялась перевезти из Гельсингфорса в Северную столицу 400 экземпляров нелегального журнала «Освобождение». На границе её арестовали как контрабандистку и по решению суда приговорили почти к трёхлетнему тюремному заключению. Но адвокаты постарались – Тыркова была освобождена под залог и подписку о невыезде. Едва оказавшись на свободе, при содействии «Союза освобождения» Ариадна Владимировна вместе с детьми бежала через Швецию в Штутгарт. В ту пору в этом германском городе, приютившем немало русских политических эмигрантов, располагалась редакция журнала «Освобождение» и сюда нередко заглядывал корреспондент английской газеты «Times» Гарольд Вильямс. Этот человек слыл полиглотом, даже был упомянут в Книге рекордов Гиннеса – он знал 58 языков, в том числе китайский, японский, эстонский, суахили, коптский, зулусский. Как Ариадне удалось привлечь к себе внимание журналиста, который был моложе её на семь лет, – остаётся только гадать. Едва ли ответом можно считать природный шарм русской разведённой дамы с двумя детьми на руках. Но ситуацию проясняет Нина Берберова в своей во многом разоблачительной книге «Железная женщина», где приоткрывает тайну работы британских газетчиков в пользу королевской секретной службы. Гарольду Вильямсу, при всей его любви к Ариадне, видимо, нужно было легально попасть в Россию. Что и произошло: перебравшись вместе сначала в Париж, они дождались объявления пресловутого Манифеста от 17 октября 1905 года «Об усовершенствовании государственного порядка» и, теперь

уже как жених и его амнистированная обручённая невеста, возвратились в пределы империи. Согласно «энциклопедической версии», которая «кочует» по Интернету, Ариадна и Гарольд якобы поженились в 1906 году. Однако, в Государственном архиве РФ вы можете ознакомиться с официальным документом – справкой, выданной Российским Генеральным консульством в Лондоне «О венчании Тырковой-Вильямс А.В. и Вильямса Г. в Преображенской церкви города Петрограда в 1918 году». Вполне возможно, что такой документ понадобился супругам для легализации в Советской России. Но не пригодился...

КРЕСТ СУФРАЖИСТКИ

Ариадне Владимировне везло на знакомства. В Ярославле она сблизилась с Дмитрием Шаховским, в Штутгарте нашла нового мужа, укрепила деловые отношения с Петром Струве, в Париже подружилась с Максимилианом Волошиным. Круг знакомых и друзей стремительно расширился после возвращения в Петербург, и эти «судьбы скрещенья» она всегда умела использовать. Благодаря писателю Александру Амфитеатрову устроилась на работу в газету «Русь», что гарантировало ей финансовую стабильность, философ Семён Франк приучил её критически мыслить, историк Евгений Тарле – усматривать в событиях «подводные камни», Дмитрий Мережковский и Зинаида Гиппиус укрепили веру в литературный талант, Иван Бунин привил охоту к стилистической шлифовке текстов. А ведь были в её окружении ещё и такие разные по характеру и мировоззрению люди, как Александр Блок, Анна Ахматова, Николай Гумилёв. Василий Розанов, Борис Зайцев, Вячеслав Иванов, Андрей Белый...

Упомянутый манифест от 17 октября 1905 года, который вызвал необычайный энтузиазм в обществе и даже нашёл отражение в живописи, легализовал уже существовавшие политические группировки и стимулировал создание новых, первыми из них стали «Союз 17 октября» («октябристы») и партия Консти-

туционных демократов («кадеты»). Ариадна Тыркова-Вильямс сразу же была приглашена в партию кадетов, а на апрельском съезде 1906 года по предложению Дмитрия Шаховского была избрана членом ЦК. Она оставалась единственной женщиной в высшем органе этой партии вплоть до избрания в 1917 году в ЦК графини С.В. Паниной, что дало повод в правых кругах пустить злую остроту: «В кадетской партии только один настоящий мужчина, и тот – женщина». Но каким бы политическим весом не обладала женщина, она в силу действующих тогда в Российской империи законов была лишена избирательного голоса и не могла стать членом Государственной думы, первый созыв которой приступил к работе в мае 1906 года. Единственным выходом из ситуации, позволяющим быть в центре событий в Таврическом дворце, где заседали депутаты – было освещение в прессе деятельности первого российского парламента в качестве журналиста. Очень быстро думский хроникёр Ариадна Тыркова-Вильямс завоевала репутацию лучшего политического обозревателя северной столицы. Её статьи публиковались во многих газетах и журналах, а квартира превратилась в штаб кадетской партии. Именно в те дни Ариадна стала одним из идейных вдохновителей движения русских суфражисток – женщин, добивающихся равного с мужчинами права избирать и избираться в законодательные органы власти. На втором съезде кадетской партии Тыркова-Вильямс громогласно заявила: *«цель партии кадетов состоит в отстаивании равноценности и равноправности человеческой личности, что невозможно без чётко обозначенной позиции по “женскому вопросу”»*. В итоге кадеты стали первой российской партией, включившей в программу требование избирательных прав для женщин. В свою очередь Ариадна Владимировна рьяно включилась в феминистское движение. Она стала членом Женского взаимно-благотворительного общества, Лиги равноправия женщин, Санкт-Петербургского женского клуба, участвовала в митингах и печаталась в феминистской прессе.

По итогам Всероссийского женского съезда, состоявшегося в 1908 году, российские суфражистки развернули кампанию лек-

ций по «женскому вопросу», цикл которых разработала лично Ариадна. Чтобы стать примером для других, она в следующем году побывала в Минске, Вильно, Ковно, Белостоке, Гродно, где перед толпами женщин доказывала: равноправие необходимо для развития демократии.

Деятельность её супруга Гарольда Вильямса, в эти годы жившего в России на правах английского газетчика, завершилась плачевно. Журналиста заподозрили в шпионаже в пользу Британии и выдворили из страны. В 1911 году в качестве корреспондента консервативной лондонской газеты «The Morning Post» он отправился в Турцию, где кипели нешуточные революционные страсти. Ариадна последовала за супругом и на берегах Босфора без дела не сидела. Под впечатление от увиденного и услышанного она написала книгу «Старая Турция и младотурки. Год в Константинополе», которая увидела свет в Петрограде в 1916 году.

В 1912 году Тыркова-Вильямс вернулись в Россию. Она учредила и возглавила ежедневную умеренно-либеральную газету «Русская молва», вокруг которой сплотился цвет тогдашней петербургской либеральной интеллигенции, свои статьи в ней публиковали А.А. Блок, А.М. Ремизов, П.Б. Струве, Б.М. Эйхенбаум.

С начала Первой мировой войны Ариадна Владимировна работала во Всероссийском союзе городов, организовывала санитарные отряды, смело выезжала в районы боевых действий и прямо из окопов направляла телеграфом свои корреспонденции для «Биржевых ведомостей».

Для суфражисток февральская революция 1917 года стала полным разочарованием. Когда Временное правительство опубликовало манифест о выборах в Учредительное собрание, выяснилось, что ранее обещанное новой властью всеобщее избирательное право будет касаться только мужского населения страны. В ответ женские организации во главе с Лигой равноправия женщин организовали масштабную пропагандистскую кампанию, финалом которой стала небывалая по масштабам сорокатысячная демонстрация солдатских жен и работниц фабрик в Петрограде 19 марта в защиту женских политических

прав. Затем Ариадна Тыркова вместе с Поликсеной Шишкиной-Явейн – лидером Всероссийской Лиги равноправия женщин и Верой Фигнер – председателем Комитета помощи освобождённым каторжанам и ссыльным приняла участие в переговорах с Временным правительством, окончившихся распространением избирательного права на женщин.

После такого успеха политический авторитет Ариадны усилился. Летом 1917 года она была избрана членом Петроградской городской думы, в которой возглавила кадетскую фракцию. В августе 1917 года приняла участие в работе Московского Государственного совещания и вошла во Временный совет (Предпарламент) Российской республики. Последовавший вскоре выстрел с крейсера «Аврора» поставил точку в политической карьере Тырковой-Вильямс, а в судьбе – многозначительную запятую.

БЕГСТВО

Выборы депутатов Учредительного собрания, которому предстояло определить дальнейшее государственное устройство России, планировались на конец 1917 года. Однопартийцы выдвинули Тыркову депутатом сразу по двум губерниям – Екатеринбургской и Новгородской, где соперником у неё стал Лев Давидович Троцкий. Но судьба вновь ей улыбнулась – выборы она проиграла...

После нескольких месяцев скитаний по квартирам друзей, ведь опасность ареста была реальной, в начале марта 1918 года Ариадне с супругом удаётся выбраться из холодной и голодной России и добраться до Англии.

ЗАЛОЖНИЦА ЗОЛОТОГО ВЕКА

Обосновавшись на берегах Туманного Альбиона, Ариадна Владимировна не могла усидеть без дела. Её попытки убедить

либеральное британское общество в том, что «большевизм представляет собой мировое зло, угрозу для всего мира», оказались тщетными. Осенью 1919 года в составе английской миссии, направленной для поддержки добровольческого движения, она вместе с супругом приезжает в Ростов-на-Дону – центр дислокации Добровольческой армии А.И. Деникина. Гарольд Вильямс официально считался военным корреспондентом газет «Daily Chronicle» и «Times», но задачи у него были в большей степени разведывательные. Последовавший крах белого движения вынудил членов миссии вместе с гражданским населением и остатками армии Вооружённых сил юга России года бежать из Новороссийска весной 1920 года в Константинополь на присланном за ними английском миноносце. Вернувшись в Лондон, Ариадна Владимировна развивает бурную деятельность: возрождает работу Комитета освобождения России, редактирует лично учреждённый журнал «Русская жизнь», помогает беженцам-соотечественникам – Ивану Бунину, Борису Зайцеву, Сергею Булгакову, Надежде Тэффи, ненадолго приехавшей в Англию в 1926 году Марине Цветаевой. Проявив немало изобретательности, порой рискуя, ей удалось «вытащить» из России всю свою семью – дочь, сына и даже почти девяностолетнюю мать!

Ещё в 1917 году Тыркова-Вильямс несколько раз приезжала в Москву и находила время заглянуть в Румянцевский музей ради изучения рукописей Александра Пушкина, особенно – сохранившихся черновых вариантов его стихотворений. А в эмиграции она штудировала литературно-рукописные фонды Британского музея и Лондонской библиотеки, более того – ей удалось близко познакомиться с потомками поэта, которые жили в ряде европейских городов и в Америке. Утратив веру в торжество революционных и либеральных идей, она всецело погрузилась в мир Золотого века русской поэзии и начала работать над созданием биографии классика отечественной литературы. *«Я презираю социалистов и вижу бессилие, ошибки, неподвижность своих друзей. Россия должна выдвинуть какие-то совершенно новые силы или погибнуть. Хочу думать только о Пушкине...».*

Опыт работы со словом у неё был отнюдь не только журналистский. Начиная ещё с 1910 года Тыркова-Вильямс публиковала свои публицистические произведения и повести в журналах «Русская мысль» и «Вестник Европы». В 1913 году отдельным томом вышел её роман «Жизненный путь». Большой читательских резонанс имели романы «Ночью» (1916 год) и «Добыча» (1917 год).

Где всё же истоки интереса Ариадны к творчеству и биографии Александра Пушкина? Скорее всего – в семейных преданиях. Её предок – Александр Дмитриевич Тырков (1800–1843) по рекомендации министра юстиции Российской империи Г.Р. Державина был принят в только что учреждённый Царскосельский лицей и учился вместе с А.С. Пушкиным, А.А. Дельвигом, В.К. Кюхельбекером, К.К. Данзасом. И.И. Пущиным и другими юношами, большинство из которых оставили заметный след в отечественной истории. Как известно, «благословить» первых выпускников лицея приехал сам Гавриил Романович, известный нам больше как поэт и баснописец, нежели государственный деятель. В том, первом выпуске 1817 года, было всего 29 лицейстов, из которых 12 человек получили офицерский чин. В дальнейшем одни стали генералами и губернаторами, Иван Пущин – декабристом, а Александр Тырков уже в 1822 году вышел в отставку в чине штаб-ротмистра. Он поселился в просторной квартире на Васильевском острове, где принимал своих товарищей и устраивал с ними шумные празднества «Лицея день заветный». О дружбе Тыркова и Пушкина в стенах лицея ничего не известно, кроме единственного документально зафиксированного факта: юноша с однокашниками участвовал в пирушке с «гогель-могелем», и именно он, «в котором чересчур подействовал ром, был причиной, по которой дежурный гувернёр заметил какое-то необыкновенное оживление, шумливость, беготню». Зато позднее они не раз встречались, сохранился даже подписанный в том числе и Пушкиным «Протокол» собрания лицейстов 19 октября 1828 года, которое проходило до глубокой ночи на квартире Александра Дмитриевича Тыркова, причём сам хозяин, в отличие от подвыпившей и разбушевавшейся

компании, был явно не в духе – «Тырковиус безмолвствовал», гласит «Протокол».

Своей семьёй Александр Тырков не обзавёлся, последние годы жизни он провёл в новгородском имении Вергежа на берегу Волхова, принадлежавшем его брату Алексею – деду Ариадны Владимировны. С этой усадьбой и сама Ариадна Тыркова была неразрывно связана вплоть до октябрьской революции 1917 года. Возможно, именно здесь, под впечатлением о фамильных преданиях про лицеистские годы её двоюродного деда и его дружбы с Пушкиным и зародилась, тогда ещё подспудно, идея подробного жизнеописания поэта.

По письмам сыну Аркадию можно проследить ход работы над книгой. В одном из них, от 27 января 1927 года, Ариадна Владимировна сетует: *«Пишу тебе на кипе своих бумажек. Иногда прихожу в отчаяние. Ввалила на себя самые тяжёлые тяжести. А справлюсь ли? Одно дело читать, выбирать, даже*

думать. Совсем другое дело из всего этого построить книгу, ясную и которую захочется прочитать. Ну, делать нечего, побреду дальше». Работа шла медленно. Некоторые главы она переписывала по семнадцать раз! А объём этого труда разрастался и по логике повествования трансформировался в двухтомник.

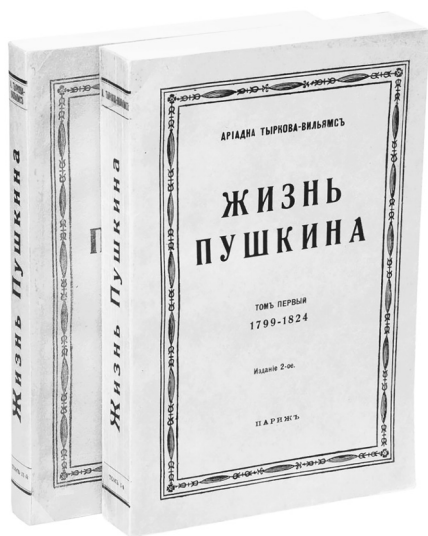
В своих письмах сыну за 1925 год она признаётся: *«Я выпью чай и примусь за Пушкина. Когда молишься за меня, не забывай просить у Бога – “Дай ей кончить Пушкина”. У меня спокойная неделя без гостей, только толпа царскосельских лицеистов кругом»*.

Финал работы над первым томом в 1928 году совпал со смертью мужа. Овдовевшая Ариадна Владимировна приняла решение написать биографию супруга. В 1935 году её труд «Cheerful giver: the life of Harold Williams» («Жизнерадостный даритель: жизнь Гарольда Вильямса») объёмом в триста страниц увидел свет в лондонском издательстве «P. Davies». На русский язык переводить эту книгу пока никто не взялся.

Первый том «Жизни Пушкина», охватывающий 1799–1824 годы, был издан на русском языке в парижском издательстве «YMCA-Press» в 1929 году. Выход второго в этом же издательстве состоялся через двадцать лет, в 1948 году.

Между этим колоссальным отрезком времени произошло многое. К 100-летию со дня гибели поэта благодаря усилиям Ариадны Тырковой-Вильямс в Лондоне был учреждён Пушкинский комитет. В 1938 году она завершила работу над вторым томом «Жизни Пушкина» и отправилась в гости к сыну, который в ту пору со своей семьёй жил во Франции, где её и застала Вторая мировая война, оккупация Парижа. После войны она несколько раз навещалась в Лондон, но в 1951 году окончательно переехала с семьёй сына в США. И здесь она продолжила сотрудничать в эмигрантской прессе, в то время как Аркадий Борман успешно работал на радиостанции «Голос Америки», вещающей на СССР. В 83-летнем возрасте она выпускает в свет книгу воспоминаний «На путях к свободе» (1952); в 85 лет – новый том мемуаров «То, чего

больше не будет» (1954); в 1956–1958 годах в журнале «Возрождение» частями печатается третий том – «Подъём и крушение. 1914–1918», который отдельной книгой так и не издан до сих пор. На 92-м году жизни она публикует воспоминания о Льве Толстом (журнал «Возрождение», ноябрь 1961 года). Последней её книгой, так и незавершённой, стал сборник «В мире чудесного». Он был посвящён русскому фольклору, в котором и сам Александр Пушкин черпал темы для своих гениальных поэм.

В 1963 году в журнале литературы, искусства, науки и общественной мысли «Грани», который выпускало во Франкфуртена-Майне издательство «Посев», эмигрантский писатель и журналист Борис Филиппов опубликовал пространные воспоминания об Ариадне Владимировне. Большей частью он пересказывает общеизвестные факты биографии Тырковой-Вильямс, упомянутые ею в своих книгах. Нам же интересен его личный взгляд на эту женщину. Позволим небольшую, но красноречивую цитату («Грани», 1963, №53, стр. 55–60): «По-

знакомился я с Ариадной Владимировной после её переезда в Америку, в 1951 году. Красивая, спокойная, волевая, умная и всё замечающая, с цепким взглядом и умом, она не сидела, а восседала в кресле, нет, лучше и сказать по старинке: в креслах, – но во всем облике её не было ничего археологического, была непринужденная свобода, была воплощённая традиционность, роднящая наше время с временами Пушкина и Екатерины, Достоевского и начала века. Да она, Ариадна Владимировна, подростком знавала Достоевского – встречалась с ним. Встречалась с Гончаровым, – и была для нас каким-то живым соединительным звеном, живой и мёртвой водой русской культурной традиции, соединяющей Достоевского с Заболоцким и Пастернаком, и нас, говорящих с нею и слушающих её рассказы и воспоминания, с эпохой величайшего напряжения нашей культуры: с временем Достоевского и Толстого». Удивительно, но эта связующая нить не прервалась и устремилась в дали ХХІ века. Публикация нынешнего очерка в журнале «Московский вестник» – яркое тому подтверждение.

ДОЛГОЕ ВОЗВРАЩЕНИЕ

В начале нынешнего столетия правнучка героини нашего повествования Екатерина Лихварь вместе со своим супругом отцом Василием, настоятелем православного храма в Род Айленде, что на границе США и Канады, решили переехать в новый дом. Упаковывая бесчисленные коробки, они наткнулись на давно забытый конверт, в котором обнаружилась записка, некогда оставленная сыном Ариадны Тырковой-Вильямс от первого брака Аркадием Борманом. Это было своего рода завещание, определявшее судьбу солидного архива его матери. В итоге в 2008 году потомки Ариадны Владимировны Тырковой-Вильямс переправили за океан и передали в Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ) огромный массив документов за 1874–1972 годы – 12000 единиц хранения и множество предметов. Теперь в Фонде №10230 ГА РФ хранятся не только папки с записями Ариадны Владимировны, её дневниками, письмами, включая переписку с Н. Бердяевым, А. Ремизовым, В. Набоковым и другими политическими деятелями, писателями и поэтами, но и уникальные произведения живописи и графики, фотографии, даже пишущие машинки, на которых работала Ариадна Владимировна. А ещё – пара потертых чемоданов, с которым она скиталась по миру после революции. Благодаря этому дару потомков мы можем даже в самом буквальном смысле услышать «голос минувшего» – прошлое оживает благодаря чудом сохранившейся магнитофонной катушке с записью выступления А.В. Тырковой-Вильямс на одной из радиостудий Великобритании ровно сто лет назад – в 1926 году.

Светлана ВЬЮГИНА

Светлана Васильевна Вьюгина – прозаик, детский писатель. Родилась в селе Николо-Урюпино Красногорского района Московской области. Выпускник факультета журналистики МГУ им. М.В. Ломоносова. Работала в газете «Советский патриот», последние 40 лет – в приёмной комиссии СП России. Публиковалась в журналах «Аврора», «Мурзилка», «Весёлые картинки», «Балтика», «Вертикаль», «Дон», «Дон новый», «Новая книга России», «О, русская земля», «Огни Кузбасса», «Подъём», «Простоквашино», «Русское эхо», «Север», «Сура», «Юный натуралист» и др. Автор книг для детей («Конопастик», «Солнечные краски», «Черёмуховое крылечко», «Сибирский Валенок», «Тайна зелёных ёжиков», «Дика-Дик», «Рыжий снег», «Волшебное словечко», «Вьюнок» и др.). Член Союза писателей России с 1994 г.

Живёт в Москве.

РАССКАЗЫ

ПОЛЫНЯ

Весна выдалась поздняя, всё стояло в мокром снегу, и мы, пока пробирались к пункту назначения, к Братской могиле, вконец умаялись и промокли. Нашему классу, 6-а, поручили подготовить торжественную линейку: школа будет чествовать фронтовиков. А те, в свою очередь, станут возлагать цветы к памятнику. Мы решили всё рассмотреть на месте, по глубокому снегу побродили вокруг памятника, поставленного в честь земляков, погибших в Великой Отечественной войне (мы – это я, две Тани, Люба Рыжая и Евграфов Володька) – и разошлись по своим домам до утра. Вечером я у папы (а он у меня тоже воевал) спросила, мол, с чего нам всё же начать?!

– Ну, можно снег почистить, чтобы люди, которые придут с цветами, могли подойти к могиле, – посоветовал папа.

Наутро я папин совет озвучила, но поддержку у друзей не получила:

– Скучно это, пусть мальчишки снег чистят, – и обе Татьяны, развернувшись, ушли домой. А мы с Любой Рыжей и Володькой Евграфовым постояли-постояли и надумали сходить за вербой. Ведь вербу можно было бы поставить в керамические вазоны, стоявшие вдоль братского захоронения. Но в последний момент всё-таки Евграфова оставили расчищать снег.

Володька уже полгода ходил в секцию тяжёлой атлетики, поднимал штангу легко. Кому, как не ему здоровенной лопатой махать?! И мы с Любой Рыжей, легко слолив его робкие возражения (мол, надо вас, девчонки, проводить) помчались на плотину. Надо сказать, что в Красногорске (а дело происходило именно там) плотина – место известное. Маленькое водохранилище, в которое сначала втекает, а потом вытекает (и течёт неизвестно как далеко!) крохотная речка Банька, было окаймлено лесной полосой. Заветное место отдыха горожан! Купание

летом, зимой – лыжи. Рыбаки на берегу, а зимой – и на льду. Всё тут мною с братьями было исхожено, исследовано. И с Любой Рыжей, и с Евграфовым (куда же без него!) мы здесь сто раз катались на лыжах. Поэтому без всякого страха я с Любой Рыжей стала пересекать замёрзшую гладь водохранилища, чтобы сэкономить время и спрямить путь. В узком месте было мелко, и в любом, даже форс-мажорном случае, утонуть здесь было просто невозможно. Солнце сильно оплавило лёд, и было скользко. Но лёд был надёжный, толстый. Навстречу шли рыбаки с садками, в которых виднелась уже заиндевевшая рыба. Рыбаки хором стали уговаривать нас вернуться, так как скоро будет смеркаться. Они даже хотели поделиться с нами рыбой. Но нам было не до рыбы и рыбаков, не до их советов. Надо было засветло успеть взобраться на крутой склон, с которого ещё неделю назад мы летали на лыжах, наломать вербы, и бегом к Евграфову, к памятнику, к Братской могиле. Утром ведь – линейка, надо спешить! Мы, разгорячённые тем, что убежали от Евграфа и так всё чудесно организовали, победительно продолжили свой горделивый поход. И – правда! Всё получилось замечательно. Вербка уже вошла в «пушистость», огромные букеты чудесным образом встанут в вазоны!

Началась метель, но мы вошли в раж – рвали и рвали вербу. И только когда стало смеркаться, мы опомнились и, подхватив огромные пушистые пучки, бегом бросились со склона, назад, к памятнику, к Евграфову. Ещё не хватало, чтобы Евграфов ушёл, и мы остались одни, у могилы, в темноте! За полчаса, что мы провели, ломая вербу, напало столько снега! Мы шли по щиколотку в снегу и почти не видели тропинку. Зыбко светился берег, но до него оставалось совсем немного, ну, метров десять, не больше, когда Люба Рыжая вдруг оступилась – и по грудь провалилась в воду. Наверное, в сумерках мы сошли с дорожки и попали в рассверленную рыбаками полынью. Как бы там ни было, Рыжая стояла почти по грудь в ледяной воде и строго мне выговаривала: мол, давай, спасай. Я читала много, как спасают попавших под лёд, и, бросив пучки вербы на дорожку, поползла к Любе. Думаю, зрелище было уморительное. Жалко, зрителей не было, они бы

уж точно нам помогли. Но на всей плотине мы были одни, и нам было не до смеха. Люба тем временем пыталась выбраться самостоятельно, но лёд под её руками крошился, и подтянуться она тоже не могла, так как зимняя одежда моментально намокла и стала очень тяжёлой. Я лежала на животе, ухватившись за Любин капюшон, и истошно кричала: «Евграфов! Евграфов!»

Любу уже начало трясти от холода, я же холода не чувствовала, только страх, что мы одни на этой плотине в начинающейся темноте. Люба велела мне отцепиться от капюшона и идти за помощью, но я не могла разжать руки – боялась оставить Рыжую одну в воде. Сколько это продолжалось? Наверное, несколько минут, а показалось – вечность. И когда над нами навис «надоедливый» Евграфов, стало уже совсем темно. Любу, в четыре руки, мы вытащили быстро, правда, Евграфову для этого пришлось залезть к ней в полынью. Иначе никак не получалось выкинуть на берег заиндевевший рыжеволосый кокон. Как я выглядела, когда мы бежали к моему дому, это и так понятно, я не буду рассказывать. Помню только, что Евграфов замыкал нашу цепочку, и его почти не было видно за охапкой вербы, которую он всё-таки подхватил с дорожки.

Мама была дома. Она покрутила пальцем у своего виска на мой сбивчивый рассказ о том, что случилось. Это была высочайшая степень её неодобрения, которую она могла позволить при детях, ведь мамочка у меня была учителем, к тому же хорошо в своё время воспитанной барышней. Но, видно, и её терпению пришёл конец. Не глядя в мою сторону, она засунула Рыжую в ванную, Евграфова передела в сухое и заставила надеть валенки. Когда я сказала, что, мол, здорово, что Володька Евграфов в секцию стал ходить – иначе он бы ни за что Любу из полыньи не вытащил, мама так на меня посмотрела, что я сразу поняла, как важно иногда промолчать.

Когда вернулся с работы папа, мы все уже немного успокоились. И папа, невзирая на возражения мамы, налил нам по рюмочке кагора. Сосед, дядя Слава, развёз на машине моих друзей по домам. Он же отвёз меня вместе с вербой поутру на линейку. Люба Рыжая и Володька Евграфов уже были там и вы-

глядели вполне здоровыми и весёлыми. Мы были так молоды и от пустяков не болели! Надо ли говорить о том, что линейка прошла блестяще!

...Шли годы. Волею судеб я стала трудиться в трамвайном депо диспетчером. Работа с людьми требовала и выдержки, и чувства юмора. Я не в полной мере обладала этими качествами. Но я полюбила свою немудрёную работу – она давала мне ощущение нужности, востребованности, что ли... Как-то пришел скандальный посетитель (увы, издержки есть в любой профессии) и стал требовать с меня шашки, забытые полгода назад в трамвае. А я сидела за шахматной доской и пыталась, воспользовавшись обеденным перерывом, научиться играть. Посетитель разозлился, мол, вот и в мои шашки кто-то так играет. Я терпеливо стала объяснять, где у нас стол находок. Вдруг над нами навис другой широкоплечий посетитель и строгим голосом возвестил:

– А я гантели забыл в трамвае, отдайте гантели!

У шашечного посетителя пропал интерес и к шашкам и ко мне, и он моментально ретировался, наверное, побежал в стол находок...

Я с удивлением посмотрела на неожиданного спасителя и почему-то тоже строго, спросила:

– А ваша фамилия не Евграфов?

– Евграфов, – спокойно ответил незнакомец, совсем не удивившись моей шутке.

Хотите – верьте, хотите – нет, но я сразу ему поверила.

ДО ПЕРВОЙ ЗВЕЗДЫ

Шло несколько ангелов в гуще толпы...

Борис Пастернак

«Тинь, тинь, синица! Добрый день! Не бойся! Я тебя не трону!» – мысленно про себя проговорила есенинский стих Серафима Петровна своей любимице, синичке по имени Юля, рас-

кладывая на обледеневшем оконном карнизе угощение – мелко нарезанные кусочки сала.

– Залетела бы ты в форточку, Юлечка, здесь со мной живёт чудный кот Персик, я бы вас познакомила; так бы и жили мы втроём, как жили все насельники рая до грехопадения.

А от пахнущего чесночком деревенского сала, присланного щедрым самарским родственником, она и сама бы не отказалась, если бы не одно, а даже два «но».

Первое – это Рождественский сочельник: ни скоромного, ни постного нельзя до первой звезды. Есть и второе «но».

Как помнит наш благосклонный читатель, расстались мы с Серафимой Петровной в пору летнего московского невыносимого пекла, а снова встретились в лютые январские морозы, – каких и старожилы не помнят.

Серафиму же Петровну, надо сказать, всю жизнь отличали три качества, неизвестно как в ней уживающиеся: покладистость, упрямство и постоянство. Ну так вот, отличаясь постоянством, несмотря ни на какие морозы, она всё так же со своими неизменными скандинавскими палками «нарезала» круги вокруг своего, наверное, до дна промёрзшего озера. Но верно говорят люди, что от судьбы не убежишь.

Только поставила в угол палки, – так тут как тут – кто бы вы думали? – самый активный и перспективный член местного литобъединения и лучший собутыльник её покойного мужа – Иван Гордеевич, идущий, как оказалось, в магазин и принимающий иногда по-товарищески у неё «заказы» на хлеб и молоко.

– Соседушка, – смиренно попросила она Гордеича, – купи мне колбаски и сыра, праздник завтра большой.

– Пра-а-аздник, – передразнил её едкий и заносчивый сосед. – А ты к празднику готовишься как? Палки финские в угол поставила и в кресло уселась? Вон котяра все газеты разбросал... Купить-то колбаски куплю, но напоминаю, что сочельник сегодня. До первой звезды – ни-ни, ни кусочка (откуда у него такая ревность к соблюдению постов взялась!)

При этих словах Гордеич шутливо провёл по горлу тыльной стороны ладони...

Всё так, конечно, и прав Гордеич, но Серафима Петровна умолчала, что была в храме накануне. Посетовала знакомому отцу Алексею, мол, трудно пост соблюдать и всё такое.

– Время от времени срываюсь, нарушаю – и молоко пью, и конфеты ем...

Батюшка ласково с ней поговорил, посоветовал пост держать посылно, по возрасту и немощам. Главное, научал, запомни: никому своими маленькими духовными подвигами глаза не коли.

– Матушка, молочко и конфеты – это терпимо, главное – людей не есть, – так нам советуют богомудрые старцы.

Хотя необыкновенно смиренной и покладистой была Серафима Петровна, но тут, видимо, по наущению вражьему в горячности стала выговаривать соседу, мол, сам там смотри, не оскоромься горячительными напитками, меру хотя бы знай. А она дотерпит до первой звезды. Что ж, слово не воробей: «посмотрим», – сказал.

И за словом в карман не полез, даром что ли, активный член местного литературного объединения, мастер афоризмов?! Руки в боки, глаза стали круглыми и дерзкими, как у готового броситься в драку кота, просто зашипел на неё:

– Дотерпит она, я ещё посмотрю, как дотерпишь! – а горячительные продукты – постные, из зерна да из винограда сделаны, пора бы тебе знать, не первый день небо коптишь.

Но тут телефонный звонок прервал так нелепо назревающую ссору. Звонила невестка, которая стала напрашиваться на чаепитие вечером. Мол, на Рождество всей семьёй и к другой бабушке надо заглянуть...

Ну что тут скажешь? Характер у Серафимы Петровны – покладистый. Не стала она обидки копить, – мол, опять сынок не заедет...

«Вот, он, и отвлечёт меня от стола, от скоромной еды этот невесточкин визит, – думала Петровна. – К тому же к госте готовиться надо, в делах и дотерплю как-нибудь (с Божьей помощью!) без застолья до первой звезды». Терпеть за работой было совсем легко, сам Господь, наверное, помогал, да и на улице заметно темнело, и это тоже придавало сил Серафиме Петровне.

С такими мыслями, перекрестившись, стала она к чаепитию с невесткой готовиться: пропылесосила свою маленькую квартиру, пол вымыла, цветы комнатные на подоконниках полила, из пульверизатора освежила. Подумала-подумала и вытащила по случаю купленную большущую рыбину, голец называется. Две сковородки рыбки нажарила.

Поохала-поахала и пирожков немного налепила. Духовка у неё сломалась.

Так не растерялась Петровна и со сковородками обошлась. Вот мечтает, и сыночку и внукам pošлю гостинцев домашних. Потом (женщина ведь!) посмотрела в зеркало, умылась-принарядилась-причесалась. Что уж перед невесткой себя сиротой казанской выставять!

Вечером, уставшая, довольным взглядом оглядела Серафима Петровна свои хоромы. Ёлочка, ещё с Нового года в игрушках сверкает! Рыжий котик Персик на своей лежанке возлежит, зелёными глазами поводит, любитесь своей хозяйкой-хлопотуньей! Стол не по-пенсионерски ломится от домашней праздничной снеди!

– Вот только как же за стол садиться до первой звезды? – дрогнула Серафима Петровна. Ну, и что страшного, почаёвничая до звезды: Бог простит.

А Звезды всё не было...

Как вдруг одновременно раздались два звонка – телефон домашний и во входную дверь. Серафима Петровна, схватив телефонную трубку, метнулась к двери. По телефону звонила невестка, извинялась, что не приедет. В такой лютый мороз машина не завелась... В дверях же довольный стоял сосед Иван Гордеевич с пакетом заказанных продуктов и бутылкой шампанского.

Молча протянул пакет с молоком, хлебом, сыром и колбасой и спросил виновато:

– Петровна, в моё окно не видно первую звезду. Всё в тучах, метель началась. Пока звезда появится, давай с тобой подборку моих стихов отошлём на один сайт, «Русский писатель» называется. Правда, страшновато: там сам Крупин печатается, но он

же прозаик, а из поэтов я никого не боюсь, пусть они меня сами боятся: ведь меня когда-то сам Пастернак благословил, давай, мол, Ваня, я в тебе верю! Вознесенский Андрюха, помню, ещё сильно ему надоедал, отрывал человека от дела.

«Этот старый пень неисправим, – благодушно улыбнулась про себя Серафима Петровна, – давай свою нетленку, для начала посмотрим грамматические ошибки. Отошлю легко, с флешки-то, одним кликом...»

Вдруг в окно раздался какой-то осторожный стук.

«Синичка Юля, наверное, – подумала Серафима Петровна»...

А высоко-высоко над её домом, над городом, над всем мирозданием дивным светом уже пламенела долгожданная Звезда Рождества.

ТАРЗАНКА

Жили-были три мальчика – Иван, Махир и Дима. Учились они в разных школах, в разных городах. А вот летом встречались в старинной Обояни: там коротали свой век бабушка Вани и бабушки-дедушки Димы да Махира. Тёплые беззаботные дни ребята проводили в летних забавах: ловили пескарей, жгли костры, строили шалаши и запруды, плавали и загорали. Тут уж было не до книг, компьютеров и мобильных, да поисков покемонов. Реальная жизнь за городом, у реки, захватывала, она была полна неожиданностей и приключений. Взрослые с интересом поглядывали на дружных мальчишек, но в их развлечения не вмешивались. Местные любители рыбалки, случалось, жаловались:

– Ваши сорванцы костёр не загасили, когда пескарей на огне пекли...

– Своими сачками они вчера порвали наши лески...

– Вся рыба в глубину от них сбегает...

Бабушка Ивана, рассудительная Евдокия Ивановна, считала, что ангелы-хранители не дадут ребятам совсем уж пропасть. А рыбакам придётся потерпеть, мол, сами детьми не были, что ли...

Так бы всё и шло, как шло. И уехали бы ребята загоревшие, отдохнувшие, немного ошалевшие от летней вольницы (Дима – в сибирский город Кемерово, Махир – на берега Каспия), но как-то утром Ваня, старший из ребят по возрасту, стал их подбивать на лихую забаву:

– На тарзанке надо напоследок полетать!

– Может, со взрослыми? – предложил серьёзный, рассудительный Махир.

– Уже темнеет, не сорвёмся ли? – буркнул Дима. И примирительно добавил:

– Я-то плаваю хорошо. У меня разряд. А у вас?

Но Иван, чуть прищурил глаза – и повёл ватагу к реке.

Канат с узлом на конце был примотан к стволу огромной наклонённой к воде ивы.

Первым ступил с обрыва старший Ваня. Тарзанка, сделав круг над водой, вернула его на берег. Потом, резко оттолкнувшись от земли, полетел над рекой Махир. А потом и Дима, самый младший, но умеющий отлично плавать.

Никому из ребят не хотелось показать своих страхов. Летать над рекой, вцепившись в старый канат, было страшновато. Но Ивану не захотелось отступить.

– Ещё разок прыгну и пойдём! – и он решительно шагнул к тарзанке. Канат понёсся над рекой и... тут случилось непредвиденное – узел, за который ухватился Ваня, развязался и выскользнул из рук. Мальчишка спикировал в бежавший под ним Псёл. На мгновение он погрузился в воду, но тотчас выпрыгнул, правда, к берегу повернуть не смог, течение поволокло его дальше. Махир прыгнул за ним, и вот уже их двоих понесла река. Дима, прозванный местными ребятами Профессором, побежал по берегу вдогонку, на ходу скидывая кроссовки и шорты. И вот он в воде. Мгновение – и ребята уже втроём, сцепившись руками, плывут вместе с рекой в неизвестность.

– К берегу, к берегу! – кричал Ваня.

– Вместе, вместе, – приговаривал Махир.

– Не робей... – почти захлёбывался Дима, но не выпускал руки друзей.

– Почему, ну почему ребята не звали на помощь? – спрашивали потом, сойдясь на улице кружком, их родные. Да и у меня, честно сказать, нет на эти вопросы у ответа...

Вы спросите, а что же сделали ангелы-хранители, чтобы спасти ребят?!

А они посадили на берегу рыбаков, тех самых, чьи сачки мальчишки опрокидывали, играя в разбойников.

Мгновение – и шест зацепил за рубашку одного... другого...

Мальчишки лежали на тёплом берегу и не могли надышаться. Как хорошо кругом, как тихо! Какие участливые и совсем не строгие глаза у дядечек-рыбаков.

– Дорогу домой найдёте, пацаны?

– Да-да! – ребята бросились вверх по обрыву, удивляясь, как далеко уплыли от дома.

Как же радостно было бежать по тёплой летней земле!

Дома их уже искали. Кстати, место спасения, как я заметила – безлюдное, да и рыба сроду там не ловилась. Вот и задумалась поневоле...

* * *

Прошло много лет. И вновь пересеклись пути давних друзей: на операционный стол к известным хирургам Дмитрию Николаевичу и Махиру Зиядовичу попал (примчала «скорая помощь») Иван Алексеевич, военный человек.

...Пот катился по лбу одного и другого врача, сбоку светился монитор чудо-прибора, бесшумно перемещались за спинами анестезиолог и операционные сёстры... А рядом, справа, сияли несказанным светом лица трёх знакомых ангелов.

ПИОНЕР

Славку Шиляева исключили из пионеров ясным апрельским днём. Он стоял у школьной доски и, опустив голову, шмыгал

носом. Наша пионервожатая Анна Антоновна (она у нас ещё и историю преподавала, и занятия в танцевальном кружке вела) подошла и сорвала со Славы галстук. Очень спокойно и буднично. Мы все, одноклассники-пятиклассники, замерли от неожиданности.

– В то время, пока вы собирали металлолом, Шилев праздновал Пасху и объедался куличами и крашенными яйцами... – говорила вожатая. – Какая дикость! В наше время...

Над нашими головами повисла жуткая тишина. Если уж честно, многие дома ели необыкновенные, праздничные, яйца, да и сами их красили с родителями. Правда, на сбор металлолома пришли всем классом, нас было много во дворе, и мы даже и не заметили, что Шилева рядом нет. В тот день наш класс расчищал соседний пустырь от ржавого железного хлама. Потом пришла огромная грузовая машина и увезла металл в специальный приёмный пункт. Нас собрали на пионерскую линейку и объявили, что заработанные деньги пойдут на обустройство школьного двора. Все радостно кричали «Ура! Ура!» и хлопали в ладоши. Было так весело!

И вот Слава стоит растерянно у доски.

Кажется, совсем недавно, когда Юрий Гагарин полетел в космос и его называли космическим пионером, Славка сам не свой бегал по коридору и кричал:

– Гагарин тоже пионер! Он, как и мы, пионер!

«Зачем же его исключать? Так уж сразу?» – только и успела подумать я. А Анна Антоновна, моя любимая учительница истории, у которой я четыре года танцевала в кружке балльных танцев, продолжала:

– Ты в церковь ходил на Пасху?

– Нет.

– А почему на сбор металлолома не пришёл?

– Мама не пустила...

И вдруг Анна Антоновна, жёстко, незнакомо усмехнувшись, спросила:

– А может, кто-то со мной не согласен? Может, кто-то хочет встать рядом с Шилевым?

Вот уж чего не хотелось в тот момент, так это вставать рядом с Шиляевым. Но я всё-таки подняла руку.

– Что ты? – недовольно буркнула любимая учительница-пионервожатая.

– А зачем сразу галстук снимать? Он же не Родину предал. Просто маму послушался. Может, он в Бога верит и не хочет в Пасху собирать металлолом?

Неуклюже вышло. Славка заплакал. Анна Антоновна разозлилась. И поволокла нас двоих к директору школы, добрейшему Дмитрию Пантелеевичу. Он отправил Анну Антоновну проводить урок. Шиляева тоже отправил в класс, мол, ты своё уже получил. А вот меня призадержал.

– Знаешь ли ты, голубушка, такое выражение – «Услужливый дурак опаснее врага?» – чуть усмехнувшись, спросил он.

– Знаю, знаю... – вздохнула я. Крылова мне частенько цитировала и мама.

– Ну, так и защищать надо умеючи, чтобы не усугубить положение товарища, – директор посчитал, что он сыграл роль сурового наставника и, легонько развернув меня за плечи, отправил учиться.

В классе, скосив глаза на Славку, увидела, что тот спокойно поедает бутерброды с соседкой по парте Верой Ивановской. Я же сидела за одной партой с Юркой Курицким. Юра протянул мне яблоко и посоветовал:

– Спокойно, спокойно!

После уроков меня позвали на заседание совета пионерской дружины (были раньше такие советы в школах.) Со мной пошёл почти весь класс. Ребята маялись в коридоре, ожидая, чем дело закончится. Наступил вечер, за окном стало совсем темно, когда я вышла из пионерской комнаты. Шиляев появился перед ребятами раньше, уже с галстуком и сразу, как мне сказали, ушёл домой. Несколько самых терпеливых мальчишек и девчонок ожидали меня в коридоре. Валерки среди них не было, впрочем, я никогда с ним и не дружила. А вот Володя Евграфов, опекавший меня уже несколько месяцев и проявля-

ющий некоторые знаки особого внимания, вроде дёргания за косички, бросился ко мне наперерез:

– Я тебя провожу!

– Смешной ты, Володя! Я ведь живу рядом со школой – отмахнулась я, принимая из его рук свой портфель.

...Но и сегодня, многие годы спустя, я благодарна Евграфову за то, что он меня дождался.

Лариса ФЕЛИСИОН

Лариса Валериевна Фелисион – поэт, художник, издатель, член Московской городской организации СП России и Международного художественного фонда, член клуба профессиональных писательниц при ЦДЛ «Московитянка», руководитель проектной деятельности Нотно-музыкальной библиотеки им. П.И. Юргенсона (Москва), руководитель и главный редактор Издательского дома «Фелисион». Родилась в Москве. Образование – высшее техническое. Автор пяти книг: «Танец пионов» (2011), «Пыльца» (2013), «Дорога» (2014) «После всех времён» (2018), «Мелодия на струне соль» (2022). Публиковалась в литературно-историческом журнале «Великороссъ», Антологии Международной Ассоциации Граждан Искусства (Испания), альманахах «Литературные россыпи», «Спирали», «Парадоксы чувств», «Фиолетовая трава», «Инкарнация счастья», «Притяжение», в газетах «Московский литератор» и «Литературный Амшен» (Абхазия). Её произведения переведены на армянский язык и опубликованы в газете Союза писателей Армении «Гракан терт», в альманахе «Камурдж» (Тбилиси). Художник-импрессионист, иллюстратор. Участник российских и международных выставок (Амстердам, 2019), (Брюссель 2021 и 2023). Творчество Л. Фелисион отмечено различными литературными премиями общественных организаций.

Живёт в Москве.

ЗЕМНОЕ МЫ И НЕЗЕМНОЕ...

* * *

Живёт в моей душе невысказанная радость –
Неясностью полна, нелепостью полна.
Иллюзия, игра, но мне другой не надо.
Тянусь к ней, как дитя за долькой шоколада.
Нет ничего вкусней, так мне мила она.

В ней собраны давно мои стихи и песни,
И краски, и холсты, и яблоневый цвет...
Там жар моей любви, её тоска и пресность,
И прошлое дорог и новых неизвестность,
Бегущих мимо слов за склон грядущих лет.

Благодарю за всё, что Бог дал в утешенье,
И за уроки я его благодарю.
Рисую и молюсь. Молитвенною сенью
Овеяны цветы. Несет благословенье
Взлетевший лепесток, пока я в нём парю.

Наивности моей не стоит удивляться,
Она моя струна и мой же камертон.
Пусть ангелы всегда вокруг цветов роятся,
И видятся во снах, и на холсты ложатся,
Вселенскую рукой роняя хрупкий звон.

Не просто на земле, и в нас все так не просто.
Не стоит и пытаться, науки нет такой.
Вокруг оси своей Земли вращает остров,
На голубом песке рисуя остью острой
Тысячелетия нам неведомый святой.

* * *

Пой, моё сердце, пой.
Что там тебе осталось?
Если какая малость –
Нас догоняет старость,
Нас разлучат с тобой

Я не печалюсь, нет.
Пусть расставанье будет.
Данность такая людям
Смерти – вершина судеб –
Бед ли итог, побед.

Жизнью живём простой
В этом престранном мире,
Вместе живём в квартире,
Вместе шумим в эфире...
Знает ли кто, на кой?..

Нам ли тот ребус решать!
Чашкою чая утром
Выпьем мирское, будто
В доме тёплом уютном
В вечность часы не спешат.

МАТЕРИНСКОЕ

Оседая дымкою смиренья,
Душу Богу в руки положив,
Милости просила и прощенья,
Чтобы дальше было можно жить.

Я звала всей чистой слова силой,
Я молила сердцем и слезой
Всех любить, кого я здесь взрастила,
Всех невольных в жизнь войти за мной.

Слушал Бог, горело солнце горче,
Трепетали вѣтлы на ветру...
И со мной шептала осень «– Отче...»,
Разгоняя листья на юру...

* * *

Тёплой осени дыханье
Так обманчиво, неверно.
Как зовет она, как манит
Полюбить её безмерно.

Возжелать, отдаться небу,
Облакам его тревожным.
А забыть себя, как не был,
В них легко, неосторожно.

В кольцах времени качает
И берёзы, и рябины
И меня... Уже не чаю
Для чего я здесь с повинной.

С покаянием у злата,
С покаянием у меди...
За любовь ждёт осень платы,
И сама любовью бредит.

* * *

Что-то нынче неможется,
Будто сил уже нет.
Мгла московская множится,
Серый цвет глушит свет.

Декабря окаянная
На душе пустота.
А вокруг самозванная
Суеты суета.

Вновь что вечер, что утречко...
Ночь стекается в день.
Декабрем только мучиться,
Но и это мне лень.

Раздышаться бы к вечеру,
Шевельнуться душой.
Нынче делать то нечего –
День совсем небольшой.

Годы, годы, как гвоздики,
Забивает декабрь.
Наволоч в небо облаки,
Как купчишка в свой ларь.

Дал бы снега! Да, бесится,
Заявляет весну.
Но его околесица
Тянет только ко сну.

* * *

Сладок солнца луч последний –
Растревожит и обманет...
Свет в хрустальном дня стакане,
Ночи росной тёмный ледник.

Сад, малиною перчѐнный,
Виноградным градом тронут,
Тянет в глубь свою, как омут,
Он прощаньем невесомым.

Астр галактики астральны.
Оселят прощанье синим –
Кружев синих хрупок иней
В ветра всполохах спиральных.

Этот космос беспределен
Бесконечностью призывной.
Кто тебе придумал имя?
Кто твоё задумал время?

* * *

Мелькнѐт во сне, не проясняясь,
Моей души седая тень.
Не скажет ничего, немая,
И целый день мой набекрень.

Ищу её ли, или смыслы
Своих рождений и смертей.
Тяну судьбы простые числа,
Сложившиеся без затей.

Давно уже ни с чем не спорю,
Дуальность правды осознав.
Иду себе по жизни полю,
Где только Бог во всем и прав.

Пуд соли съев – друзьям во благо
Бывает в руку опыт мой.
Но что положишь на бумагу,
Чтобы оставить за собой?

Нет, я собой вполне любима.
Самопознанием полна,
Я изучаю своё имя,
Ведь буквы – смыслов семена.

Мне познавать себя до смерти...
И смерть познать, шаг сделать в мрак...
Я не боюсь идти, поверьте,
Другой имею жизни знак.

И в этой вечности безвечной
Ещё шагать мне и шагать...
Растить любовь и человечность
И совести благу стать.

Не спрашивай, что я такое...
Что я – есть ты, что ты – есть я...
Земное мы и неземное...
Нас знает небо и земля.

Галина АЛЯЕВА

Галина Андреевна Аляева – прозаик, публицист, журналист. Публиковалась в журналах «Новый мир», «Подъём», «Невский альманах», «Великороссь», «На русских просторах», «Начало века» и др. Дипломант и лауреат литературных премий и конкурсов. Член МГО Союза писателей России, Союза журналистов России.

Живёт в Подмосковье.

ДВА РАССКАЗА

ПОХОД

Преодолевая усталость, желание упасть и заснуть, он шёл, спотыкаясь, пошатываясь, иногда оглядываясь назад – за ним в нескольких метрах брёл Максим. Каждый шаг давался всё труднее. Лямки полупустого рюкзака тянули неподъёмным грузом. Чувство голода ушло и уже не мучило дурманящим запахом шашлыка, преследующим его несколько дней подряд. Измождённый голодом и усталостью организм требовал одного – сна. Долгого, глубокого сна.

– Сергей, давай отдохнём.

Он услышал шёпот-скрип Максима.

– Нельзя, Максим. Нужно идти.

– Больше не могу.

– Можешь.

– Не могу, – истерически захрипел Максим.

– Можешь, – не оборачиваясь, твёрдо сказал он.

– Не могу! Не хочу! Сколько можно идти?! Я хочу остаться здесь.

Сергей остановился.

– Я приказываю тебе – встань и иди. Остановимся – нам будет конец. Понимаешь – конец! – закричал он (или ему это только показалось?). – А я не хочу умирать и тебе не дам! Понял?! Встань и иди! – жёстко приказал он.

Но Максим, прижавшись спиной к скале, безвольно свесил руки, и не реагировал на его слова.

– Ну и оставайся! Чёрт с тобой! Подыхай, если хочешь! Я не хочу! Понимаешь? Ты – слабак! Трус! Баба!

Максим вяло пошевелился, бессильно поднял голову, по его осунувшимся щекам текли слёзы.

– Я не трус! Я не могу!

– Докажи, что не трус. Раскис, как баба. Забыл – нас ждут. Если мы не дойдём, – он закрыл глаза, пытаясь представить тех, кто ждал. Но образы оставшихся где-то в горах студентов-туристов были так смутны и безлики, что его охватил страх. Вчера, нет позавчера... или два дня назад они покинули стоянку? Когда? Вдвоём они две ночи. Значит, идут третий день. Нет. Ушли в пятницу. Сегодня какой день? Воскресенье или понедельник?

Сергей надрывно, срывая голос, наполнил горную тишину стоном-криком.

– Ты трус, предатель! Вставай!

Максим начал медленно подниматься, ослабевшие ноги не держали, и он упал, боком ударившись о валун, охнул, взглянул на друга и со словами: «Нужно идти. Нужно идти... Ты прав. Они без нас все умрут. Нужно идти», сначала на четвереньки, потом, жонглируя руками для устойчивости, встал на ноги. Зашатался, словно под ним была не земля, а тонкий канат, удержался и жалостливо улыбнулся Сергею, который приблизился к другу, даже протянул руку помощи, но споткнулся сам и, еле удержав равновесие, остался стоять на месте.

– Нужно идти. Нас ждут. – Максим поплёлся вперёд.

Когда солнце повернуло свой путь к закату, Сергей объявил привал.

Максим, не снимая рюкзака, присел на камень, какое-то время молчал, потом спросил:

– Как думаешь, долго ещё идти?

– Не знаю. Юрий Карлович говорил, до деревни день хорошего ходу. Для нас, значит, дня два, два с половиной.

– Может, мы сбились?

– Нет, – уверенно ответил Сергей. – Идём правильно.

– Угу, – равнодушно кивнул Максим и прикрыл глаза.

Сбиться они не могли, это точно. Юрий Карлович говорил, нужно выйти на тропу, она приведёт к людям. Они нашли её, а деревня так и не показалась. Странно.

Майское солнце пригрело скалу и листочки крапивы зазеленели в трещине.

«Несколько дней, и можно есть», – подумал Сергей и улыбнулся.

– Ты слышал? – Максим вопросительно смотрел на товарища.

– Нет. А что? Ты что-то слышал?

– Вроде лай собаки.

Сергей прислушался. От тишины, обступающей со всех сторон, можно оглохнуть. Он с силой потёр уши и, напрягаясь всем измученным телом, попытался превратиться в слух... Ни единого звука.

– Вот. Вот опять, – Максим встал и пошёл в сторону, где, как показалось ему, лаяла собака.

– Подожди, – Сергей, как хватало сил, устремился за ним. – Ты не ошибся?! Тропа уходит влево. Стой! Мы собьёмся с пути.

Вскоре они уже оба слышали лай собак, и через какое время перед ними предстала алтайская деревня в несколько десятков дворов, и никакой другой пейзаж или событие никогда в их жизни больше не вызвали столько восторга и истинного счастья.

Они быстро и бодро, как им казалось, прошагали по деревне. На пороге сельсовета их встречал лесник.

– Нам нужно срочно отправить телеграмму. Мы из группы, – начал Сергей, но лесник прервал его:

– Знаем, знаем. Мы вас, ребяташки, ещё вчера ждали. Сегодня вертолёт трижды отправляли на поиск.

Туристы непонимающе смотрели на лесника и ждали объяснений.

– Вашу группу сняли в тот же день. Спустя два часа, как вы ушли.

– Как сняли?

– Вертолётами, – пояснил лесник. – Так вы наверняка должны были видеть или слышать.

– Они над нами пролетели.

– Вот. Вот. Как только ваши ребяташки пришли, мы и послали спасателей. Так, что всё, ребяташки. Поход для вас завершился. Теперь чайку попьёте – и в баньку.

– Нам бы поесть...

– Пока нельзя. Только чаёк. Сладкий, горячий чаёк. Ну и напугали вы нас, ребяташки. Группа должна вернуться с маршрута десятого, на дворе семнадцатое, а вас нет. Мы искали, искали, как в воду канули. Оказывается, что? Руководитель-то ваш с пути сбился. Заблудился и сам того не понял. Вот так, ребяташки. Он! И заблудился! С таким-то опытом. Да что говорить – горы, они и есть горы. Ладно, пошли, пошли.

Трудный, смертельно-опасный поход для ребят закончился, а начиналось всё так хорошо.

* * *

На двери туристического клуба «Восход» висело от руки написанное объявление:

«Желающих принять участие в походе по подготовке инструкторов для спортивного лагеря прошу собраться 15 апреля в 18 часов».

В шесть часов вечера в комнате турклуба толпилось человек двадцать пять. Руководитель клуба Алексей Пушкин, рассматривая пришедших студентов, думал: «До выхода осталось чуть больше десяти дней. Вопросов куча – справки, согласования – не успею! Ладно, как-нибудь вывернусь!»

– Ребята, тихо! Мы начинаем первое организационное собрание. – Алексей подождал, пока студенты под его строгим взглядом уюмонятся. – Говорю сразу: на озеро пойдут те, кто имеет за плечами один поход второй категории сложности.

– Почему?! А мы?! – зароптали студенты.

– Всё! Остальных прошу покинуть помещение.

В комнате осталось человек двадцать, в основном девушки.

Алексей критически осмотрел присутствующих и недовольно поморщился.

– Значит, остались те, у кого был поход второй категории сложности?

– Угу, – неровно ответили начинающие туристы.

– Хорошо. Начнём. Выходим двадцать девятого. Из Горно-Алтайска до Телецкого озера. На озере должны быть девятого мая. Маршрут трудный. Пусть каждый сначала хорошенько подумает, прежде чем записываться. Повторяю – маршрут трудный. Май месяц. Ночи холодные, – он начал копаться в бумагах, в беспорядке разбросанных на столе, давая ребятам возможность подумать.

Чернобровая, шустрая студентка в джинсовом сарафане и чёрной водолазке, вплотную приблизившись к рядом сидящей подруге, зашептала:

– Лен, давай не пойдём. Ночи холодные, а у меня часто ангина бывает.

Та так же тихо ответила:

– Я всё равно пойду.

– Как хочешь, – своенравно вскинув чёлкой, сказала студентка в джинсовом сарафане и направилась к двери. Подруга заспешила за ней.

Алексей ещё какое-то время позанимался ненужным перекладыванием исписанных и чистых листов, потом, подняв карие глаза на ребят, спросил:

– Ну, что? Подумали?

Ребята кто кивком головы, кто невнятным «Угу!», ответили на заданный вопрос утвердительно и Алексей, довольный потирая ладони, сказал:

– Итак! Кто надумал принять участие в походе, подходи по очереди. Будем составлять список.

На следующий день в этом же кабинете Пушкин разговаривал с руководителем вновь созданной группы.

– Я твоих туристов вчера немного попугал. Мол – поход трудный, май, холодно. Но они ничего, смелые. Говорят, нам трудности не страшны, – он беззаботно улыбался, но увидев, что собеседник слушает его насторожённо, серьёзно продолжил. – Записалось девятнадцать человек. К походу два-три выйдут. Кто заболит, кто передумает. Группа будет человек из пятнадцати-шестнадцати.

Юрий Карлович Осипов, сорокалетний, худой, без единой морщинки на загорелом лице, внимательно слушал Алексея. Этот самоуверенный парень ему не нравился. Отталкивало всё – манера немного свысока разговаривать, дорогая, явно купленная не на рынке, одежда. Особенно не нравилось отношение Пушкиова к туризму. Любой поход, какой бы сложности не был, считал Юрий Карлович, всегда риск. Особенно в горах. Лёхе же, как звали Пушкиова немногие друзья, всё смех да ужимки.

– Говоришь, человек шестнадцать, – Юрий Карлович, несколько раз нервно моргнув левым глазом, засомневался. – Многовато.

– Да брось ты. Многовато. Когда ты ходил с меньшей группой? Что-то не припомню.

– Когда много ребят, тем более таких, группа не мобильна, – не сдавался Юрий Карлович.

– Каких таких? Обычные. Каждый год таких набираем.

– Всё равно, группа не мобильная, – упирался Юрий Карлович.

– Мобильна, не мобильна... Какая разница?! Главное, с погодой повезёт или нет. Вспомни прошлый год. Сколько человек было на маршруте?

– В прошлом ходили в конце июня, сейчас апрель.

– Ну и что? Сколько человек было? Восемнадцать. Сейчас человек четырнадцать, пятнадцать. Да и потом, Карлович, с твоим-то опытом... Ты сколько лет там ходишь? Каждый поворот, каждый камень знаешь. Тебе ли бояться?

– Это горы, понимаешь, горы. С ними шутить нельзя.

– Мы и не собираемся шутить. Ну, что, Карлович? Решили?

Юрий Карлович, хотел бы поспорить с Пушкиовым и даже отказаться от похода, пусть побегает, поищет другого инструктора или сам рюкзак на плечи и вперёд. Неплохо сложится, если поход и вовсе сорвётся... Но знал – всё напрасно. Этот наглый, безалаберный парень женат на дочке ректора и ему всё сходит с рук, и это незамеченным пройдёт. Ему же легко укажут на дверь. Давно поговаривают – образование и квалификация не соответ-

ствуют. Вот только из-за походов и держат. Что тогда делать? В школу учителем физкультуры или инструктором в спортивный зал? Можно пойти, но как же горы? Без них ему не жить.

– Ладно, – согласно махнул он рукой, – под твою ответственность.

– Конечно, под мою. Под чью же ещё?!

Двадцать девятого апреля контрольно-спасательная служба получила уведомление: группа в составе шестнадцати студентов и одного руководителя вышла из Горно-Алтайска. Сообщение стандартное, такие поступали ежедневно, иной раз по несколько. Инспектор зарегистрировал его, присвоил группе номер и на карте красным кружком отметил место и дату выхода туристов с маршрута.

Всё, как всегда.

* * *

Юрий Карлович угрюмо смотрел на сгорбившихся под тяжестью рюкзаков туристов. Десять-пятнадцать килограммов за плечами – обычное дело, хорошо подготовленные легко справляются и с большим весом, эти же морщились, кряхтели, неся полупустые девятикилограммовые рюкзаки. Лишь одной он наполнил рюкзак килограммов на тринадцать.

Оксана Чернова, коренастая, широкоплечая второкурсница, шесть лет занималась плаванием и имела спортивный разряд. Она уверенно шла впереди группы и беззлобно подсмеивалась над худым, в очках, студентом первого курса. Этот мальчик напоминал Осипову одноклассника. Такой же костлявый и прилипчивый. За несколько дней-подготовки измучил дотошными вопросами. Что? Как? Почему? И звали его так же – Николай.

Кроме Николая Каюрова, в группе ещё пять парней. Юра Крачко – чернобровый, кареглазый казак из Ставрополя, весельчак и балагур, душа любой компании, и сейчас чем-то так рассмешил девчонок, что Оленька Чахова закашлялась и остановилась. Иван Санкин – курносый, приземистый, готовый всем услужить деревенский парень. Сергей Толстых – высокий,

сутуловатый второкурсник, про таких обычно говорят «молчун». Его друг, Максим Горохов. И самый опытный – Саша Сташевский, за плечами которого два лыжных похода и один горный. Он шёл последним и по поручению Юрия Карловича подгонял отстающих.

«Да, подсуропил мне Лёха туристов. Плетутся, как...», – он раздражённо сплюнул и сказал:

– Привал. – Подождал, пока все подтянутся, и продолжил. – Идём медленно. Это касается всех девчонок, кроме Черновой, – он перевёл взгляд на Каюрова, который улёгся на валун и, закрыв глаза, тяжело с хрипами дышал. – Чего разлётся? Не хватало нам ещё больных. – Он подождал пока парень, нехотя, поднимется. – Интенсивнее двигайте ногами. Это касается и тебя, Каюров.

– Я что? Я как все.

– Нужно не как все, а впереди всех. – Юрий Карлович обвёл туристов взглядом. – Понятно изъясняю или повторить?

– Мы и так стараемся, – заступилась за всех Ольга Хлыстова – бойкая, пухлая блондинка.

– Плохо стараетесь. Много болтаете. Разговоры сбивают дыхание, теряете шаг и скорость замедляется.

– Саша, ты как? – он обратился к Сташевскому. – Пару килограммов ещё выдержишь? Нужно у Вурк забрать. Она совсем выдохлась.

Все посмотрели на миловидную с пушистыми длинными ресницами Таню Вурк – ей на шпильках и нарядном платье по асфальту ходить, а она в вибрамах по горам решила полазить.

– Мне помощь не нужна, сама справлюсь!

Она дерзко в упор смотрел на руководителя.

– Ладно. – Он махнул рукой и подумал: «Из этой толк может получиться. Упёртая», и продолжил: Привал тридцать минут.

Сначала группа отдыхала молча, но как только силы начали возвращаться, послышались разговоры.

– Колёк, – Сташевский обратился к Каюрову. – Я сначала подумал – твой рюкзак предлагают облегчить. Решил – ни за что на свете. А вот Танечке помочь – почёл бы за честь.

Под наглым взглядом парня Таня покраснела.

Каюров, заметив это, засуетился:

– Сашёк, давай и, взаправду, я поделюсь с тобой грузом. – Он картинно попытался развязать рюкзак, но прочная бечёвка не поддавалась тонким пальцам. Послышался девичий смешок. Чей, Каюров не понял. Пренебрежительно оттолкнув от себя рюкзак, он деловито сказал:

– Мне лямки тянут и мешают сосредоточиться, а у меня процесс.

– Какой процесс?

– Не важно, – он попытался куда-либо спрятать свои слабосильные руки (как ненавидел он их сейчас!), но не найдя укромного места, стал с остервенением протирать очки.

– Важно, Колёк. Очень важно. Всё, что касается тебя, для меня ужасно важно. Ты же у нас, сам знаешь, будущий святого-академик. Поэтому для меня – верного почитателя и преданного ученика, важен каждый момент твоей жизни, каждое слово, произнесённое твоими устами. Ребят, вы слышали? – Он театрально взмахнул руками, изобразив поклон. – У нашего незабвенного светила – процесс! Не томи меня, поведай, что за мысли посетили твой гениальный разум.

Коля невозмутимо протирал очки, не обращая внимания на выходки Сташевского, который, умоляюще сложив руки, смиренно смотрел на него.

– Правда, Колёк! Расскажи, что за процесс такой. Может, и мы поучаствуем в нём, – поддержал насмешника Юра Крачко.

– Отстаньте, не скажу я ничего, – внимание ребят ему льстило.

– Николай Витальевич, я вас умоляю – поделитесь своими гениальными мыслями, – не унимался Саша. Он стремительно сполз с камня, молитвенно запрокинув руки.

– Николай Витальевич, мы вас просим. Расскажите, – Юра Крачко присоединился к спектаклю и, тоже упав на колени, простёр руки к Каюрову.

– Колёк, да не ломайся ты. Раз начал, так говори, – хихикнула Ольга Хлыстова.

Коля из-под очка посмотрел на ребят и как-то по-детски спросил:

– Смеяться не будете?

– Нет! Конечно, нет. Как можно смеяться над гением? Рассказывай, – слышалось со всех сторон.

– Ладно. Уговорили. Я считаю. – Каюров выдержал паузу. – Считаю шаги.

– Что!?

– Считаю шаги. Иду и считаю. Мне интересно, сколько сделаю шагов за весь поход. Это понимаете целый процесс. Сначала нужно посчитать – сколько в среднем делаю шагов за час, потом...

Ему не дали закончить, раздался дружный смех. Смеялись все, включая руководителя группы, и вызвано было веселье не словами и выражением, с каким пафосом и значимостью они были произнесены, а самим говорящим.

Вздохмаченный, с торчащей буграми от неправильно застёгнутых пуговиц курткой, красным кончиком носа и горящими неудержимо-хвостовским светом глазами Николай, казалось, вознёсся над камнем, на который опирался худыми с синеватым оттенком ладонями.

– Говорили, не будете смеяться, – обиженно-гнусаво шмыгнув носом, пробурчал Коля и поник, сделавшись сразу ниже ростом и худее.

Юрию Карловичу стало жалко побледневшего парня.

– Подъём! – Он легко встал и, накинув рюкзак, потребовал: – Резвее, не копошиться.

Туристы, продолжая смеяться, тяжело встали, и, с трудом надевая рюкзаки, выстраивались в цепочку за руководителем.

Каюров, продолжая шмыгать носом, никак не мог попасть рукой под лямку рюкзака. Он старательно заводил руку за спину, пытаясь зацепить её; казалось, ещё мгновение – и рюкзак ляжет на спину, но лямка соскальзывала раз за разом.

Таня Вурк помогла натянуть неподдающуюся лямку.

– Спасибо, – потерянно поблагодарил он и заспешил за уходящими товарищами.

– Коля, не обижайся на ребят. Они не со зла, им бы только подурчиться.

– Я и не обижаюсь. – Он ускорил шаг, обогнал Ольгу Хлыстову и сокрушённо подумал: «И почему я всегда попадаю в дурацкое положение? Дурак! Сам виноват. Пытаешься казаться умнее и интереснее других. Вот и получаешь. Кто тянул за язык? Процесс! Процесс. Сдались эти шаги?! Считал бы и считал бы про себя, так нет, нужно высунуться. Что про меня Танечка подумает? И так за идиота принимает».

Таня Вурк ему нравилась. Но как он – тощий, сутулый, почти слепой и до противного смешной, мог привлечь внимание, такой девочки, как Танечка? Никак по-другому он не называл её про себя, только Танечка.

«Зачем я ей такой!? У неё вон какой выбор. И Сташевский, и даже Серёга. Молчит-то, молчит, а сам так и зыркает, так и зыркает», – чтобы отвлечься от невесёлых дум, Николай начал опять считать шаги.

* * *

Маршрут первых трёх дней группа прошла относительно легко, хотя и отстала от запланированного времени почти на два часа.

На четвёртый день скорость движения упала вдвое, ночью выпал снег, запорошив горные тропы. К полудню он начал таять, сделав для плохо подготовленных туристов алтайские горы хребтами Кавказа. Теперь приходилось останавливаться на отдых каждые тридцать минут, вместо положенных сорока пяти.

К концу дня от усталости девчонки падали с ног, и Юрию Карловичу пришлось на два часа раньше запланированного разбить лагерь на ночлег.

Установив палатки и приготовив ужин, ребята понуро, почти не переговариваясь, уплетали рисовую кашу с тушёнкой. На костре кипел котёл с водой для чая. Вечерний морозец не бодрил ребят, а заставлял, как выброшенных из гнезда птенцов, жаться

друг к другу. Света Власова – высокая, сутулая шатенка, «не-хорошо» кашляла.

«Впереди весь маршрут, а они...», – Юрия Карловича одолевали невесёлые мысли. Уже понятно, в назначенное время группа не выйдет к озеру. Отставание во времени не нагнать, наоборот, опоздание будет расти. Сутки-двое – ещё терпимо, но если больше?

«И запасов нет! Всё одно к одному». – Юрий Карлович вспомнил, как перед выходом группе выдавали продукты.

Оксана Чернова, назначенная завхозом, несколько дней составляла меню, считала сколько нужно крупы, тушёнки, чая, сухарей. Брала с запасом. Никакие нормы в походе не действуют. Свежий воздух, физическая нагрузка – и самые привередливые в еде обычную кашу готовы поесть как изысканный деликатес. Но когда стали раскладывать по рюкзакам, оказалось, нести излишки некому, парней-то всего пятеро. И Юрий Карлович, забив свой рюкзак под завязку, велел Оксане ограничиться нормами, в надежде, что девчонки едят меньше. Но в реальности совсем ни так. Сколько раз он с таким сталкивался и вновь пошёл на поводу у «авось».

Нервный тик левого глаза и пристальный взгляд Тани Вурк (всё подмечает, чёртова девчонка!) заставил Юрия Карлович отойти от костра. Когда он, немного успокоившись, вернулся, Сташевский разливал чай.

– Юр, анекдот, что ли, расскажи, а то сидим как на поминках. Девчонки наши что-то совсем приуныли. То и гляди заревут, а я женских слёз не выношу. – Он протянул кружку Юре Крачко.

Юра молчал, ему было не до разговоров – болели ноги. Последней степени плоскостопие лишь иногда напоминало о себе. Ну, побоят коленки, иногда икры, всегда не долго, сейчас же боль от ступни до колен была не проходящей и с каждым часом нарастала, отдавая в спину.

– Юр, проснись! Загни что-нибудь. – Сташевский не отставал от него, и Юре пришлось рассказать анекдот про Петьку и Василия Ивановича. Ребята даже не улыбнулись. Тогда он рассказал про Вовочку...

Ребята неровно засмеялись, и ожили, заговорили, делясь дневными впечатлениями и переживаниями.

– Думаю – всё, упаду и не встану, а сама иду и иду. Как будто второе дыхание открылось.

– Ой, девчонки, у меня спина так болит. Ужас просто.

– А у меня плечи и ноги. В жизни столько не ходила.

– Свет, давай у Юрия Карловича спирта попросим. Выпьешь, согреешься, и всё пройдёт.

– Я водку и то не пробовала, а ты говоришь – спирт.

– Холодно что-то. Замёрзла.

– Чайку ещё попей.

Оживление длилось недолго. Усталость делала своё дело. Не хотелось ни говорить, ни двигаться, лишь смотреть бы, как догорают поленья в костре и отдаваться дремоте, овладевающей телом и сознанием.

Первой встала Света Власова и сквозь кашель сказала:

– Я пошла. Спокойной ночи.

– Подожди Светлана, – остановил её Юрий Карлович. – Не уходи, нужно поговорить.

Он обвёл взглядом усталые, обветренные лица туристов.

– Я уже говорил, идём медленно. Сегодня плелись и вовсе как больные черепахи.

– Так невозможно идти – ноги на камнях разъезжают в разные стороны, – оправдываясь за всех, сказал Каюров.

– Мы не виноваты, снег же выпал, – поддержала его Хлыстова. – Скользко, приходится иногда чуть ли на корточках взбираться.

– Понимаю. По мокрым камням идти тяжело. Я и так не повёл вас вверх, пошли в обход, вам всё одно – тяжело. Вас предупреждали, поход сложный. Предупреждали? Что молчите?

– Предупреждали, – опять за всех ответил Николай. – Но лично я – не предполагал, что будет так.

– Как?! – Не выдержал инструктор. – Обычный маршрут, обычные горы! Здесь сотни таких же...

Он хотел сказать обидное слово, чтобы унижить, оскорбить этих глупых, захотевших приключения сопляков, но сдержался.

Каждый из ребят его молчание истолковал по-своему. Лишь одна Таня поняла: что-то мучает инструктора, он словно хочет получить ответ то ли от себя, то ли от ребят. И от этого страдает, нервничает, и его беспокойство, какая-то неуверенность передаётся студентам.

– Хорошо, оставим эти разговоры. Предполагали, не предполагали... Я хотел поговорить о другом. Мы в пути четыре дня, и должны пройти половину маршрута. Завтра переправа. По графику. Реально же до переправы ещё часов восемнадцать-двадцать. В общем – сутки. И что это значит? – Он внимательно обвёл всех взглядом. – Мы опаздываем как минимум на сутки. Это при условии, если оставшееся время двигаемся с заложенной в маршрут скоростью. Такого, сами понимаете, не будет. Наоборот. Скорость будет падать. И что из этого следует? – Он опять замолчал.

«Может, не следует говорить?», – подумал он. – «Да что я с ними, как с малыми детьми?»

– Нам не хватит продуктов! – Резко сказал он, ладонью заставил веко левого глаза прекратить свой предательский танец и более спокойно продолжил. – С завтрашнего дня начинается режим экономии. Дневной паёк сокращаем на четверть. Оксана, рассчитай норму и будь внимательна. Никаких послажек. Теперь от тебя многое зависит. Дальше посмотрим, что будет и какие придётся предпринимать шаги.

– Я что-то не понял – что может быть дальше? – спросил Каюров.

– Ты, что? Совсем тупой, или прикидываешься? – язвительно спросил Каюрова Иван Санкин, но Николай словно не слышал его.

– Что будет дальше? – настойчиво переспросил Каюров.

У Юрия Карловича появилось желание поддаться этому надоедливому парню, как когда-то он отвечивал подзатыльник или сачку своему однокласснику. Но желание было мимолётным, он справился со своим раздражением и убедительно продолжил:

– Дальше? Два варианта. Первый – вы завтра собираетесь с силами, и мы делаем рывок и нагоняем время. Второй – опять

плетёмся, опять делаем вынужденные остановки, потому что кто-то устал и не может идти. Тогда выход один – сокращение пайка.

– Ой, мамочка... – выдохнула Оленька Чахова.

– Так. Без всяких мамочек, вздохов и охов. Сейчас вы пойдёте спать и как следует отдохнёте. Я мог вам ничего не говорить. Но я решил, вы ребята взрослые, ответственные и сможете правильно оценить ситуацию. Завтра мобилизуетесь и наверстаете упущенное. Если же вы начнёте паниковать – ничего хорошего не получится. Ясно? – Он обвёл всех взглядом. – Спрашиваю, всем ясно? – Ребята неровно закивали. – Сейчас всем спать. – Он встал и направился в свою палатку, но на полпути остановился и позвал Власову, – Света, бери кружку, будем лечиться.

Через полчаса лагерь затих.

* * *

К реке группа подошла через три дня. Как и предсказал Юрий Карлович, скорость движения падала. Но чтобы так, он не мог даже предположить. Ребята словно остановились, и только создавали видимость движения.

«В пути семь дней, до выхода в назначенный пункт – три. Спасательная группа начнёт работу на второе сутки, но могут подождать день – это ещё три дня. Пока найдут, пока снимут – дня два. Итого восемь. Продуктов на шесть дней. Нужно опять урезать», – думал Юрий Карлович, греясь у костра и наблюдая за студентами.

Туристы скудно поужинали и пили чай кружку за кружкой, пытаясь водой заполнить пустой желудок. Обветренные лица от горячего чая и костра покраснелись, глаза у девочек загорелись нездоровым, отражающим всплески костра, блеском.

«Неужели заболели?! – испугано подумал Юрий Карлович. – Да они пьяны!»

Перед ужином он плесканул в кружку каждого по несколько глотков спирта и приказал выпить. Именно приказал, потому

как из девчонок лишь одна Оксана Чернова без слов одним глотком загнала в себя жгучую жидкость. Задохнувшись, закашлялась и со слезами на глазах сказала:

– Посмотрел бы на меня тренер, как я хлещу спиртягу. Он бы меня разнёс по косточкам.

– Юрий Карлович, мы реку будем переходить вброд? – улыбаясь, спросила Ольга Хлыстова.

– Нет. Переправляться по канату.

– Ой, батюшки, – по-деревенски выдохнула Света Власова.

«Сейчас перекрестится», – подумал Юрий Карлович. Но девушка лишь испугано прижала руки к груди и пьяно хихикнула.

– Здорово. Я ещё ни разу в жизни по канату не переправлялся, – не скрывая почти детского восторга, сказал Каюров.

– Вот завтра и проверим тебя на вшивость, – с вызовом бросил Иван Санкин.

Между ним и Колей назревал скандал. Иван не скрывал своего пренебрежительно-враждебного отношения к «счетоводу», и всему виной была Таня Вурк. Она необъяснимо почему из всех парней выбрала Каюрова – садилась рядом с ним около костра, заступалась, когда он подвергался нападкам со стороны ребят, помогала натягивать и снимать рюкзак, и вообще всегда была рядом. Ивана злил не выбор девушки («разве их поймёшь?»), а поведение «счетовода». Он, казалось, не замечал опеки девушки, или делал вид, что не замечает.

Каюров не среагировал на слова Ивана.

– Танюша, ты завтра как, – Иван нехорошо улыбался, – по джельтменски пропустишь Каюрова вперёд или будешь страховать сзади? Наш счетовод, – он подморгнул Ольге Хлыстовой, приглашая её в разговор, – наверняка, и переправляясь, будет подсчитывать шаги. Только не знаю, как он это будет делать?! Может, сам переправится по канату, а Таньку пустит следом ха-ха, по воде. А что? Танька – дама смелая, может и вплавь.

– Правда, Коль, скажи, – Ольга не заметила враждебности Ивана. – Ты до сих пор считаешь шаги или уже бросил?

– Бросил.

– Силёнки на исходе? Или со счёта сбился? – Иван уже стоял рядом с Каюровым. – Не понимаю я некоторых – вроде мужик, и имя мужское, и штаны, а ведут себя как кисейные барышни. За ними ухаживают, ручку подают, когда они спотыкаются, и рюкзачок поправляют и всё прочее. Скоро последним куском будут делиться. Непонятно мне. Может, счетовод, расскажешь, чем ты Таньку завлёл?

– Тебе что? Завидно? – К Ивану подошла Таня, она была почти на голову меньше его. Со стороны посмотреть – вся какая-то беззащитная, а в глазах – упорство и бесстрашие.

– Что, заметно?

– Ещё как.

– Отцепись от него, – тихо произнёс Сергей Толстых.

Иван только посмотрел на него.

– Хорошая ты девчонка, Танька, – он попытался обнять её, но она резко отстранилась. – И что ты в этом «счетоводе» нашла? Или материнские чувства выиграли? Пожалела убогого?

В голосе, фигуре, глазах скромного, доброго парня, во всяком случае таковым Ивана считали ребята, было столько злобы и раздражения, что у костра прекратились всякие разговоры. Все ждали продолжения.

– Отцепись от него, – уже громко сказал Сергей.

– Ой, у «молчуна» голос прорезался!

Сергей встал, потянулся, расправляя натруженную спину.

– Пойдём лучше, Вань, на речку – проветримся. Потом банишки. Завтра тяжёлый день.

– Не хочу я никуда идти. Хочу узнать, – отстранившись от протянутой руки, он вновь обратился к Каюрову. – Скажи – как тебе это удаётся?

– Что удаётся? – Не поднимая головы, спросил Коля.

– Пошли, – потянул Ивана Сергей. – Я тебе сам всё растолкую.

Он обнял Санкина за плечи, тот начал сопротивляться и Сергею пришлось силой заставить Ивана пойти с ним.

– Юр, – Оксана Чернова обратилась к Крачко, – на лекциях рот не закрываешь, всем мешаешь, здесь всё молчишь. Рассказал бы что-нибудь, – попросила она, – настроение – нулевое.

– Потом, дай чай допить, – отмахнулся Крачко, встал и, прихрамывая, пошёл в палатку, но заходить не стал, постоял немного и вернулся назад.

– Ты чего, Юр? – Таня Вурк внимательно смотрела на него.

– Ничего, – промямлил он.

– Плохо себя чувствуешь?

Он хотел отшутиться, но ничего смешного на ум не шло и он, повторив: «Ничего», отвернулся.

Поход оказался Юре не по плечу. К непреходящим болям в ногах (говорила ему мама: с плоскостопьем не шутят!), добавилась необъяснимая тоска. Он с трудом выносил постоянную тяжесть за плечами, холодную, жёсткую постель, если вообще можно назвать узкое место в сырой палатке постелью, и эти бесконечные камни. Серые, противные камни! Они были везде: с боку, снизу, сверху. Редкие, кривые, безобразные деревья, какие-то мерзко растопыренные кусты, и опять – камни!

Он с какой-то особенной теплотой и тоской вспоминал родное Ставрополье. Плодородную, отзывчивую на заботливые руки человека землю; жаркое, обильное на ягоды и овощи лето; хлебосольную, тёплую осень. Ему так хотелось оказаться дома, под знакомыми с детства грушевыми деревьями, вдохнуть дурманящие запахи родного дома. Две ночи подряд ему снилась мама – сильная гордая казачка. Как любил он её ласковые, заботливые руки, и до сих пор помнил тяжесть ладоней, когда она наказывала его за непослушание.

Сегодня весь день, шагая за Сташевским, он не проронил ни одного слова, хотя и другие ребята были немногословны, все экономили силы. Он молчал и вспоминал свой дом, друзей, отца, младшую сестру. И впервые пожалел, что так далеко уехал от них.

– Где наш певец? Максим? – не унималась Оксана Чернова.

– Точно! Максим! Где ты? – поддержали её туристки.

Откуда-то донеслось:

– Тут я.

– Максим, спой!

– Не хочу.

– Пожалуйста, Максимушка, спой, – стали просить его девушки.

Максим вяло приблизился к костру, ему освободили место, он вяло побренчал на гитаре, настраивая:

– Что спеть-то?

– Давай... Солнышко лесное...

Языки пламени освещали и нагоняли тень на лица туристов. Сначала они пели тихо, разноголосицей, но постепенно песня крепла и вскоре устойчиво разнеслась над горами, заглушая рокот реки, гордо совершающий свой извечный путь.

В некоторых местах река неслась по дну ровно и тихо, мирно журчала и журчала, нагоняя скуку и тоску. Но, натываясь на валуны и заграждения из крупных и мелких камней, приостанавливалась и, устрашающе рыча, нападала на преграду. Пенилась, бурлила и, собравшись с силами, преодолевала каменный рубеж. И опять монотонно-безобидно журчала.

Когда песня затихла, река, словно обидевшись на вмешательство в её царство, мощным голосом-рыком напомнила: здесь она хозяйка и никто другой.

Но люди не обратили внимания на недовольство горной владычицы и озорно запели:

*Вот идёт по свету человек чужак,
Сам себе печально улыбаясь.
В голове его какой-нибудь пустяк,
С сердцем, видно, что-нибудь не так...*

* * *

Утром грязно-серые тучи, почти неделю скрывавшие синеву, спрятались за горизонтом, напоминая о себе лишь небольшим шлейфом на севере. Золотисто-рыжие узоры восходящего солнца осветили Алтайские горы замысловатой вышивкой. Горный

воздух просился в лёгкие, и Юрий Карлович, выйдя из палатки, закричал:

– О-го-го!..

Радужные горы здесь же ответили:

– Го... Го... Го...

Пока девчонки готовили завтрак, парни собирали палатки, Юрий Карлович переправился на другой берег реки и закрепил канат.

Переправа готова.

Группа быстро позавтракала. Ребята, воодушевлённые хорошей погодой, озорно переговаривались, то и дело слышалось:

– Переправа... Канат... Сильные руки... Холодная вода...

Первой из девчонок решила переправляться Оксана. Она уверенно вцепилась руками в канат и, закинув ноги, стала быстро, рывками, переставлять руки и рывками подтягивать ноги.

– Не спеши, эконошь силы, – с берега кричал Юрий Карлович.

– Плавней, сорвёшься, – вторил ему Сташевский.

Оксана не обращала внимания на советы и продолжала нервно двигаться вперёд. Когда достигла почти середины переправы, ноги соскользнули с мокрого каната. Река, не заставив себя долго ждать, ледяной водой ужалила её так, что Оксана начала изгибаться и дёргаться всем туловищем.

– Оксана, послушай меня! Ничего страшного не произошло. У тебя страховка. В любом случае я тебя вытащу. Постарайся ноги занести плавно. Плавно, – кричал Юрий Карлович.

Руки слабели, Оксана чувствовала – ещё немного, и она свалится в воду, и, теряя последние силы, аккуратно подтянула ноги сначала к подбородку, затем без резких движений выпрямила и подняла вверх... и через миг заскользила по канату.

Вступив на твёрдую почву, тяжело дыша, она бессильно опустилась на валун.

– Да. Это вам не на лекциях сидеть.

Второй переправлялась Оленька Чахова. Закрепляя страховку, Юрий Карлович учил:

– Ты поняла ошибку Оксаны? Она спешила, дёргалась, а нужно плавно, с остановками.

– Ой, у меня не получится. Точно не получится.

– Почему не получится? Должно получиться. Ты поняла, как нужно? Тихонечко, не спеша.

– Поняла.

– Ну, вот и умница.

Группа переправлялась шесть часов.

Пообедав, измученные туристы двинулись дальше. Времени для отдыха нет. За восемь дней они преодолели лишь половину пути.

* * *

Одиннадцатого мая около полудня туристы, растянувшись в длинную цепочку, медленно брели друг за другом. Сил не осталось, но повинаясь чувству самосохранения и окрикам Юрия Карловича, они утром послушно встали, выпили горячего чая без сахара и пошли.

Ольга Хлыстова шагала за Юрой Крачко метрах в сорока. На тропу почти не смотрела, ощупывая глазами камни в поясах какой-нибудь съедобной, сочной травинки. Вдруг Ольга услышала шум падающего камня и приглушённый стон.

Через миг раздался женский визг. Ольга, прижав руки к груди и зажмурив глаза, кричала так, что идущей впереди группы Юрий Карлович вздрогнул всем телом и мгновенно покрылся холодным потом.

За несколько минут до этого Юра Крачко споткнулся и упал. Он, вставая, облокотился на небольшой камень, лежавший возле покатой стены. Камень под его тяжестью покачнулся. Юра, продолжая подниматься, поднял глаза и увидел – огромный валун, лежащий сверху, чуть зашевелился и через миг, кроша мелочёвку, начал надвигаться на него. Отдёрнув руку, Юра, пытаясь спастись от громады, бросил тело назад, но больные ноги, согнутые в коленях, не подчинились, и последнее, что он успел подумать: «Эти чёртовы камни! Что будет с мамой?»

Юра Крачко лежал на спине. Большой, в полтора метра по диагонали, серый валун на нём.

Прибежавший первым Каюров, он шёл следом за Хлыстовой, стал суетливо сталкивать камень. Ноги разъезжались, руки до крови разбивались об острые углы камня, пот тонкими струйками стекал на очки, искажённые губы кричали:

– Давай! Давай, – и было не ясно, к кому или к чему обращается он – то ли к неподвижному камню, то ли к спешащим ребятам.

Сташевский, на ходу сбросив рюкзак, подлетел к камню и остервенело, вцепившись в него руками, стал помогать Николаю. Прибежал Максим, и они уже втроем пытались сдвинуть валун, но он не шевелился.

– Юрочка, Юрочка, – увёртываясь от ног ребят, ползала над расprostёртым телом Таня Вурк. Её кто-то ударил ногой в грудь, но она не почувствовала боли. Тонкая струйка крови появилась на губах Крачко. – Нет! Нет! – закричала Таня и попыталась вытереть кровавую полосочку рукой. Кто-то подал ей носовой платок, но кровь всё прибывала и прибывала, вскоре первые капли упали на серые камни.

Таня услышала: «Пульс, посмотри пульс!»

– Есть, есть, – заглушая всех, закричала она, уловив слабые толчки. – Есть пульс. Быстрее. Миленькие, быстрее.

Когда Юрий Карлович прибежал на место трагедии, понял: камень руками не сдвинуть.

– Топор? Где топор? Нужно палка. Рубите дерево. – Кто-то из ребят, он не видел кто, схватил топор и побежал к началу подъёма, там росло несколько тонких берёз, он же упал на колени перед уже синеющим Юрой.

– Юрий Карлович, пульс есть. Есть, я только сейчас проверяла, – Таня с мольбой смотрела на инструктора. – Он ведь не умрёт?

Он уже знал ответ, но вдруг произойдёт чудо и всё отыграется назад, и не будет этого похода, не будет этих оболтусов, решивших испытать судьбу, не будет этого камня и парня в его серых смертельных тисках.

* * *

Освободить тело от объятий камня удалось к вечеру. Пока оставалась надежда, что Юра жив, ребята держались, что-то делали или хотя бы изображали действие, но как только стало понятно: товарища нет, у девочек начались истерики. Парни, как могли, успокаивали их, но Юрий Карлович понимал: они и сами на грани срыва.

Пятнадцать измученных, полуголодных, испуганных почти детей теперь надеялись только на него. Он был для них многим изначально, а после заглянувшей в глаза смерти стал последней надеждой. Себе они уже не доверяли, вернее, потеряли в себя уверенность, а он – взрослый, опытный, многократно бывавший в горах, им поможет, даст понять и почувствовать – безвыходного положения нет. Но как это сделать? Что-то случилось и с ним. Что? Он не понимал. Не было того подъёма, дающего возможность не сомневаться в своих решениях и действиях. Когда это произошло и почему? Он не знал. Что-то произошло, он что-то упустил, не так сделал, и всё пошло не по плану, не как обычно.

– Юрий Карлович, – Таня Вурк заплаканными глазами безотрывно смотрела на него.

– Что? – спросил он, и понял, ему сказать нечего. Она же просто ждёт от него поступка, быть может, каких-то слов. И готова ему помочь. Чем? Пусть он скажет, и она сделает всё, чтобы он ни попросил.

– Юрий Карлович, – повторила она и... улыбнулась.

Он где-то уже видел такую улыбку – тихую, всё понимающую и прощающую. Где? Когда? Вдруг он вспомнил. Так улыбалась его мама, когда он шалил, будучи маленьким. Иногда она и сейчас так улыбается...

Откуда у этой глупой, не познавшей материнства, даже обычной, но всё поглощающей любви, девочки осознание боли и негибимой силы?

Юрий Карлович непроизвольно ответил девушке улыбкой, и неуверенность, растерянность, мешающая принимать решения, улетучились.

«Так. Нести тело ребятам не под силу. Присыпать камнями, потом вернуться? Девчонки обессилели. По пути начнут падать. Разбить лагерь и ждать помощи? Продуктов почти не осталось. Вчера был день выхода. Штаб ждёт телеграммы. Её нет. Подождут ещё день и начнут искать. Сколько будут искать? День, два, три?! Если бы идти по маршруту...».

Он понял, что сбился от намеченного пути, когда не увидел знакомый покрытый мхом скалу-валун, чем-то напоминающий огромное куриное яйцо. Лет пятнадцать назад на самом верху каменного гиганта вырос кедр. Все гадали – за что зацепились корни дерева, и считали – погибнет. Но кедр не засох и медленно, но рос. Потом ещё два кедра примостились на валуне. Так получилась семья. Отец – крепкое невысокое деревце с прямым стволом. Рядом, чуть ниже, тонкая с густой кроной мать-кедр и между ними совсем маленькое деревце. Его веточки, как руки ребёнка, держались за руки-ветки своих родителей. Раньше только сама яйцеобразная скала молча встречала туристические группы, теперь же дружное семейство оповещало – всё хорошо, скоро будете дома.

Юрию Карловичу всегда казалось, что он понимает горы; где не было понимания, на выручку приходила приобретённая за многие годы интуиция, но он обманулся, и теперь пришла расплата.

«Выход один: разбить лагерь, выбрать двух парней, снабдить продовольствием, и пусть идут за помощью. Кто пойдёт? Понятно, Сташевский. Второй кто? Каюров? Нет».

– Сташевский и Санкин, подойдите. – Юрий Викторович принял решение. – Значит так: мы остаёмся здесь, вы завтра утром пойдёте за помощью.

– Я?! Нет! – Иван Санкин испугано смотрел на руководителя. – Я не могу, пусть лучше... Вон пусть идет Толстых. Я не могу.

– Не трусь, Вань, я с тобой. – Сташевский видимо хотел подбодрить товарища, но голос его дрогнул, и Иван чуть не плача стал просить:

– Я не могу! Пожалуйста, пусть кто-то другой, только не я!

Каюров, помогавший девчонкам разводить костёр, прислушался к разговору руководителя с ребятами. Несчастья, свалившиеся на группу, удивительным образом преобразили Николая. Он словно стал шире в плечах и выше ростом, даже извечная гнусавость прошла. Он подбадривал ребят, шутил, помогал девушкам с рюкзаками, и постепенно становился негласным лидером группы.

– Юрий Карлович, давайте я пойду. Не думайте, я справлюсь. – Николай встал за спиной Санкина.

– Нет. Коля. Ты не пойдёшь.

– Почему? Бойтесь, я не смогу?

– Ты справишься, Коля. Не сомневаюсь. Но ты нужен здесь. Особенно женской половине.

– Во как! Счетовод, ты у нас стал женским любимчиком, – Сташевский мягко ударил Николая по плечу, и Каюров на него не обиделся.

Иван Санкин переводил взгляд то на Юрия Карловича, то на ребят.

– Вы не можете меня заставить, я не пойду. Хотите, чтобы я, как и Юрка, умер?!

– Понимаешь, Иван, больше некому. – Юрий Карлович попытался убедить парня, но Иван только ещё больше бледнел и всё сильнее мотал головой:

– Нет! Нет! Я не пойду. Пусть, вон, Оксана идёт. – Увидев подходящую к ним девушку, почти закричал он.

– Я-то пойду, – Оксана с брезгливостью смотрела на Ивана. – А ты будешь втихаря, ночью сухари жрать?

– Что?! – Сташевский схватил Ивана за грудки. – Что она сказала?! Какие сухари ты ешь?

– Я ничего... Я ничего не делал...

Вокруг ребят собралась вся группа.

– Отпусти его, – попросила Сташевского Оксана. – Я просто так сказала, не подумала. А ты, Ванечка, – в голосе Оксаны звучала угроза, – не будешь отказываться и сделаешь, что тебя просят. Так ведь, Ванечка?

– Да. Я пойду. – Иван отстранился от Сташевского. – Хорошо, я пойду.

– Вот и хорошо, Ванечка. – Оксана взяла Николая Каюрова под руку, – Коль, пошли, а то костёр потухнет.

Ночь для группы была бессонной.

Кто-то думал о погибшем товарище, и тревога отгоняла сон. Кто-то не мог уснуть – желудок постоянно просил чего-нибудь съестного. Николай и Таня почти всю ночь просидели у костра, не давая ему потухнуть, что, впрочем, было и не нужно. Просто так легче, прижаться друг к другу и ждать рассвета.

Санкин гадал, откуда Оксана узнала, что он отдал не все продукты. Сташевского, как ему казалось, ничего не беспокоило, но сон всё равно не приходил.

Юрий Карлович повторял в уме маршрут шаг за шагом и пытался понять – когда он ошибся и вступил не на ту тропу.

* * *

Прошёл ещё один день. Оленька Чахова уже не вставала. Толстых и Максим в горах поймали змею. Таня Вурк сварила суп: вода и горсть крупы. Туристы набросились на горячее, и у двух девочек началось расстройство. У Оленьки в тяжёлой форме.

Лагерь постепенно погружался в безразличие и оцепенение. Ни разговоров, ни жалоб. Девчонки всё больше лежали.

Юрий Карлович постоянно прислушивался, всматривался вдаль: вдруг покажется вертолёт?!

Ночь прошла спокойно...

Наступил новый день и новая ночь...

Ожидаемой помощи всё не было. По расчётам руководителя, Сташевский и Санкин уже должны были выйти к деревне.

«Ладно, пришли к вечеру. Ночью не полетели. Но уже двенадцать часов. Где же ты, чёртов вертолёт? Или... С ребятами что-то случилось? Иван! Зря выбрал его. Ненадёжный». – Он рукой погладил дрожащее веко и почувствовал: двигается вся щека. Он попытался лицевые мышцы остановить, но они зашевелились ещё активнее.

Когда щека успокоилась, он подозвал к себе Сергея и Максима.

– Вам нужно идти.

– Получается, ребята не дошли? – Сергей тяжело смотрел на руководителя, и под его взглядом Юрий Карлович поёжился.

– Не знаю. Дошли или нет. Время покажет. Знаю одно – вам нужно идти.

– Хорошо вам рассуждать, – распылился Максим, он сильно похудел, на лице только глаза, полные злобы, – дошли, не дошли, покажет, не покажет... А где вы были, когда маршрут выбирали, когда продуктов мало взяли?

– Максим, ты чего так кричишь? Ольгу разбудишь, она всю ночь не спала, а сейчас уснула, – сказала Таня Вурк. Когда она подошла, Юрий Карлович не заметил.

Максим поник и, обращаясь к Сергею, сказал:

– Пошли собираться.

Сергей кивнул, и студенты скрылись в палатке.

Максима и Сергея провожали все. Оленька Чахова позвала Сергея из палатки:

– Сергей, вот возьми! – она протягивала ириску. – Я её нашла в кармане. Давно.

– Ты что? Я не возьму, – Сергей сглотнул.

– Бери. Я думала, потом съем, когда перестанет..., – она хотела сказать «тошнить», но застеснялась. – Бери, вам пригодится. Вы только дойдите. Пожалуйста, дойдите. – Она ещё что-то хотела сказать, но всхлипнула и отвернулась.

Сергей нагнулся и неожиданно для самого себя, нежно поцеловал её.

– Обещаю, я дойду, – убеждённо сказал он и повторил. – Дойду, слово даю. Только ты держись.

* * *

Хорошо пообещать: «Дойду!». Но как выполнить невыполнимое? Как заставить ноги идти, если они не слушаются, как приказать желудку не сводиться спазмами так, что от резкой

боли хочется выть, как заглушить обоняние и не улавливать в горном воздухе запахи борща и домашних котлет, как прогнать страх, всё больше охватывающий каждую клеточку организма в предчувствии голодной смерти...

И усталость! Всё пожирающая в тебе усталость...

Но ты же обещал! Слово дал дойти. И что?

Вскоре всё – прошлое, друзья, близкие, – уходит и ты остаёшься один на один с собой и рядом только твой голод, твоя боль, твой страх. Потом наступает безразличие. Что будет, то и будет. Уже всё кем-то решено. Ты брошенная всеми песчинка и никому до тебя дела нет. Остаётся только одно всё нарастающее в тебе желание: упасть, закрыть глаза и уснуть...

Но он продолжал идти, спотыкаясь, пошатываясь, иногда оглядываясь назад – за ним в нескольких метрах брёл Максим.

Его ждут. Он дал слово...

ОФИЦИАЛЬНАЯ ЧАСТЬ

Магнитную бурю обещали завтра, а голова болела сегодня, причём с утра и по нарастающей. Две таблетки приглушили боль на время. Одна надежда – завтра суббота и можно отлежаться, отдохнуть от трудной недели и от этой боли. Лишь бы материал, сданный с утра, не вызвал у ответственного секретаря вопросов и замечаний и не пришлось бы срочно переписывать. В этом случае главред начнёт мучить её только когда газету сверстают, значит, в понедельник.

Она была так поглощена своими мыслями, болью и деланием вида занятости, что не сразу поняла, что к ней обращается Нина Петровна.

– Оксана, вы что домой не идёте?

– Вера велела сидеть и ждать.

Нина Петровна понимающе кивнула и опять склонилась над клавиатурой.

Для поддержания разговора, Оксана спросила:

– А вы что домой не идёте?

И тут же пожалела об этом.

Нина Петровна подняла на неё подслеповатые глаза и жалобно сказала:

– Я ещё немного поработаю.

Вся редакция знала о её разногласиях с сыном, нередко перерастающих в выяснения отношений, скандалы и угрозы выгнать её из дома. Она редко делилась своими проблемами и только с долгожителями редакции, но неустроенность на грани обездоленности была написана в её больших, серых, готовых показать слёзы в любую минуту глазах. Вот и сейчас она зашмыгала носом и практически уткнулась в клавиатуру. Оксане стало невыносимо её жалко, а гнетущая мысль – как можно так обращаться со старым человеком, тем более со своей матерью, усилила шум в голове. Вспомнилось, как на прошлой неделе к Нине Петровне приходила подписчица с несколькими мандаринами и маленькими пирожными, поблагодарить журналиста за статью. Нина Петровна отвечала за ветеранское направление. Две «бабульки» долго беседовали, пили чай, потом опять разговаривали, и Нина Петровна ходила с чистыми от слёз глазами несколько дней.

От резкого звонка внутреннего телефона Оксана вздрогнула. Быстрое «Зайди», и короткие сигналы.

Нина Петровна испугано спросила:

– Главный?

Оксана кивнула.

Нина Петровна вжалась в кресло, словно пытаясь раствориться в нём.

«Надо же, так запугать человека. Она всех подряд боится. Таких детей нужно...» Она не успела придумать, что делать с такими сыновьями, потому, как кабинет главного редактора находился в нескольких шагах от журналистской комнаты.

– Что-то вид у тебя помятый, – сказал Павел Сергеевич и подытожил. – По ночам нужно спать.

– С утра голова болит, а по ночам я сплю.

Павел Сергеевич не на много старше её, около сорока, и отношения у них больше товарищеские, чем подчинённого с

начальником. Он вообще старался держаться демократично. Любимчиков не выделял, если поощрял, то всех, если наказывал – тоже скопом. И это сказывалось положительно на общем состоянии дел в редакции.

– Оксан, завтра нужно поработать.

– Павел Сергеевич, я же в прошлую субботу работала. И всю неделю моталась. Четыре статьи сдала.

– Информашки, – уточнил он.

– Но сдала же.

– Знаю, я всё знаю, – подчеркнул он, и в который раз Оксана вновь убедилась: главный в курсе всех редакционных дел. – Пойми, кроме тебя некому.

– Нина Петровна вон сидит, домой не идёт, пусть она, – выдала Оксана и покраснела.

Павел Сергеевич осуждающе взглянул на журналистку.

– Нина Петровна так и так завтра будет работать, но в редакции. Гонять же пожилого человека по молодёжным тусовкам некрасиво. И потом, ты должна это понимать, она не сможет написать, точнее, она напишет, но куда ставить – в ветеранский номер?

– Любочка никогда в выходные не работает, – поспешно предложила Оксана.

– У неё маленький ребёнок.

– Катя.

– Хватит перечислять сотрудников редакции, я и без тебя всех знаю. – Павел Сергеевич посерьёзnel. – Оксана, не препирайтесь.

Она решила не уступать.

– Я и так работаю каждую субботу, бывает, и в воскресенье. И вообще, я себя плохо чувствую.

– Бери больничный, если болеешь. Я не виноват, – главный редактор рассердился, Оксана поняла это по тому, как он крутил обручальное кольцо на пальце, – что из всех женщин ты одна одинокая.

Это был удар, как принято говорить – ниже пояса. Она почти привыкла к намёкам и откровенным колкостям по поводу

её возраста и одиночества со стороны слабого пола, но чтобы мужчина... Такое позволительно только папе.

Главный редактор вертел кольцо так яростно, что оно сорвалось с пальца и ударилось об стол, Оксане же показалось, что с деревянным покрытием встретился не кусочек металла, а огромная кувалда. Она поморщилась.

Павел Сергеевич этого не заметил, он едва сдерживал себя, чтобы не накричать на пререкающуюся сотрудницу и на самого себя.

«Зачем обидел хорошую девчонку? Разве она виновата, что не везёт, что уже за тридцатник, а всё одна и в перспективе никого? Это такие, как я сам, виноваты. Проходим мимо скромных умных девчонок. Подавай нам поярче, да понаглее, а потом, – он вздохнул, – всю жизнь мучаемся и вспоминаем, как мимо своего счастья прошагали».

Справившись с раздражением, он почти попросил:

– Оксана, пойми, если кто-то мог, я бы разве стал дёргать тебя. Катя беременная, у Любви Викторовны...

– Павел Сергеевич, – официально начала она, главред полностью убедился: «Обиделась». – Не перечисляйте проблемы сотрудниц. Они всем хорошо известны, и мне тоже. Говорите, куда.

Уже в спину уходящей Оксаны, главред посоветовал:

– Ты понарядней оденься. Много солидных людей будет. Оксана плотно прикрыла за собой дверь.

* * *

– Завтра она будет, – приглушённо разговаривал по сотовому телефону главред. – Едва уговорил. Не хотела... Ну, начальник... С этими бабами сам знаешь – то голова болит, то шубу не купил. Ладно тебе подсмеиваться. У меня их почти двадцать штук, если внештатниц не считать. Да лучше с грузчиками работать, чем с ними. Там хоть всё понятно, а здесь каждый день что-то новенькое. Не соскучишься. Ладно, домой пора. Моя уже звонила. Требовала явиться. Я обещался в семь, а сейчас почти десять. Опять орать будет про баб. Слушай... Хотя... Нет,

погоди... Хочу сказать. Вернее, попросить. Оксанка девчонка неплохая. В общем, нормальная, ты понимаешь, о чём я. Ты уж там не особенно. Да знаю я тебя. Бывай, созвонимся.

* * *

За ночь головная боль прошла, осталась тяжесть. Оксана знала: к вечеру пройдёт и она, если спокойно провести день. Но сегодня это не грозит.

Открытие ночного клуба на центральной улице города?!

Такие мероприятия обычно другие труженики пера освещают. Газета, где она служила больше пяти лет, серьёзная. Главный мутит, кому-то что-то обещал. Она придёт, засветится, и уже неплохой пиар для многих. В жёлтой прессе обязательно отметят – на открытие ночного клуба «Ветер» присутствовала много журналистов, в том числе и представитель областной газеты.

«Эх, Павел Сергеевич, Павел Сергеевич... Ему что? Скажут “спасибо”, наверняка и другое обломится, а я должна напрягаться. Страдать. Не пойти нельзя. Доложат – не была, он тут же попытается: почему задание не выполнила?» – думала Оксана, собираясь на открытие-презентацию.

Джинсы, блузка, схожая с мужской рубашкой, кроссовки. Нечего наряжаться, не гулять идёт, работать. Фотоаппарат, микрофон, и не забыть удостоверение. В последний момент решила поменять кроссовки на чёрные удобные балетки.

Около клуба молодые девчонки и несколько парней. На входе в костюмах, но без галстуков, два мужика-амбала.

«Ну, прямо как в кино, – хихикнула про себя Оксана и решительно направилась прямо на охранников. Один из них преградив дорогу, монотонно произнёс:

– Куда прёшь. Мест нет. Завтра приходи.

Оксана молча достала удостоверение, раскрыла, сунула охраннику в грудь и нетерпеливо констатировала: «Пресса».

На охранника слово «пресса» не произвело никого впечатления, он, глядя поверх головы девушки, повторил:

– Сегодня по приглашительным. Завтра приходи.

Тяжесть в затылке усилилась, предчувствие предстоящих страданий, вызвало гнев:

– Мне всё равно, могу и завтра прийти. Только своему главному я так и скажу – не пустили, и я посмотрю, где ты завтра будешь стоять и командовать.

Охранник, не удостоив её хоть какого внимания, сказал в переговорное устройство:

– Тут какая пресса.

Посмотрел на Оксану и спросил:

– Какая газета?

Оксана назвала, охранник повторил название газеты в устройство, отступил на шаг и, пропуская Оксану, вежливо произнёс:

– Проходите, пожалуйста, вас ждут.

– То-то тоже, – сказала Оксана и переступила порог ночного клуба, думая при этом: ну, точно, как в заштатном кино.

Бегло оглядела помещение – уютно, на стенах морские пейзажи. Официанты, снующие между столиками на втором этаже в одинаковых тельняшках.

Оксана намётанным глазом стала искать основного или основных этого праздника.

Громкая музыка, яркий свет в затылке отдавались молоточками, ударяющими по чему-то болезненному.

«Так где же они? Или я опоздала на официальную часть? Нет вроде. Павел Сергеевич сказал, в восемь открытие».

Её кто-то знакомым голосом позвал по имени, она оглянулась. К ней шёл Ромка из журнала «Досуг».

– Оксана, привет, и ты здесь!

Она улыбнулась, кивнула, мол, куда без меня, и спросила:

– Официальное открытие прошло?

– Вроде нет.

– Ты давно тут?

– С полчаса. Пошли, там для прессы стол отдельный накрыт. Выпивка. И закусить есть чем.

– Нет, я не буду.

– Что так?

– Голова болит.

– Выпьешь, голова и пройдёт, – убеждённо сказал Роман. Оксана, внимательно взглянув на сотоварища по перу, подумала: «Ты, брат, я посмотрю, потихоньку спиваешься».

Остаться в одиночестве во всеобщем веселье Оксане не хотелось, и она пошла следом за Романом.

Отгороженная лёгкой перегородкой, напоминающий парус, комната встретила Оксану приветствующими кивками, улыбками, короткими «привет!». Она тоже кивала, улыбалась, здоровалась. Только одну девушку не знала, но и ей сказала: «привет!». Какое издание она представляет, Оксана узнает позже, и впредь при встрече будет улыбаться как старой знакомой. Как иначе? Их не так уж и много в городе, и они должны поддерживать друг друга.

Хотя...

Журналистская братия только для посторонних что-то дружное и целое. Внутри – видимость взаимной поддержки и понимания. Глубже – зависть, склоки, вовремя подставленная подножка и многое другое, зачастую отнюдь не лицеприятное. Человек в любой профессии человек. Впрочем, есть некоторое отличие: журналисты – люди творческие, и подход у них ко всему – творческий.

Ночной клуб быстро наполнялся в меру развязной, немного надменной публикой. Что и понятно. Приглашительные билеты чётко определяли круг сегодняшних гостей: отпрыски нужных людей, завсегдатаи тусовок, молодые и не очень сотрудники известных в городе компаний и, конечно, местная знаменитость. Оксана кого-то знала лично, чей-то портрет видела в газетных полосах или в интернетовских новостных блоках. Примадонна областного театра в обтягивающем коротком платье под ручку с совсем юным парнишкой продефилировала от входа к сцене. Полноватый финансовый директор банка пришёл с высокой симпатичной шатенкой. Помощник прокурора (ну он то что тут делает?) в сопровождении двух ярко накрашенных девушек быстро поднялся на второй этаж и скрылся за точно такой же, как у журналистов, лёгкой конструкцией в виде паруса.

Появление каждого нового известного лица журналисты приветствовали смешками, возгласами, иногда ироничными замечаниями. И чем больше выпито, тем громче фыркания и язвительность фраз.

Оксана взглянула на часы. Почти девять. Она, обращаясь ко всем сразу и стараясь перекрыть давящую на ушные перепонки музыку, спросила:

– Кто знает, официальная часть будет?

Ольга, журналистка популярной газетёнки «Секретно не для всех!», покачиваясь в такт музыке, приблизила лицо к Оксане и, дыхнув коньяком, усмехнулась:

– Вот что значит административная газета. Нужна официальная часть, – и отглотнув напиток из бокала, звонко выкрикнула: – Ребята, слабо устроить официальную часть?! Представительница личной газеты губернатора просит официальную часть!

Пишущая братия и присоединившаяся к ним бригада телевизионщиков зашумели, посыпались шутки, насмешки, предложения, как устроить официальную часть.

Молоточки в затылке Оксаны превратились в молотки и потребовали глотка свежего вечернего воздуха.

Повеселевший Роман, обхватив Оксану за талию, увлёк за собой.

– Не обращай внимания. Они дураки. Завидуют тебе и злятся, сами-то работают, где попало. А ты в серьёзной газете. Ты что-то совсем побледнела. Голова как? Не прошла? Выпей, – он предложил ей бокал с водкой.

– Нет, Рома, не буду.

– Как знаешь. По поводу официальной части, думаю, она будет ближе к полночи. Сейчас владелец клуба, вон посмотри туда. Видишь дверь? Видишь, мужик в костюме парочку сопровождает? Особо приглашённые. Парочка – это генеральный директор сети ресторанов с любовницей. Мерзкая, я тебе скажу, персона. И Светка тоже мерзопакостная. – Его портрет Оксана видела в интернете, её лицо было незнакомо. – Так вот, пока хозяин клуба всех особых не встретит и не поприветствует за той

дверью, в зал не выйдут. Когда выйдут, тогда и будет открытие для всех прочих.

– Как так?

– Ты чего? Не знаешь разве? На таких мероприятиях всегда так. Сначала выпивка и веселье. Три порции бесплатно, чего не выпить. Потом всё остальное для самых стойких. На таком мероприятии ты первый раз, что ли?

Оксана кивнула.

– Понятно. Ты же белая кость. Это для нас, плебеев, накрытый стол – редкий праздник. А для вас торжество с коньяком и красной икрой ежедневное занятие. Понимаю, понимаю, – съехидничал Роман.

– Прекрати ёрничать. Кто в администрацию и думу чуть ли не каждый день ходит? Я, что ли?

– Ладно, не обижайся. Видишь, официант напитки принёс. Видишь, берёт пригласительный и отрывает корешок. Там три порции напитков на выбор, и даже одно блюдо. Хочешь больше, пожалуйста, заказывай, но уже за деньги. Как правило, в таких местах не едят, пьют только. Понятно? Ближе к двенадцати будет выступать кто-то. Вроде звезда из Москвы. Даже, говорят, не одна. Вот, посмотри, из двери мужик вышел. Это совладелец клуба.

Лицо совладельца Оксане показалось знакомым. Она его где-то видела.

– Он не местный. Из северной столицы. Там заработал, здесь вложился.

«Главред учился в Питере», – подумала Оксана и вспомнила, что видела этого совладельца в кабинете начальника и их даже познакомили. – «Как его зовут. Вроде Дмитрий, нет, Антон, или...».

Вспомнить, как его зовут, она не смогла, и неудивительно. Боль стягивала голову обручем. Сейчас бы лечь, закрыть глаза...

Оксана не заметила, как Роман вернулся к другим журналистам. Она одиноко стояла возле перил второго этажа и тупо смотрела на машущую руками, подпрыгивающую, кричащую, сияющую толпу – клуб.

«Нужно подойти к совладельцу и узнать, когда официальная часть».

Она быстро начала спускаться, но на полпути замедлила шаг. Каждое движение мигом отдавалось в висках и затылке попеременно.

Искать среди разношёрстной публики совладельца не пришлось. Он шёл ей навстречу и улыбался, как знакомой.

– Оксана, добрый вечер, – он протянул руку, мягко сжал её ладонь и какое-то время не отпускал.

Оксана безвольно попыталась вспомнить, как его зовут, но не смогла.

– Официальная часть когда начнётся? – резко спросила она.

Совладелец отпустил ладонь, внимательно посмотрел на Оксану и чуть натянуто улыбнувшись, предложил пройти к стойке бара, отметить встречу и открытие ночного клуба.

Оксана упрямо повторила:

– Официальная часть скоро?

Улыбка с лица совладельца сошла, проявилось любопытство, следом чуть заметное разочарование.

– Официальной части, как таковой не будет. Скоро начнётся концерт. Не хотите выпить, может, потанцуем?

Он опять мягко взял её ладонь в свою.

– Нет, – Оксана рывком убрала руку. – Раз не будет официальной части, я пошла, – но, вспомнив о задании, решительно продолжила: – Напомните, как вас зовут.

– Антон, Антон Александрович, – уже совсем другим тоном представился совладелец.

Оксана бесцеремонно протянула к лицу Антона Александровича микрофон и заучено сказала:

– Что вы можете сказать о данном мероприятии?

Совладелец посмотрел на микрофон, затем долгим взглядом на Оксану.

«Ну, что ты так долго думаешь...» – Боль немного отступила, вероятно, от прохлады на первом этаже. Но страх, что она вернётся и с новой силой, заставлял Оксану спешить.

– Как я слышала, вы являетесь совладельцем клуба?

Антон Александрович молчал и уже смотрел не на Оксану, а в сторону. Потом окликнул:

– Владимир, подойдите сюда.

К ним подошёл лет тридцати пяти высокий с первой сединой на висках сотрудник клуба.

– Расскажите прессе о клубе, – попросил-приказал совладелец, и внимательно посмотрел на Оксану.

Под его долгим взглядом Оксана вспомнила, как настойчиво главред требовал от неё прихода сюда, как совладелец улыбался ей и долго держал её ладонь в своей. Внутренняя интуиция подсказывала: вопреки боли и раздражению мило улыбнись, скажи о головной боли и попроси этого симпатичного парня выйти на улицу. Он пойдёт за ней. Но она, повернувшись к коротко стриженному сотруднику клуба, заучено спросила:

– Что вы можете сказать о данном мероприятии?

Совладелец, больше не говоря не слова, скрылся за дверью для особо приглашённых.

Владимир говорил долго, нудно и подробно. Кто принимал решение о создании клуба, как проходил ремонт, кто был дизайнером. Оксана делала вид, что внимательно слушает, иногда даже задавала пустяковые вопросы и жаждала одного – оказаться на улице, затем дома в постели.

* * *

В понедельник Павел Сергеевич, встретив Оксану в коридоре, спросил:

– Ну, как открытие?

– Ничего особенного. Как всегда – шумно, весело и много народу.

– Понятно. Как сама? Голова прошла?

– Прошла.

– Сама или кто помог?

– В смысле? – не поняла Оксана.

– Голова сама прошла или кто помог? – повторил вопрос Павел Сергеевич и чуть таинственно улыбнулся.

- Пару таблеток выпила, выпалась, она и прошла.
- Ну-ну, – сказал Павел Сергеевич и пошёл по коридору.
- Статью большую писать. На полосу или полполосы хватит? – вслед ему спросила Оксана.
- Статью? Какую статью? – не останавливаясь, спросил он.
- Про клуб.
- Заметку пиши. Нет. Информашку строк на десять.

* * *

Вечером в понедельник, оставшись один в редакции, Павел Сергеевич набрал знакомый номер:

– Ну как? Всё прошло нормально? Интересно? Конечно, интересно. Я вчера ещё хотел позвонить. Да я не про то, кто был и сколько выпито. Я о ней. Ну как, всё получилось? Бука? Не замечал. Злая? Нет вроде. Нормальная. Да подожди ты, у неё голова болела. Она идти не хотела, потому что голова болела. У моей? Ну, болит иногда. Отмазка? Да-нет. У неё на погоду часто голова болит. Да не больная она. Ладно, как хочешь. Может, заставить её статью написать и к тебе на согласование прислать? Нет? Не надо? Познакомился уже с другой? С кем? С Наташей? Блондинка, брюнетка? Подожди, жена звонит по другой линии. Ну, давай, пока.

* * *

Информацию об открытии ночного клуба «Ветер» главный редактор областной газеты сначала поставил на последнюю полосу в колонку «События культуры», затем переставил в другой номер. Когда увидел в очередном номере, возмутился и отчитал ответственного редактора Веру за халатность в подборе материалов.

Примерно через полгода Оксана возглавила отдел по социальным вопросам и стала присутствовать на оперативках. Как-то зашёл разговор о молодой сотруднице Лимоновой, месяц назад вышедшей замуж и уже уходящей в декрет.

Главред возмущался долго и нудно, утверждая, что молодых женщин лучше на работу совсем не брать – одни заморочки и более ничего. Но в итоге резюмировал:

– Молодец Лимонова! Образование есть, замуж вышла, ребёнка родила. Молодец. Другим счастье преподносится на блюде, только хватай и не отпускай. А они мимо проходят. Чутья, что ли, нет? Как думаешь, Вера? – Обратился он к ответственному секретарю, смотря при этом на Оксану.

Надежда СТУПИНА

Надежда Алексеевна Ступина – прозаик, критик. Член МГО Союза писателей России. Родилась в Москве. Окончила МГИК (дирижёрско-хоровое отделение), МГГУ им. А.М. Шолохова (филологический факультет и аспирантуру), Высшие литературные курсы при Литературном институте им. А.М. Горького. Пела в профессиональных народных коллективах, работала хормейстером, музыкальным редактором на радио, писала сценарии, ставила спектакли. Преподавала русский язык и культуру речи в РАНХиГС при Президенте РФ. Печаталась в газете «Московский литератор», в журналах «Литература в школе», «Братина», «Московский вестник», «Рать», «Великороссъ», «Москва», «Невский альманах», «Подъём», других научных и художественных изданиях. Автор книг «Окрылённые словом», «Именно ты», «Художественный мир Ярослава Шипова», «Прекрасное не пропадёт. Мир глазами студентов». Лауреат литературного конкурса «Русский позитив».

Живёт в Подмосковье.

ТРИ РАССКАЗА

ВОЛШЕБНАЯ КИСТЬ

Труд – это овеществлённая молитва.

Преподобный Иосиф Волоцкий

Опираясь на сумку на колёсах, Анна Григорьевна с трудом взбирается на пятый этаж к себе в квартиру. А было время, её ноги легко преодолевали несчитанные ступени кирпичной «хрущёвки»...

Молодость! Звонкий, бодрый Аннушкин голос слышали коллеги, соседи, подруги, муж и сын. В работе хваткая, в весёлом застолье запевала. Рослая, статная, белозубая, коса русая калачом на голове, бойкая, в обиду себя не даст – чисто некра-совская женщина!

Они с мужем приехали из провинции, оба пригодились на «почтовом ящике» – так в советские годы называли секретные предприятия. Труда не боялись. Рука об руку наживали добра. Добротная мебель, ковры, хрустальная посуда – всё, что модным считалось в те времена, у них было. «Поднимали» дачу с обоюдным рвением, деревенская хозяйская жилка билась в каждом из них. Подростал сын, воспитывали его по старым добрым правилам, по каким сами жили: почитай отца и мать, работай на совесть, начал дело – доводи его до конца, людей уважай. Хорошее было время...

Анна открыла дверь. Встречать её было некому, жила в одиночку много лет – пообвыклась. Включила телевизор. Включала всегда на большую громкость: отчасти потому, что слышать стала хуже, а скорее потому, что... вроде дома не одна. При этом руки её обычно были заняты ремеслом. Когда вышла на пенсию, увлеклась северной мезенской росписью. Трудилась с творческим азартом, рисунок никогда не повторяла, благо «язык» росписи богат символами и знаками. Так это дело Анну

затянуло, что со временем она стала мастером. Расписанные вещи отмечала личной авторской печатью. В родном городе её знали: своим нарядным товаром она украшала праздничные ярмарки. Приглашали и на столичные народные фестивали. Коллекционеры делали заказы.

* * *

Нина была поклонницей таланта Анны Григорьевны. Сначала покупала у неё привлекательные вещицы: подвесные деревянные птицы-обереги, разделочные доски, панно на стену, шкатулочки – и дарила знакомым. А потом стала собирать её уникальные творения.

Подходили зимние праздники. Нина позвонила мастерице.

– Анна Григорьевна! Как вы? Наверное, в трудах?

– В трудах, в трудах. К рождественской ярмарке готовлюсь.

– Мне бы хотелось выбрать у вас что-нибудь на подарки. Может, и для моей коллекции. Сегодня вечером вам удобно встретиться?

– Да, пожалуйста, приходи. Выбор есть. Жду тебя.

По возрасту Нина годилась Анне Григорьевне в дочери. Они познакомились в доме культуры, где собирались люди, которым нравилось народное искусство Севера. Там вечерами рукодельничали: шили северные сарафаны, учились плести корзины, украшать росписью деревянные и берестяные поделки. И, как велось в старину, пели песни.

– Проходи, проходи в комнату, – хозяйка встречала гостью со всегдашней приветливостью. – Добра расписала – полный комод. А это подарочки тебе к празднику – ангел-хранитель и стаканчик для карандашей, для ручек. На письменный стол поставишь.

– Спасибо. Ой, сколько всего – глаза разбегаются!

– Смотри, смотри. Рисунок выбирай.

С годами их дружба крепла: чаще встречались, чаёвничали иногда на кухне, вели разговоры.

– Война, Нина, – страшно, – ворошила Анна Григорьевна далёкие детские воспоминания. – Бежим с мамой по полю, а везде кругом стреляют. Я была совсем мала, не понимала даже, что бояться надо. Мама прижимала меня к земле, собой закрывала. Не знаю, как живы остались. Мама свято верила, что тогда Бог над нами был – уберёг.

В другой раз, расположившись к особенной откровенности, потревожила она давнюю сердечную рану, у которой, как говорят в народе, «заживки нет».

– Мы с мужем справно жили, ладно. Всё делали вместе, никогда не бранились. А тут съездил он на курорт. Раньше-то ему всё равно было, какая на нём футболка, а теперь, смотрю, стал их менять. Ну, нашлись люди на работе, сказали, что встречается с другой. Моложе его на 15 лет. Не поверила, спросила напрямки. Признался сразу. Я гордая была, говорю: «Уходи, без тебя проживу». А он мне сказал: «Да, Аня, ты без меня проживёшь, а она – нет». И ушёл.

– Хорошо они с той жили? – осторожно спросила притихшая Нина.

– Не знаю. Заболела она потом сильно. Ухаживал он за ней. Мой тебе совет: никогда не говори мужу, что ты без него обойдёшься. Я очень жалею, что так поступила. Пусть бы он не оставлял мне ни квартиры, ни дачи, а остался бы со мной.

У Анны Григорьевны была внучка. Судьба её женская складывалась необычно. Вышла замуж в восемнадцать лет за однокурсника. Родила мальчика – пришлось учиться заочно. А в новых родах случилась у неё тройня – три дочки сразу. Прибыток большой в семье, но что-то у молодых родителей не заладилось. Расходились, папаша хотел сына взять себе. Не отдала. Одна с четырьмя детишками управлялась. Бабушка по силам помогала, надёжным подспорьем было любимое ремесло: на вырученные деньги покупала правнукам подарки и угощения.

Прошло какое-то время. За разговором Нина поинтересовалась, как живёт внучка.

– Хорошо-о-о, так хорошо-о-о! – воодушевлённо начала свою речь Анна Григорьевна, выпекая на высоких нотах гласные

звуки. – Посватался к ней холостой парень. Молодой, высокий, крепкий. Полюбил и её, и всех детей, и скоро пятый ребёнок у них будет. Семья многодетная, от города квартиру дали. Чудеса у нас.

– Вот так да! Счастье привалило.

– Привалило точно. Муж золотой, девчонок сам купает, наряжает. В машине всех возит. Я к ним часто езжу, гуляю с ребятами.

– Малыши-то, небось, бабулю ждут?

– Ждут, ждут. Я их так люблю всех. Вот знаешь, ездила недавно. Они ели клубнику, детки, я им привезла. Они ели, а я смотрела на них и была сыта.

– Понимаю вас. Когда любимым твоим хорошо, ты на седьмом небе от счастья.

– Да, я вот сейчас тебя слушаю и тоже сыта.

Нина не сразу нашлась, что ответить.

– Я думаю, у нас взаимное наполнение – сытость духовная. Сколько лет дружим, и всегда встречи, беседы в радость, правда?

– Правда, правда.

– Вот недавно произошло событие удивительное и значимое для нашей семьи. Вы к нему имеете отношение.

– Интересно, какое? Расскажи.

– Одной сотруднице я подарила набор расписанной вами посуды. Ей очень понравилась ваша работа. Оказалось, она, как вы, рукодельница, бисером вышивает иконы. Спросила, какого святого мы с мужем особенно почитаем, хотела бы для нас вышить. Я сказала, нам дорог образ Богородицы «Всецарица», потому что в день, когда её чествуют, родился наш сын. И надо же, совпадение! Только ремонт закончили, дарят нам икону. Красивая: глаз радует и душу.

– Да, благословение вам на мир и согласие в доме.

– Анна Григорьевна, мне давно хотелось предложить. Приходите к нам в университет. Творческую встречу организуем. Вы увлекательно рассказываете про мезенскую роспись, прямо как сказительница. Уверена, интересно будет и студентам, и

преподавателям. Наверняка купят что-то. Выездную ярмарку устроим.

Шумный молодой народ с любопытством оглядывал приглашённую гостью – в праздничном северном сарафане, с необычным товаром, расставленном на специальном столике. Она начала свою неторопливую речь, и студенты затихли. Нина радовалась: ребятам явно нравился рассказ о старинном ремесле. Удивлялись они тому, чему нельзя было не подивиться. Какие талантливые, с богатым воображением, у нас люди! Хорошо, что сохранился поэтический, образный язык росписи, наполненный особыми смыслами. Об этом Анна Григорьевна рассказывала, как о сказочном добром мире, рассказывала с юмором, с любовью и почтением к труду народных умельцев.

– Мезенскую роспись называют мужской. Почему? Сейчас расскажу. Мужчина пахал землю, сеял зерно, хлеб растил, охотился, ловил рыбу. От его трудов зависело благополучие всей семьи. Если вы приглянитесь, то увидите, в рисунке есть кони. Конь «скачет» – это знак устремления к росту, достатку. Поэтому и на крышу избы конька ставили. Можете видеть оленя. Говорили так: благородный олень своими рогами шевелит облако и вызывает дождь. Какая погода, такой и урожай будет. Крест – знак солнца, которое греет землю. Дерево – знак здоровья, полной жизни. Волнистые линии – река или озеро. По ним лебеди «плавают», утицы – символ мира и благополучия в семье. А рыбы, как думаете? Символ изобилия. Мастер придумывал сюжет, историю, и разрисовывал вещь. Мог пожелать тому, кому её подарит, доброй, богатой жизни.

Дошла очередь до задуманной ярмарки.

– Теперь вы сможете выбрать вещь, которая вам особенно приглянулась. Вот шаркунки разные. Наверное, мало кто из вас знает, что это оберег. Плели из бересты. Складывали коробочку, в неё засыпали зернышки или горошек. Слышите: он шуршит. Поверье было: отгоняет беды, напасти, отпугивает злых людей. На одной стороне шаркунка рисовали утицу, оленя или коня. На другой писали пожелание, напутствие,

пословицу. Кто что выберет, кому что достанется – интересно. Подходите. Выбирайте.

Оживлённо толпились возле столика юноши и девушки, разглядывая расписанные поделки, вслух весело читая друг другу надписи на выбранных оберегах: «Ленивой лошади и хвост мешает», «Хорошая хозяйка и из петуха уху сварит», «Любовь не знает мести, а дружба лести», «Кто счастье сеет, тот его и жнёт», «Не конь несёт, а Бог ведёт»...

Возвращалась Анна Григорьевна домой с радостным сердцем и лёгкой сумкой.

В какой-то момент пришла мысль сделать художественное фото мастерицы. Она не возражала, принарядилась, была в добром расположении духа, и съёмка удалась. С тех пор маленькая фотография в берестяной рамочке висела у неё в комнате над рабочим столом. Нине портрет тоже понравился, увеличила его и поставила на книжную полку. Её коллекция пополнялась после каждой новой встречи со старшей подругой, которую в этот раз озадачил «один случай».

– Сижу на автобусной остановке, – начала Анна Григорьевна со свойственным ей простодушием. – Народ собрался. И вдруг обнаружила, что забыла пенсионное удостоверение. А денег на билет нету. Сижу и мучаюсь, как же ехать? Просить стыдно, меня это сверлит... Все ожидали автобуса. Вдруг ко мне девушка подошла, предлагает свой билет, потому что за ней машина приехала. Я говорю, у меня нет денег, билет купить. Она: «Да, не надо» – села в машину и уехала. Подарила билет. Я вот думаю, на остановке было много людей, а она ко мне подошла. Почему? Такой случай. Что скажешь?

– Даже не знаю, Анна Григорьевна. Если по уму, так простая случайность. А по сердцу, похоже на маленькое чудо. Будто вас хотели утешить. Утешили? Вы спокойно ехали, да?

– Да, ехала спокойно, но всю дорогу думала, почему девушка меня выбрала.

– Вы чистая душа, а светлые силы, – Нина подняла глаза, жестом показывая вверх, – оттуда смотрят, своих видят и помогают. Я в это верю.

– Слушай-ка, ещё было. Весело. Позвали меня в школу: показать, как работаю, поучить ребят расписывать. Рассказываю им, ты знаешь, про знаки, про символы. Показываю, как рисовать коня, оленя, лебедя, какой сюжет можно придумать. Ребята слушали внимательно. Особенно один мальчишка всё расспрашивал, старался, и у него неплохо получалось. Потом нас пригласили чай пить с баранками и пирогами. Он сел рядом со мной. Я его обняла, он смотрит на меня и спрашивает:

– А сколько вам лет?

– Много, – отвечаю, – очень много.

Он подумал и говорит:

– Я хочу, чтобы вам было ещё больше.

По-детски открыто и звонко Анна Григорьевна рассмеялась.

– Видно, вы парнишке понравились, – улыбнулась Нина, – пожелал вам долгой-долгой жизни.

Неустанные труды согнули спину мастерицы. Но не так просто было «согнуть» её душу. Любимое дело не оставляла, творила узоры и сюжеты. Охотно отзывалась на приглашения: наполняла сумку на колёсах расписанными «птицами счастья», шкатулками, коробами, забавными сувенирными фигурками животных, другой нарядной «всячиной» и неспешно отправлялась на очередную народную ярмарку...

Однажды вечером по телефону Анна Григорьевна буднично сообщила, что доктора обнаружили у неё злую хворь. Ту самую, что стремительно может отнять у человека жизнь. Не в её характере было обсуждать недуги, тем паче жаловаться. По обыкновению, поспешила она поведать то, что с ней приключилось, что встревожило. И зазвучал её певучий, чуть торопливый, сбивчивый говорок.

– Из Москвы еду домой, возвращаюсь, с тележкой, с ярмарки. Колесо отвалилось. Несу сумку в одной руке, в другой колесо. Тяжело. Молодой человек спросил, на какую ему платформу. Я сказала, как пройти. Ухоженный такой, красивый, говорит: «Вам помочь?» И предложил в вокзал зайти. Зашли

в вокзал. В отдел, где продавались чемоданы, коляски. Он: «Выбирайте». А у меня перед глазами одни цены стоят: одна сумка – три тысячи, другая – четыре. Он заплатил. Взяли новую сумку. Потом я прошу его, давайте привяжем новую к старой. А он: «Давайте поменяем». И выбросил старую сумку, а я колесо выбросила. Так мы разошлись. Не узнала, как его имя, за кого молиться? В четыре утра встала, не могу спать, вину чувствую. Ничего ему не подарила, а была в сумке птица красивая. Сказала себе: молись за всех, за весь народ, все люди хорошие.

* * *

«Христианская душа: «молись за всех», – со светлой грустью думала Нина, вспоминая их встречи, беседы и особенно последний телефонный разговор. – Себя виноватила, а все люди у неё хорошие. Ведь она в самом деле так думала, хотя прожила долгую, а значит, сложную жизнь. Теперь о её душе нужно помолиться...» Ушёл человек с этой земли, но осталось жизнерадостное искусство. В доме куда ни глянь – красота, сотворённая любовью и талантом Анны Григорьевны. Под потолком комнаты птица-оберег охраняет семейное счастье. На кухне посуда украшена мезенским орнаментом. За стеклом в шкафу весёлая компания деревянных животных. Кого тут только нет: хитрушка-лисичка, остроносые и длиннохвостые мышки, любопытный барашек, черепаха-мама с черепашками, свёрнутая в пирамидку змейка, лупоглазые лягушата, степенный олень с изогнутыми рогами, важный петушок-командир с послушными курочками... У каждого персонажа свой рисунок, свой раскрас! Рядом с фигуркой кроткого ангела – портрет мастерицы. Красивое русское лицо: высокий открытый лоб; поверх гладко убранных волос узорная ленточка – очелье; на груди сплетённые из бересты бусы; внимательный взгляд, лёгкая улыбка. Она сидит за рабочим столом, перед ней деревянные поделки, тушь, краски, перья. В руке тонкая кисточка – волшебная кисть художника.

И ДАЁТСЯ НАМ БОЛЬ

*Вы не пожелали мне главного –
желания жить.*

Из письма А. Чехова

На улице было по-февральски холодно. Моя знакомая то-ропилась, на бегу рассказала мне о дочери своей давней подруги.

– Учится в девятом классе и в музыкальной школе. В последнее время стала непослушной, совсем отбилась от рук, родители разводятся, разъезжаются, сама понимаешь, всем не до неё. Дома не ночует, всё у подружек. Жаль девочку, талантливая, рассказы пишет.

– Рассказы? Какие?

– Всё больше грустные. В детстве она часто одна оставалась, с бабушкой. Надо бы её увлечь. Позанимаешься с ней вокалом?

– А самой-то ей петь хочется?

– Да. Знаешь, она загорелась. Ну как, возьмёшься? Даю твой телефон?

Я согласилась.

Мы познакомились. Девочка мне понравилась: серьёзная, музыкальная, артистичная. Призналась, что мечтает в будущем выступать на эстраде, внешностью её природа не обделила. Спела романс, который выбрала сама. Об актрисе: когда-то женщина блистала на сцене, и вот теперь старая, нищая, всеми оставленная, просит подаяния. После каждого куплета по два раза повторялся жалобный припев: «Подайте ж милостыню ей!» Напряжённо звучал грудной голос, и печаль неподдельная таилась в красивых тёмных глазах. К концу занятия юная певица, к моей радости, как будто повеселела. Мы договорились о следующей встрече, но в назначенный день девушка позвонила, сказала, извинившись, что прийти на урок не сможет.

Час прошёл после телефонного разговора, может, чуть больше. Подходил вечер, я занималась на кухне, тихо было, и какой-то звук, глухой, непривычный, встревожил меня. Квар-

тира моя на третьем этаже, взглянула на улицу. Прямо под моими окнами, на дороге недвижная девичья фигурка, руки раскинуты, полушубок, джинсы. Волосы, каштановые, волнистые, глаза раскрыты, и мне показалось, так похожа... Сердце колотилось, нет, я отгоняла мысли, не хотела верить, накинула пальто, в лифте услышала обрывки фраз: «Убилась..., 14 лет..., с семнадцатого этажа...». Соседи переполошились, собирались кучками у подъездов. К месту случившегося несчастья подъехала милицейская машина, мигала фарами какое-то время, и вскоре улица опустела. Страшная догадка подтвердилась – это моя ученица.

...Длинную чёрную ночь сменило залитое солнцем морозное утро. За окном синий небесный простор, белым-бело – зима ещё в силе, что ей до наших горестей. Перевела взгляд на безлюдную дорогу: на том месте злосчастном... ярко-красно окрашенный снег – её кровь! Подкатило к горлу, жалость вырвалась стоном. И... невесть откуда: *на заезженном льду кровь оставила след...* Подхватила попавший под руку листок, строки одна за другой набегали и набегали, карябала карандашом по взмокшей от слёз бумаге. Буквы жались друг к другу, нестерпимая боль отступала, утихала, уходила в слова.

*На заезженном льду
Кровь оставила след...
Мысли, словно в бреду:
Нет её уже, нет.
Не постичь бытия,
Зачем ты, зачем я?
Разом всё окрестить
И свечу затушить.
Ей 14 лет!
Мне почти 35.
Отбиваясь от бед,
Вспоминаю опять:
Зимний вечер в окне,
В горле ком, в сердце страх*

*И её на спине,
С небом в тонких руках...
Отстрадала она
В этом мире земном.
Перед смертью одна
И пред Божьим судом.*

В кармане оставила записку – просила никого не винить. Ушла без обиды – такое вышло покаяние. Видимо, выяснились особые обстоятельства, девушку благословили похоронить по церковному обряду. И в этом надежда на милость Божию для неё, совсем юной, не ведавшей, что совершает. О её душе многие годы в храме «Всех скорбящих Радость» молится мать. Дочь была единственной...

Нет в мире случайностей. В печальной истории, так взволновавшей меня тридцать лет назад, теперь вижу предостережение, суровое и своевременное. Быть может, оно уберегло, и в моей жизни удалось избежать отчаянных решений и роковых ошибок. Молодость самолюбива и неразумна. Сказать, положила руку на сердце, все мы, и малый, и старый, нуждаемся в милостыне – в любви. Ждём её от ближних. Но сами, что греха таить, скупы на нежность, горды, больше жалеем себя. Один почтенный человек сказал мне однажды: «Кто жалеет себя, тот бывает палачом для других». И даётся нам боль ... А с ней сочувствие, оживляющее любовь. Ту, что «долготерпит», «всё покрывает», «не ищет своего», но ищет согласия. Ведь если вместе, то и напасти не так страшны, и невзгоды преодолимы. Взаимная любовь – это мало с чем сравнимый праздник желанных встреч, бесед, совместного труда. Как всё живое, любовь нужно питать и оберегать. Есть для неё веками проверенные «витамины»: участливый взгляд, ласковое слово, искренне-сердечное объятие, добрый поступок. Когда любишь, ты должен, ты жаждешь быть рядом. И тогда очень хочется жить, и жить долго! Скажут, любовь хрупка. Да. Но и сильна необычайно. На ней, в этом нет никаких сомнений, тысячелетия, хотя и с большим боем, держится мир. И пока ещё держится.

НЕЧАЯННАЯ РАДОСТЬ

Книга вышла летом. Александра раздаривала её знакомым.

– Сашенька, с рождением «чада»! Сколько волнений и трудов положено! Буду читать твою книгу. Розочки тебе – поздравляю. Привезла с дачи. В пакете немного земли. Пересадите в горшок, будет в доме красота.

– Спасибо, Светик, – голос у Александры звучал виновато, – но у нас, ты же знаешь, не растут никакие цветы почему-то. Уж сколько раз я пробовала.

– А ты ещё раз попробуй. Пусть Володя землю купит в цветочном магазине.

С неожиданным подарком Александра вернулась домой.

– Вот такая тебе задача, муженёк. Света сказала: ты пересадишь, розы приживутся и будут цвести.

– Ну, давай попытаемся в очередной раз. Посмотрим, что из этого выйдет.

На самом деле оба в это слабо верили, но надеяться хотелось. Почему-то комнатные растения у них не росли, вяли, и супруги, за долгое время совместной жизни смилившиеся со многим, смирились и с этим. Хоть и не сразу. Сердце Владимира полонили танцующие фуксии в нарядных юбочках. Какое-то время он одержимо собирал разные сорта, внимательно изучал и старался создать для них благоприятные условия, но... что-то чарующих его «барышень» не устраивало. У Александры душа лежала к другому цветку. Выращивала его с росточка, ожидая в будущем солидное деревце. Одни называли его «денежным», другие – деревом семейного счастья. Но ни одно, ни другое, видно, не желало в их доме пребывать. Цвет усыхал, а с ним таяла надежда на то, что их жилище когда-нибудь украсят милые комнатные создания. Пришлось отнести болящего подопечного в парикмахерскую. Там, в уютном зальчике ожиданий для клиентов, мастерицы устроили оранжерею. Деревце прижилось и среди других растений выглядело вполне благополучно.

Над книгой в творческом вдохновении Александра склонялась не один год и назвала её «Гори, гори, цвет!» Подруга,

по характеру человек отзывчивый, сразу поддержала идею. Вместе они обсуждали новые главы. Сколько веры в успех задуманного излучали её искренние, восторженные глаза, и это передавалось Александре! Подаренные розочки «горели» оранжево-абрикосовыми лепестками. На украшенное теперь окошко приятно было поглядывать, в комнате прибавилось уюта. Прибавились и нехитрые хлопоты. «Здравствуй, милая розочка, моя красавица! – приветствовала Александра утром свою питомицу. – Пора тебе попить водички», – и подливала из кувшина отстоявшейся воды. «Ну, как ты, моя хорошая? Земелька у тебя ещё влажная», – заботливо трогала пальцем грунт. Не забывала на ночь попрощаться: «Спокойного тебе сна, дорогая, до завтра».

Всё это происходило в августе. Однако через некоторое время супругам пришлось наблюдать печальную картину: опали и розочки, и листья. Погибнет? Грустно. Светлана, бывалая цветочница, успокоила: «Не огорчайтесь, это нормально. Пусть дальше растёт, веточки подровняйте».

И она росла. Прямо росла по-настоящему – хорошела.

– Кажется, ей у нас понравилось, – робко предположила Александра.

– Не факт, – скептически откликнулся Владимир, – кто их знает, что у них на уме, у этих цветов.

И правда, могут ли растения думать, чувствовать? Другая подруга рассказывала: её мама разводила цветы, очень их любила, а когда ушла из жизни, они сразу все появили.

Как бы то ни было, роза заметно богатели ветками и листьями.

Пришёл сентябрь. Однажды утром, поливая цветок, Александра не поверила своим глазам – на ветке вспучился маленький ромбик... – бутон! Они с Владимиром радовались ему, как новорождённому. Бутон наливался, становился плотнее, вот уже абрикосовые кончики лепестков выглянули на белый свет. Ко дню рождения Александры розочка раскрылась полностью. Вот так подарок! Почти две недели приветливо горел на подоконнике розовый огонёк, неизменно вызывая умильную

улыбку. Потом лепестки стали терять былую яркость и в один миг осыпались. Горько было собирать их, «поседевшие», беспомощно раскинутые на верхнем слое земли в горшочке.

В подарочном цветении легко увидеть обыкновенную случайность, но очаровательные «сюрпризы» розочка повторила! Она зацвела в особые, светлые для супругов дни. Весной. В марте и мае, ко дню свадьбы и венчания. Преисполненная благодарного чувства, Александра неожиданно для себя сочинила стихотворение и прочла его вслух удивлённому Владимиру, поглядывая при этом на их любимицу и свято веря, что та всё слышит.

*Подарили нам цветок.
Нежный, с розами кусток.
Абрикосовой окраски,
Словно из волшебной сказки.
Роза в пору отцвела
И как будто замерла.
На земле горшка – покров
Из белёсых лепестков.
Я их быстро убрала.
«Ты нам всякая мила.
Не печалься, не грусти,
Главное – живи, расти», –
Утешала я цветок.
Поливала наш росток.
Хорошел он на глазах:
Заветвился, весь в листьях.
И расцвёл в мой день рожденья.
Столько было умиленья!
Может, это совпадение?
Выдал ум своё сомненье.
Может. Осень, бабье лето...
А весной, в марте где-то,
Ко дню свадьбы, вижу – он!
Новый розовый бутон!*

*В мае празднуем венчанье.
Красоту свою в молчанье
Дарит милая опять.
Хочется её обнять!
И откуда знает час?
Роза, видно, любит нас.*

В середине лета, ко дню славных апостолов Петра и Павла, приспела новая нечаянная радость. Окно украсила раскрывшаяся «чашечка» с абрикосовыми лепестками, на вытянутой тонкой зелёной ножке, в окружении свежих листьев! Цветущая роза дарила миру тихое, скромное очарование.

Елена ГЕРАСИМОВА

Елена Владимировна Герасимова – прозаик. Член Союза писателей России (МГО), член-корреспондент Петровской академии наук и искусств, кандидат медицинских наук. С тринадцати лет начала писать рассказы, стихи и сценарии к школьным спектаклям. В 2002–2008 гг. – внештатный сотрудник газеты «Медицинская Академия» (ММА им. И.М. Сеченова), вела юмористическую рубрику «Разбудильник» (45 выпусков), публиковала статьи, эссе, стихи, миниатюры. В 2025 г. издан сборник рассказов «Нарисованные слова». Лауреат конкурса «Лучшая книга года – 2024» МГО Союза писателей России за роман «Шёпот северных ветров». Член «Клуба рассказчиков» (МГО СПР).

Живёт в Москве.

ТРИ РАССКАЗА

Из цикла «Нарисованные слова»

СТРАХ

Собак Ираида Николаевна всегда опасалась, и потому не любила. Кто знает, что на уме у этих лохматых и безбашенных? Может, только и думают, как бы её, Ираиду Николаевну, цапнуть. Оттого и любителей собак за людей не признавала, полагая, что так носиться с «этими мерзкими тварями» могут лишь ущербные и обделённые разумом. И на прогулке, стоило ей заметить мчащийся навстречу восторженный комок шерсти с раскрытой слюнявой пастью, как она принимала боевую стойку и выставляла перед собой купол огромного чёрного зонта, словно гротескная Мэри Поппинс, собирающаяся взлететь. Естественно, в отличие от супер-няни, взлетать она не взлетала, а вот неосторожным и любопытным четвероногим «друзьям человека» от этого монстрического зонта доставалось порой немало. Поэтому все местные псы и их хозяева теперь обходили Ираиду Николаевну за версту, едва завидя на горизонте её внушительную фигуру с неизменным чёрным зонтом в руках или почуяв лёгкий запах нафталина и синтетической лаванды, неизменно сопровождавший её ностальгический костюм из болотно-зелёного джерси.

Возможно, всё дело было в неприятных детских воспоминаниях, которыми нередко делилась она с окружающими, где маленькая Ида едва не становилась жертвой гигантского бродячего пса (а она-то просто хотела покормить «собачку»). Но кошек, как и прочую живность, она тоже не любила, хотя кошки ей лично ничего плохого не сделали.

Так и проходили её дни в борьбе с собаками, спорах с их хозяевами и нравоучительных беседах «по душам» со всеми, кто готов был её слушать или просто не успел сбежать. И всю-

ду сопровождал её огромный чёрный зонт-трость, тяжёлый и устрашающий, как непрменный атрибут её вечной борьбы.

А здесь – вот неприятность! – зонт она забыла. Торопилась в поликлинику и, убаюканная ласковым весенним солнышком и сонным спокойствием тёплого дня, оставила своего верного стража в прихожей. Вспомнила уже в автобусе, но возвращаться не стала: последнее время встречи с собаками практически не случались, путь пролегал по многолюдным улицам, темнело поздно, так что риск неприятного события стремился к нулю. И всё прошло, действительно, гладко: ни одна псина по пути в поликлинику не попала. На обратной дороге она зашла в супермаркет, где приобрела на распродаже солидный батончик сырокопчёной колбасы с фантастической скидкой. Ну и что, что врач ей запретила есть колбасу! Что они понимают, эти молоденькие недоучки! Она же не станет есть весь батон целиком, а по маленькому кусочку... ну, по два... может, по три... Кому навредят три кусочка колбасы? На завтрак, обед и ужин. Ну, может, и на полдник ещё...

Размышляя подобным образом и предвкушая приятное чаепитие, Ираида Николаевна засобиравалась выходить из опустевшего автобуса, но замешкалась, доставая из-под сидения застывшую сумку с колбасой... И тут появилась ОНА! Лохматая псина с флегматичным видом вошла в открывшиеся передние двери и, невозмутимо пройдя мимо застывшей от страха Ираиды Николаевны, спокойно уселась прямо перед ней, полностью перегородив выход.

Ираида Николаевна похолодела от ужаса. Казалось, её застарелый кошмар начал просачиваться в жизнь: гигантская дикая псина нависла над ней, а зубастая пасть всё ближе, ближе... Она бы закричала, но в горле мгновенно пересохло, в голове упругими теннисными мячиками заскакали здравые мысли, ловко ускользая от неё, а язык внезапно прилип к зубам, не давая разжать челюсти.

– Ну! Выходите? – прогромыхал голос водителя, недовольного задержкой.

– Да тут... – невнятно пролепетала Ираида Николаевна, покрываясь новой волной холодного пота. – Тут...

Она попыталась медленно встать и аккуратно спустить ногу в проход, но лохматое чудовище недовольно заворчал и явно нацелилось на эту самую ногу. По крайней мере так показалось насмерть перепуганной женщине.

– Ну! Что вы там застряли? – в который раз дернул её водитель. – У меня расписание!

– С-собака... – громко прошептала Ираида Николаевна.

– Чего? – не расслышал водитель.

– Собака!

– Это кто здесь собака?! – возмутился водитель.

– Гав! – веско бухнула псина.

Водитель подпрыгнул, и кубарем вывалился из кабины.

Ираида Николаевна приготовилась было упасть в обморок, но мысль о скидочной колбасе, с боем отбитой у соседки, тоже нацелившейся на последний батон, в последний момент удержала её в реальности.

– Гав! – снова высказалась псина и, нагло приняхавшись, повернула в её сторону косматую голову. Смотрела она явно не на Ираиду Николаевну, а на сумку с колбасой. Этот факт немного привел её в чувство: псина явно не собиралась пока вгрызаться ни в её ногу, ни, тем более, в горло.

– Не дам! – услышала Ираида Николаевна свой голос как бы со стороны. – Брысь! – зачем-то добавила она.

– Умфф? – псина явно удивилась подобному обращению и, изумлённо приподняв уши, с укоризной посмотрела на Ираиду Николаевну. – Гав! – вроде как «попутали, дамочка, я не кошка, какое там “брысь”».

Тем временем водитель бежал салон и, явившись в просвете раскрытой задней двери, со странным выражением воззрелся на происходящее в салоне.

– С собаками нельзя, мамаша, – строго сказал он. – Тем более без намордника.

– Так не моя это! – отчаянно зашипела Ираида Николаевна. – Сама вошла!

– Не моя проблема! – заупрямился водитель. – Подвиньте её и выходите!

– Как?! – у Ираиды Николаевны задрожали руки. – Она же укусит меня! Смотрите, как слюни пускает! Наверняка бешеная!

Как бы в подтверждение этих слов собачатина в этот момент смачно облизнулась, сглатывая немалую порцию слюны, и уткнулась носом в злополучную сумку.

Ираида Николаевна заверещала не своим голосом и с завидной скоростью вскарабкалась на сиденье около окна, поджав ноги.

Водитель чертыхнулся и протянул было руку к собаке, но та сердито заворчала и клацнула зубами в паре сантиметров от протянутой руки. Водитель отпрыгнул, почесал в затылке и недовольно проворчал:

– Может, и бешеная...

И пошёл обратно в кабину, звонить в соответствующие инстанции. А Ираида Николаевна вновь осталась один на один с лохматым чудищем.

Чудище тем временем встало на задние лапы, опершись на переднее сидение, и снова облизнулось.

Поскольку водитель явно не собирался ей помогать, Ираида Николаевна начала лихорадочно придумывать план побега. Самый логичный вариант – через окно. Но форточка была высоко, да и габариты Ираиды Николаевны явно не соответствовали её размерам, а в углублении рядом с надписью «при необходимости разбить стекло» было пусто – молоточек кто-то заботливо убрал от греха подальше, а может, и взял для каких-либо личных надобностей.

Следующий вариант – перелезть через спинку сиденья назад или вперёд и таким образом добраться до выхода. Но при первой же попытке пошевелиться собака заворчала и громко гавкнула. Ираида Николаевна замерла, прижимая к груди сумку. Собака вновь шумно облизнулась, демонстративно потягивая носом воздух.

Выхода не было. Жизнь дороже колбасы...

Медленно, дрожащими руками Ираида Николаевна развернула драгоценный, с таким трудом добытый батон, мысленно подсчитывая убытки. Лохматый вымогатель снова гавкнул и

нетерпеливо дёрнулся, расшвыривая слюну и искры собачьего восторга в радиусе пары метров. Ираида Николаевна протянула руку, намереваясь отбросить колбасу как можно дальше, чтобы успеть убежать, пока собака будет угощаться... И тут...

– НЕЕЕТ!!! Только не колбаса!!!! – слова были её, но кричал кто-то другой. – Уберите! Уберите ЭТО!!!

Ираида Николаевна коротко вздохнула и приоткрыла глаза.

В дверях стояла взъерошенная женщина лет сорока и с ужасом протягивал руки... к лохматому чудовищу.

– Что вы делаете! – продолжала она кричать. – Я же только что от ветеринара её забрала! Ей нельзя колбасу! Совсем!!! Чапа, Чапочка...

Водитель, потревоженный шумом в салоне, с надеждой выглянул из своего закутка: он только что дозвонился до диспетчера, который никак не мог понять, перевести ли его на линию пожарных, полиции или службы отлова диких животных.

В салоне всё еще сидела крупная дама в болотном джерси, тяжело дыша и обмахиваясь палкой колбасы. А из автобуса выходила другая дама – возмущённая и взъерошенная, как и перепуганный лохматый пуделёк, которого она уносила под мышкой. Вот тебе и дикое животное...

ВОСПИТАТЕЛЬ

Василий Буянов был в общем-то неплохим человеком. А ребёнком он был и вовсе образцово-показательным. Особенно в начальной школе. Его первая учительница – Римма Петровна – так и говорила: «Ты, Буянов, просто образцовый ребёнок!» Дома Василия лаской не жаловали, оттого и слова эти несли особый, сокровенный, только ему ведомый смысл. Потому и учительницу свою он очень сильно уважал и старался проявить себя наилучшим образом не только на уроках, но и после школы.

Пожалуй, только эти три «образцовых» счастливых года у него и были. Начиная со средних классов, сколько он ни старался, «образцовым» быть никак не получалось: то в драку нена-

роком ввяжется, то около разбитого окна не вовремя окажется, то не ту девчонку да не за тот бантик дёрнет – а бантик возьми, да оторвись – вот незадача!

Так и повелось с тех пор: Буянов «хулиган», «задира», «буйный», а потом и вовсе – «позорище никчёмное». Стыдно. Больно. Обидно. Вот и притянуло его к загаражным сомнительным компашкам, где были такие же хулиганы да буйные. Там он не был «позорищем» и не чувствовал неловкости и стыда, как среди «чистеньких» одноклассников и их родителей.

С горем пополам осилив девять классов, он сбежал в техникум, где освоил вполне достойную профессию сантехника и даже смог немного продвинуться на этом поприще. И, вроде бы, стали забываться и «хулиганство», и «задиристость», и «никчемность». И даже плечи он стал расправлять. И при редких случайных встречах с любимой первой учительницей, проживавшей в том же районе, перестал сбегать от неловкости, а напротив, гордо выпятив логотип «ЖилТрестСанТеха» на груди, громко здоровался:

– Здравсьте, Римма Петровна! А я на работу! Вот, видите? Вы обращайтесь, если что... Если что надо-то, – и, широко улыбаясь, шёл дальше, нисколько не сомневаясь, что Римма Петровна теперь не стыдится своего бывшего «образцового» ученика.

Но одна из старых приятельских компаний потянула его за собой – еле от греха уберёгся, благо, что призыв в армию вовремя случился, да мать кому-то взятку удачно дала.

В общем, вернулся Василий относительно недавно, на старую работу устроиться не получились: припомнили ему и историю двухлетней давности, и его «буйство», и полную никчёмность. От тоски и безделья стал он всё чаще делить свою неприкаянность с бутылкой – той было абсолютно всё равно, какие у него отметки в аттестате, где он работает и с какой компанией водится. Бутылка всё стерпит. Да и от чувства стыда и неловкости, иногда по-прежнему посещавших его в редкие моменты прояснения сознания, бутылка оберегала. Ни к чему ему эти муторные переживания. Зачем они хулигану и задире?

Получив очередной отказ на весьма непрестижной, но вынужденно необходимой работе, Василий по привычке пошел искать

справедливость на дне бутылки, а саму бутылку – в местном супермаркете. Время было позднее, темное, магазинчик стоял немного на отшибе и вот-вот должен был закрыться. Скучая, Василий неторопливо подошёл к кассе, и тут перед ним втиснулась мелкая девчонка. Девчонка как девчонка, лет семи-восьми, с двумя тощими косичками и в нелепых круглых очочках.

«Небось, отличница», – неодобрительно подумал Василий: об отличниках он ещё в школе был не лучшего мнения: вечно нос задирают, умничают и бантики непрочные теряют, где ни попадя. А неудачливым одноклассникам потом за эти бантики отвечать приходится.

Ну ладно. Отличница или нет – девчонка совсем мелкая, пусть купит свою жвачку, или что там она хотела.

Но девчонка тупо стояла перед кассой, мяла в руках яркую упаковку и НИЧЕГО не делала.

– Ну, ты, это... давай! – нетерпеливо рявкнул Василий, обдав её мощной волной застарелого перегара и луковой закуски: время было почти одиннадцать, и если он не успеет, бутылка останется в магазине, а сам Василий будет вынужден маяться от сушняка до утра.

Девчушка вздрогнула, подняла на него испуганный взгляд и громко икнула.

– Ну, чё стоишь-то? – «подбодрил» её Василий, одарив попутно парой наиболее приемлемых эпитетов из доступного ему словаря ненормативной лексики.

Девчонка сдавленно пискнула и прижалась к кассовому аппарату.

Василий хотел было её отодвинуть, чтобы пробить вожаделенный товар, пока еще позволяло время, но тут откуда-то вылез щуплый подросток лет двенадцати – длинный, нескладный, обросший и очень борзый.

– А ну, отстань от неё, алкаш!!! – подросток грозно надвинулся на него, как-то не по-нашему размахивая руками. – У меня красный пояс тхэ-кво-ндо!

От неожиданности Василий попятился и даже дар речи потерял на пару мгновений. Но, взглянув на часы – остава-

лось пять минут до одиннадцати, – быстро пришёл в себя и на глубоком возмущенном выдохе выдал шедеврального уровня многоэтажную лингвистическую конструкцию самого отборного русского мата.

– Буянов... – тихий изумленный разочарованный вздох откуда-то из-за спины бойкого подростка. – Как же так?.. Здесь же дети...

Василий поперхнулся, и мощная фонематическая конструкция рассыпалась в прах: сбоку от кассы стояла Римма Петровна и смотрела на него грустно и с сожалением. Никакого осуждения или отвращения во взгляде – только бесконечная грусть. Ну, вот, кто так смотрит на пьяницу и дебошира? Хотя бы немного злости или раздражения! Было бы не так больно...

Василий едва не задохнулся от нахлынувшего жгучего чувства стыда. Вжав голову в плечи и потупившись, он стоял, словно у школьной доски с невыученным уроком.

– Да, я это... – рассеянно забормотал он. – Да я ничего, Римма Петровна... – он замолчал, подбирая слова: в голову лезли только скудные ненормативные эпитеты, давно с успехом заменявшие ему все существительные-прилагательные, а также местоимения, наречия и междометия обычной речи. – Я это... – он сглотнул, пропустив мысленно пару подбадривающих слов исконно русской. – Показать им хотел. Каких слов говорить НЕ НАДО... – снова пауза, мысленно заполненная ёмкими самобытными терминами. – А ВЫ! – он вдруг внушительно надвинулся на перепуганных ребят и для наглядности погрозил пальцем. – ВЫ!.. – он покраснел от натуги, сдерживая рвущиеся наружу не-литературные обороты. – СЛУШАЙТЕСЬ БАБУШКУ!!! Ясно?!

ТЕРПЕНИЕ

Очки были на пол-лица: огромные, блестящие, сверхмодные и абсолютно невероятного «трендового» оливкового цвета. Правда, у Айки, этот цвет вызывал ассоциации весьма далёкие от моды и оливок. И назвать этот цвет хотелось совсем

по-другому. Да и обладатель этих очков, по мнению Айки и толпы посетителей кафе-бистро на Ярославском вокзале, соответствовал именно этому, другому названию, так как вот уже пятнадцать минут он не мог решить, хочет ли он ролл с тунцом, или онигири с крабом или сэндвич с индейкой. При этом он требовал, чтобы назвали дату производства, дату упаковки и состав соуса, а также: был ли тунец диким или его держали в неволе, какой уровень свинца был в море, из которого выловили краба, и кормили ли индейку гормонами.

Айка уже выучила наизусть все этикетки, рассказала о количестве белка и консервантов, показала свою санитарную книжку и регистрацию и даже науглила уровень свинца в Охотском море... Выслушав её подробный отчёт и маленькую лекцию о пользе морепродуктов и современных стандартах выращивания индеек, он, посомневавшись ещё минут пять, остановил свой выбор на гречневой лапше с овощами. И принялся выбирать напиток и десерт: с той же неторопливой дотошностью, как и основное блюдо. За это время в кафе набилась целая толпа жаждущих кофе, роллов, сэндвичей и свежей крови измученной бариста: электрички ходили строго по расписанию и не желали ждать застрявших здесь пассажиров.

Но... Терпение, терпение, и ещё раз – терпение. Терпение и вселенское спокойствие, мир, любовь, объятья... Как там еще было на тренинге? Всеприятие? Вот, попробуйте-ка «всеприять» вот это самое оливкового цвета! Сюда бы сейчас того заумного коуча, потренировать вселенское спокойствие!

Айка в который раз воспроизвела на лице дежурную улыбку и попыталась-таки «всеприять» лицо за оливковыми очками.

– Какого цвета? – бодро переспросила она и сделала улыбку ещё шире.

Нос под оливковыми очками сморщился.

– Зелёного, – проговорил он, презрительно скривив губы. – Стаканчик зеленого цвета. – А пирожное – фиолетовое.

– Это пирожное? – на всякий случай уточнила она, доставая черничный чизкейк.

– Здесь что, есть еще одно фиолетовое пирожное? – оскорбились очки. – Вы вообще знаете свой ассортимент? А? – он повысил голос и выразительно фыркнул. – Упакуйте с собой вон в ту коробочку. И завяжите красный бантик!

Тут уже Айка не выдержала. Откуда в фаст-кафе взяться красному бантику? Она хотела снова возразить, но, столкнувшись с сердитым взглядом старшей по смене, от которой зависело её предстоящее повышение, она вспомнила слова коуча о терпении и всепринятии.

– Простите, – вежливо сказала она, – у нас нет красных бантиков.

– А где они? – оливковые очки удивлённо сползли к кончику носа и над ними показались изумленные мутно-голубые глаза.

– Закончились, – как можно серьёзнее ответила Айка. – Вместе с зелёными стаканчиками.

– А какие остались? – глаза продолжали удивленно таращиться, придавая их обладателю вид ошеломленного краба.

– Остались только синие, – брякнула Айка и покосилась на кулак старшей по смене, который та показала ей из-под прилавка, – и серо-буро-малиновые в крапинку.

– Не, ну это совсем не по фэн-шуй, – расстроились оливковые очки. – А оранжевой коробочки нет?

– Нет, – тяжело вздохнула Айка, словно и в самом деле сожалела об отсутствии оранжевой коробочки. – Но есть оранжевые макаруны...

Десять минут спустя, перепробовав все макаруны на цвет, вкус, запах и «фен-шуй», посетитель в оливковых очках вышел из кафе с глубоким удовлетворением на лице и огромной упаковкой десертов в руках, а заждавшиеся посетители жадно набросились на Айку, требуя возместить потраченные впустую время, нервы и желудочный сок.

Но... Терпение, терпение, и ещё раз – терпение. Терпение и вселенское спокойствие, мир, любовь, всепрощение и всепринятие...

Проводив последнего посетителя, Айка с трудом размяла затекшие от широкой рабочей улыбки губы и повернулась в

сторону старшей по смене, намереваясь пожаловаться на посетителя в оливковых очках или хотя бы получить свою порцию комплементов, ведь она умудрилась обойтись без единого скандала и всем угодить. Но, встретив странный, горящий нездоровым энтузиазмом взгляд, насторожилась.

– Знаешь, Айка, – сказала та, – а про красный бантик, это было ничего! Неплохая идея! Завтра будем всем завязывать бантики! Какой там цвет подходит по фэн-шую?

Айка тяжело вздохнула. Терпение, терпение и ещё раз – терпение. Терпение и вселенское спокойствие. И всепринятие. И сверху на все это – красный бантик. Или серо-буро-малиновый. В оливковую крапинку.

Виктор НОСАТОВ

Виктор Иванович Носатов – прозаик. Родился 10 марта 1953 года в пригороде Алма-Аты. После окончания Алма-Атинского Высшего пограничного командного Краснознаменного училища КГБ при СМ СССР проходил пограничную службу на Дальнем Востоке, в Казахстане и в Афганистане. Награждён медалями «За боевые заслуги», «За отличие в охране Государственной границы». Полковник в отставке. Член Союза писателей России (1996). Автор серии военно-исторических романов и повестей о военных контрразведчиках и пограничниках. Удостоен многих литературных наград. Дипломант конкурса МГО СП России «Лучшая книга 2008–2011» (2012). Лауреат Премии ФСБ России в номинации «Художественная литература и журналистика» (2009, 2018). Победитель международного литературного конкурса «СЛАВЯНСКАЯ ЛИРА – 2024» в номинации «Малая проза».

Живёт в Москве.

ЗА ДРУГИ СВОЯ

Рассказ

Афганистан. Солнце, достигнув наивысшей точки, нещадно палило, обжигая своим иссушающим жаром двух бойцов, ведущих наблюдение за Зелёной долиной из довольно просторного окопчика. Всё вокруг дышало миром и спокойствием. На полях и виноградниках мирно трудились дехкане, над глинобитными крышами домов близлежащего кишлака вились чуть заметные дымки. Но эта идиллическая картина обрывалась сразу же, как только взгляд скользил по ухабистой сельской дороге, расчленяющей «зелёнку» на две части, где невольными памятниками войны застыли закопчённые, искорёженные остовы боевых и транспортных машин. Невдалеке от них видны ещё свежие могильные холмики мусульманского кладбища, утыканные по периметру шестами с разноцветными лоскутами.

Боец постарше, светловолосый, голубоглазый ефрейтор, сдвинув на затылок выгоревшую, выдавшую виды панаму, сосредоточенно шарил вооружённым биноклем взглядом по глинобитным лабиринтам соседнего кишлака. Пот грязными ручейками стекал по его загоревшему до черноты, обветренному лицу. Но он не обращал на это внимания, лишь иногда смахивал его рукавом, чтобы не заливал окуляры.

Вершина холма, на которой расположился окоп, гола как голова плешивого. Поросли верблюжьей колючки, кое-где ещё прикрывающие выжженную солнцем землю, запасливые дехкане сбрасывали начисто, ибо всё, что горит, в холодные зимние дни здесь идёт в топку.

Внезапно на этой плеши появилось чудовище с извивающимся в смертельном танце телом. Это скорпион. Он смело взобрался на ещё не обсохший при рытье окопа глиняный ком и замер в угрожающей позе. В готовности к последнему удару

он серпом изогнул свой страшный хвост, словно проверяя – на месте ли жало.

Второй наблюдатель, черноволосый, довольно смуглый на лицо боец, только что с интересом наблюдавший за скорпионом, прикрыв глаза ладонью, всматривается вдаль невооружённым взглядом. По напряжённно-восторженному блеску его чёрных, как угольки, глаз можно было понять, что это его первая боевая операция, его первое знакомство с неведомой и от этого ещё более загадочной афганской землёй. Его цепкий взгляд фиксировал и разноцветные квадратики пашен, разбросанные латаным – перелатанным ковром по окрестным горам и предгорьям, и изумрудно-зелёные островки топольков, растущих на берегах петляющей по дну долины речушки, и, словно пчелиные соты, прилепившиеся к довольно крутым склонам гор, многолюдные кишлаки. Его юношеское воображение особенно поражала рациональность в деятельности селян. Ни одного пустующего клочка земли, ни в долине, ни на близлежащих склонах гор. Даже дома в предгорьях лепились один к другому, чтобы было больше места для пашни. Поражало трудолюбие крестьян. С самого раннего утра ведут они наблюдение за местностью из этого окопа, а не видели, чтобы кто-то из дехкан хоть на минуту присел. Понятно, что пора страдная, но зачем же изнурять себя трудом. Ведь в свои неполные девятнадцать он твердо знал, что труд должен приносить радость.

– Слушай, Марат, – прервал его думы ефрейтор, – хочешь посмотреть на афганских женщин без паранджи? – Он, обтерев окуляры о край гимнастерки, подал бинокль напарнику и указал, куда смотреть.

– Это женская половина, – начал назидательно пояснять ефрейтор. – Самое запретное место в любом доме. Видишь, рядом с голубым куполом мечети минарет возвышается? Так вот, с этого минарета муэдзины народ на молитву раньше созывали и, чтобы те не могли заглянуть к кому-то во двор, выкалывали им глаза. Правда, сейчас такого нет, муллы обзавелись хорошей японской аппаратурой. Слушай и запоминай, пока я рядом, – благодушно добавил он.

– Не вижу там ничего интересного. Женщины как женщины, хлопочут по хозяйству. И что здесь интересного?

– Послужишь с моё, узнаешь, – пробурчал недовольно ефрейтор и забрал бинокль.

Марат промолчал. Не хотелось портить с ним отношения. Ещё на базе, когда он только коснулся афганской земли, прыгнув с вертолёта, первым, кого он встретил, был Игорь.

– Ну что, салага, с приземлением тебя, – грубовато, но дружелюбно встретил тот его. – Давай знакомиться – Игорь, а тебя как звать?

– Марат!

– Вот тебя-то мне и надо, – удовлетворённо промолвил он, – ты назначен вторым номером в расчёт автоматического гранатомета, где я самый главный начальник.

– Вот тебе моё первое боевое задание, – сказал, усмехнувшись, Игорь, – выдраишь гранатомёт и станок до блеска, – и, насвистывая, ушёл по своим делам.

Скверно было на душе. Все прибывшие с лагерем знакомятся, а ему здесь, оружие чистить. Но ничего, скрепя сердце Марат драил ствол и коробку.

– Что, солдат, пригорюнился? – весело спросил вернувшийся в роту Игорь. – Мы теперь боевой расчёт и все зависим друг от друга. Мне скоро домой, и потому я хочу, чтобы и ты года через полтора домой живым и здоровым дембельнулся. Так скажу: пока я есть, учись...

Внезапно размышления Марата прервало восклицание напарника:

– Вот гады, прут себе как на базар. И что там наши смотрят?

– Видишь на дороге, что в долину спускается пыль?

Марат, сделав руку козырьком, присмотрелся.

– И в самом деле, пылища, словно табун лошадей гонят, – удивлённо сказал он.

– Какой тебе табун, «духи» на конях гарцуют... Тебе не кажется, что вокруг всё на удивление тихо? Никто не стреляет. Их же гаубицами можно накрыть.

Но шли минуты. Банда на всём скаку залетела в кишлак и растворились в нём.

– Полсотни, не меньше, – быстро определил Игорь. – Давай-ка сбегай наверх, посмотри, чего там наши молчат.

Марат поспешил на макушку сопки. В груди то ли от бега, то ли от предчувствия чего-то неведомого сердце ходило ходуном. Вскоре он уже с тоской обозревал место, где ещё недавно в стро-гом боевом порядке стояли их боевые машины и артиллерия, рыли на склонах укрытия боевые расчёты и окопы автоматчики. Там виднелись лишь следы поспешного убийства войск: полуза-сыпанные капониры и окопы, да разбросанные там и сям ящики из-под боеприпасов.

Солнце, преодолев больше половины пути, припекало ещё сильнее, но Марат вдруг почувствовал, что его пробивает хо-лодная дрожь оттого, что они теперь остались одни во всем этом знойном, чужом и опасном мире. В мгновение ока всё раз-делилось на то, что было, и то, что есть сейчас – невероятное и пугающее своей неизвестностью.

Окинув насторожённым взглядом окрестности, Марат за-метил, что по дороге, ведущей с гор в долину, движется толпа моджахедов. Вскоре оттуда поочерёдно донеслись три выстрела и, словно эхом, откликнулся тремя выстрелами кишлак.

«И там «духи»», – удручённо подумал он, стараясь вжаться в землю. Ползком пробрался к оврагу и, разбивая в кровь руки, бросился вниз, быстрее к Игорю.

– Там никого, кроме «духов», нет, – почему-то шёпотом про-хрипел Марат.

– Вот так влипли! – задумчиво произнес Игорь. – Здесь нам оставаться опасно, «духи» могут зайти с тыла. Давай-ка выби-раться на соседнюю сопку.

Разрядив гранатомёт, взяв его вместе с автоматами в охапку, прихватив коробки с гранатами, они стали скрытно перебираться в другое место.

Вершина соседнего холма была плоская, что позволяло не-заметно для противника оборудовать не только позицию для гранатомёта, но и открыть некоторые элементы круговой обо-

роны. Работали молча. Верхний слой, иссушённый зноем, подавался с трудом.

Привстать и всем телом надавить на лопату, но зачем раньше времени обнаруживать себя? Приходилось долбить глиняный монолит лёжа. Только сняв на полметра корку, они облегчённо вздохнули.

Первый перекур сделали, когда отрыли позиции для гранатомёта. Стол для станка немного углубили, чтобы оружие резко не выделялось.

Гранатомёт быстро собрали, зарядили и накрыли сверху выгоревшей под цвет местности плащ-палаткой. Курили молча.

– Ну что, отдохнул? – прервал Игорь звенящую тишину. – Давай дальше рыть, работы ещё немало.

Он первым выполз из окопа, неторопливо разметил ещё три окопчика по периметру плоской макушки.

– Потом соединим их неглубокой траншеей, и тогда чёрта с два они нас возьмут! – В его голосе слышались уверенность и спокойствие.

Вскоре, поглощённый рытьем укрытия, Марат уже не думал о том, что они здесь одни. В глубине сознания всё больше и больше пробивалась надежда, что в части скоро спохватятся и начнут их искать.

«С таким парнем, как Игорь, не пропадёшь», – удовлетворённо думал он, вгрызаясь вглубь сопки.

Чтобы бандиты не заметили их приготовления, Игорь посоветовал для маскировки не разбрасывать иссохшиеся комки, а складывать их по периметру будущего бруствера.

Солнце, постепенно ослабляя жар, приближалось к закату, когда ребята, отдыхая после тяжёлой работы, вдруг явственно услышали непонятный шум, долетающий из кишлака, и разрозненные выстрелы. Вскоре из дома, стоящего на окраине, повалил густой дым. Белые стены его, покрываясь копотью, чернели на глазах. Через несколько минут обвалившаяся кровля погребла под собой всё. Вокруг пылающих развалин, размахивая руками, бегали люди, пытаясь хоть что-то спасти, но их оттесняли всадники с винтовками за плечами.

– Вот гады, школу жгут, – сказал Игорь, в бессилии играя желваками.

Огонь догорал, когда они увидели, что от огнища в их сторону движется толпа. Впереди шли два афганца в белых одеждах, со связанными сзади руками. За ними, то и дело наскakiвая на пленников, горячили коней всадники. Спешившись у подножия холма, один из бандитов швырнул пленникам по лопате.

Наблюдая за всем этим словно во сне, Марат никак не мог уяснить для себя, что перед ним не на экране кинотеатра или телевизора, а наяву предстоит самая настоящая средневековая казнь, и что те два афганца роют себе могилы. Невольно у него вырвался вопль страха и отвращения. Почувствовав, как пальцы Игоря до боли сдавили плечо, он пришел в себя. Увидев поднесенный к его губам палец, виновато закивал головой.

Старик и молодой мужчина, закончив свою скорбную работу, став на колени, совершили последний намаз. Встали, стряхнули прилипшие к шароварам комочки земли и замерли в ожидании смерти.

Душманы не торопились, они, словно наслаждались состоянием жертв. Вскоре от толпы отделился большого роста, широкоплечий басмач, покрытый чёрной шерстью почти до самых бронеё. Он схватил в охапку старика и силой поставил перед ямой на колени. Одной рукой схватил за ноздри, приподнял голову и в то же мгновение, выхватив широкий, холодно блеснувший нож, полоснул им по горлу. Старик захрипел и упал в уготованную себе могилу. Настала очередь второго пленника.

Марат с ужасом наблюдал за этой картиной, кусая в кровь губы. Указательный палец от напряжения занемел на спусковом крючке автомата. Сняв оружие с предохранителя, он передёрнул затвор, но тут же снова ощутил на своем плече мёртвую хватку пальцев Игоря.

– Ты что делаешь, ведь их теперь не меньше сотни, они нас не днём, так ночью перебьют.

– Ну не могу я смотреть на это зверство, душу рвёт. Если мы не вмешаемся, снова прольётся кровь.

Игорь молчал. Он ещё раз оценивающе осмотрел скопившихся возле могилы старика душманов. Молча сдёрнул с гранатомета плащ-палатку и, почти в упор направив ствол на толпу, приказал:

– Целься в ноги. Огонь откроем одновременно.

Бандит, ничего не подозревая, гаркнул что-то в толпу и развалистой походкой двинулся к своей новой жертве.

Тщательно прицелившись, чтобы свалить здоровяка первым выстрелом, Марат дал короткую очередь. Душман упал как подкошенный, медленно осел в яму, где лежал убитый им старик. В толпе произошло замешательство, и в это время открыл огонь Игорь. С глухим звуком рвались гранаты, круша осколками всё на своём пути.

Марат заметил, как второй пленник, воспользовавшись паникой врагов, прыгнул в свою несостоявшуюся могилу и замер там.

«Теперь можно поливать бандитов свинцом без опаски за спасённого афганца», – подумал Марат, стараясь бить прицельно в самую гущу толпы.

Вскоре душманы пришли в себя и кинулись врассыпную, оставляя убитых и раненых.

– Ну, теперь держись, брат Марат. Сейчас они очухаются и полезут к нам. Они в этом деле настырные.

Пользуясь недолгим затишьем, солдаты занялись снаряжением магазинов и коробок с боеприпасами.

Бандиты не заставили себя долго ждать и открыли по сопке огонь.

– Снимай гранатомёт со стола и прячься на дно окопа. Я наблюдаю за ними.

Марат неуклюже полез за оружием, в это время по каске чиркнула пуля. В голове зазвенело, словно большой колокол рядом прогрохотал. Очухавшись, он, не поднимаясь, схватился руками за станок и опрокинул гранатомёт в окоп.

Солнце уже наполовину скрылось за хребтом.

Видя, что сопка молчит, моджахеды осмелели. Встав во весь рост, они пошли на приступ, но, не дойдя до подножия и сотни

метров, наткнулись на стену огня, и неся большие потери, отхлынули прочь. Залегли за дувалами и снова начали методический обстрел сопки.

Лишь только солнце скрылось, с гор в долину хлынул поток прохладного воздуха. Дышать стало легче, да и пот уже не заливал глаза. Подавив в себе трусливое желание сжаться в комочек и лежать на дне окопа, Марат выглянул на мгновение из-за бруствера. Над долиной быстро опускались сумерки. Улицы и дома кишлака уже успели слиться в единую серо-коричневую массу, только деревья, подсвеченные закатом, ещё сохраняли свой изумрудно-зелёный цвет.

Внезапно бандиты прекратили огонь. Игорь, пользуясь затишьем, приполз в окоп Марата и, щелкнув по каске, недовольно сказал:

– Ты что ж это без нужды голову под пули подставляешь? Так её ненадолго хватит.

Марат, ни слова не говоря, просто подсел к Игорю, прижался к нему. Так ему было спокойней. Разговаривать не хотелось, курить тоже.

– Что-то подозрительно тихо, – прервал молчание Игорь, – пойду-ка посмотрю, что они там затевают.

Он пополз к крайнему со стороны гор окопчику и вскоре затих там.

Марат, пробив прикладом в земле небольшую амбразуру, наблюдал за окрестностями кишлака. Внезапно услышал у подножья сопки шорох. Взглянув вниз, увидел, что спасённый от казни афганец, что-то крикнув в их сторону, схватил у одного из убитых бандитов винтовку и был таков. Только пятки зашверкали.

«Вот неблагодарный, – подумал Марат, – мы его спасли, а он вместо того, чтобы с нами отбиваться, трусливо улепетывает».

Вскоре белая фигурка афганца скрылась на окраине кишлака. Прошло десять томительных минут, ничто в окрестностях долины не напоминало о бандитах, они словно вымерли.

Марат, приподнявшись над окопом, спросил нетерпеливо:

– Ну что там, Игорь? Видно что-нибудь?

– Да пока ничего не видно, не слышно. Что же они там, гады, затевают?

Марат впервые услышал в его голосе колебание и страх.

«Нет ничего хуже неизвестности, – думал он, чувствуя, что вместе с горным холодком и в его сердце прокрадывается боязнь ещё ему неведомой, но реальной и страшной опасности.

На небе появились первые звезды. Марат остановил взгляд на наиболее яркой из них и вдруг с удивлением обнаружил, что она медленно движется.

«Ведь это, наверное, спутник!» – подумал он.

Контрасты длинного, как жизнь, дня с огромной скоростью пронесли в его мыслях. Средневековая экзекуция, окровавленный нож и этот спутник – дитя современной цивилизации.

В кишлаке слышались крики, одиночные выстрелы, и вскоре Марат увидел, как по дороге к перевалу, куда спешно ушёл их батальон, скачет всадник. Белая одежда его развевалась.

– Игорь, слышишь стрельбу, по-моему, афганец, которого мы спасли, скачет к перевалу.

– Это меняет дело, – бодро произнес ефрейтор.

И в этот момент у подножия холма раздался первый взрыв, потом второй, третий.

– С миномёта, гады, садят! Перелазь в противоположный окопчик, – приказал Игорь, – ложись на самое дно и не высывайся.

Мины со свистом впились в окаменевшую глину и с грохотом рвали её на части. Иногда снаряды ложились совсем рядом, и тогда град комков и комочков окатывал бойцов, заставляя плотнее прижиматься к земле, но, видно, мастерства миномётчику не хватало. Уж слишком большим был разброс мин.

– Они, наверное, без прицела смолят, – радостно сообщил Игорь, – так что есть шанс пережить обстрел.

Через несколько минут после того, как упала последняя мина, со стороны кишлака и от предгорий пошли моджахеды. В сгущающейся темени были видны лишь их силуэты да белые тюрбаны.

Игорь полез за гранатомётом, чтобы стукнуть по ним ещё на дальних подступах, но в это время моджахеды открыли огонь с третьей стороны, из-за дувалов. Марат вдруг услышал, как что-то шлёпнуло рядом, и скорее почувствовал, чем увидел, как Игорь замер на месте, не успев доползти до окопа. Сделав несколько длинных очередей в сторону дувалов, он выскочил из укрытия и быстро, перекатившись всем телом, шмякнулся на гранатомёт. Скуля от боли, он поднялся и, схватив Игоря за вытянутую вперёд руку, втащил в окоп. Осмотрел его. Ощупывая штанину, наткнулся на что-то горячее и липкое. Преодолевая тошноту (его всегда мутило от крови), Марат разорвал брюки. Медленно, как на учениях, наложил жгут, марлевую повязку, сделал противошоковый укол. Игорь очнулся, дёрнулся и, матерно ругаясь, застонал:

– Лезь в мой окоп, сколько сможешь, отбивайся от тех, что со стороны гор идут. Остальными я сам займусь.

Пока Марат занимался перевязкой, моджахеды подошли почти к подножию сопки. Где-то на середине её взорвалась граната, потом другая.

– Ах, так, – процедил он сквозь зубы, – ну, получайте.

Не ожидая отсюда огня, боевики в замешательстве топтались на месте, некоторые из них, в запале, ещё пытались забросать окоп гранатами, но падали, словно подкошенные. Гранаты катились по лысой и твёрдой как камень земле вниз по склону и с грохотом рвались в толпе. Первая волна атакующих откатилась и, спрятавшись в овраге, открыла огонь по сопке. Марат, наученный горьким опытом, присел в окопе, ожидая, пока огонь стихнет.

Рядом дробно стучал автоматический гранатомёт. Марат, выкроив минуту затишья, наблюдал сполохи разрывов за дувалами и на дороге, ведущей из кишлака.

Бандиты снова ослабили огонь, а затем и вовсе прекратили его.

– Снова минами выковыривать будут, – сквозь зубы процедил Игорь. – Помоги мне выбраться отсюда, уж очень позиция приметная, налёт надо переждать подальше от неё.

Марат помог ему добраться до дальнего окопчика, а сам спрыгнул в свой. В ушах звенело от непривычной тишины. Марат облизал сухие, отдающие горечью и солью губы.

«Долго им так не продержаться, – лихорадочно работала мысль, – куда-то отсюда надо бежать, так Игорь теперь не ходок. Они могли бы раствориться в чернильной темноте горной ночи, но... Как некстати Игоря ранило».

Марат разложил перед собой магазины. Два были пусты, один расстрелян наполовину. Потянулся за цинком, нашарил там несколько последних пачек и снарядил пустые магазины.

«Хватит ещё на такую атаку, – с горечью подумал он. – А потом что делать? Ведь голыми руками возьмут».

Он нащупал в боковом кармане гимнастерки гранату.

«Так просто я им не дамся!»

– Игорь! – крикнул он. – У тебя сколько патронов осталось?

В соседнем окопе загрохотал цинк, зашуршала бумага.

– Да ещё с четверть цинка наберется, а у тебя как?

– У меня последние в магазинах.

– Тогда лови.

Боевики опять начали обстрел. Мины, как и прежде, ложились где попало. Марат напряжённо считал каждый взрыв, когда он дошёл до двенадцатого, услышал вскрик Игоря. Вскочил и, не прячась, метнулся к его окопу. Окопа не было, рядом с ним зияла средних размеров воронка. От взрывной волны стенки окопа разрушились, погребя под собой Игоря. Виднелась только его рука, которая, судорожно цепляясь за комья, отгребала их от головы. Марат, ломая ногти об окаменевший грунт, начал разгребать землю руками. Откопав раненного наполовину, он с трудом приподнял его и медленно потащил в свой окопчик. Там он растегнул Игорю гимнастерку. Осколок пропорол грудь, кровь из раны сочилась толчками. Вскрыв пакет, Марат наложил тугую повязку, и только после этого опустил Игоря на дно окопа.

– Игорь, Игорь, ты меня слышишь?

Игорь открыл глаза и тут же весь сморщился от боли.

– Игорь! – опять позвал Марат, но тот, глядя в одну точку, молчал.

Приподняв его голову, Марат увидел, что кровь у него сочится из ушей.

«Контузия, этого ещё не хватало», – обречённо подумал он, всем своим существом боясь остаться в одиночестве.

Миномётный обстрел прекратился, и боевики снова открыли по сопке огонь из автоматов и винтовок. Оставив Игоря в окопе, Марат кинулся к гранатомёту, но тот был иссечён осколками.

«Патронов осталось на несколько минут боя, – подумал он, переползая в уцелевший окопчик и в это мгновение почувствовал жгучую боль в предплечье. Глухо застонал, пытаясь разорвать рукав. Пошевелил пальцами.

«Кость не задета», – удовлетворённо подумал он.

Вдруг словно лезвием бритвы полоснуло по ногам.

– Игорь, Игорь! – только и успел он крикнуть, теряя сознание.

Очнулся через несколько минут на дне окопа. Рядом, привалившись к стенке окопа, сидел Игорь.

– Держись, парень, – глухо промолвил он, облизывая языком пересохшие губы, – за нами непременно придут!

Миномётный огонь не прекращалась. Рядом не было ни автомата, ни лопатки, а сдвинуться с места он не мог.

«Ноги, наверное, перебило», – мелькнула страшная мысль, и голова закружилась снова. Борясь со слабостью, Марат вытащил из гимнастерки гранату и, выдернув чеку, крепко зажал её в руке.

«Живым я врагу не дамся!» – подумал он и с надеждой взглянул на Игоря.

– Не высовывайся! Ложись на дно окопа, я прикрою! – это были последние слова Игоря, которые Марат услышал перед взрывом мины.

Когда предупреждённый афганцем батальон прибыл на место ночного боя в зареве прожекторов, ему предстало трагическое зрелище. Несколько десятков трупов боевиков лежало вокруг неприступной крепости. Воронки от мин, вздыбленная земля, и среди этого скорбного хаоса два неподвижных тела:

бездыханное – Игоря и израненное, но ещё теплящееся жизнью, – скулящего в бреду Марата.

Оказывая первую помощь раненному бойцу, капитан медицинской службы неожиданно обнаружил у него зажатую в руке гранату. С трудом разжав его посиневшие пальцы, он резко отбросил взведённый снаряд в овраг. И словно символический салют русскому воину, положившему жизнь за други своя, прогрехотал взрыв, тревожный гул от которого разнесся по самым удалённым ущельям Зелёной долины.

Кирилл УСАНИН

Кирилл Усанин (Николай Петрович Попов) – прозаик, поэт. Родился в 1940 г. в г. Копейске Челябинской области. Окончил Литературный им. А.М. Горького. Работал редактором отдела прозы в журнале «Наш современник», старшим редактором в редакции национальных литератур издательства «Современник». Автор более десяти книг прозы и двух книг поэзии.

Живёт в Москве.

ДВА РАССКАЗА

ВСЁ ЕЁ БОГАТСТВО

В последний свой приезд на малую родину, в уральский шахтёрский посёлок Горняк, решил я пройти по окраинным улицам, что находились рядом с коллективным садом. Я даже там побывал вместе с племянницей Таней, у которой я обычно останавливался. Побывал и в самом городе у своих друзей по редакции, а здесь, у себя в посёлке, чаще был в центре.

И только сегодня, в тихое июльское утро, спокойно шагаю по самой крайней улице, которая больше напоминает сельскую. Широкая просёлочная дорога, аккуратные частные дома, палисадники, где буйно растут садовые кустарники, да высокие, стройные берёзы как напоказ выступают едва ли не к самой дороге. Вот мы какие, совсем как в настоящем лесу. Да и до самого леса недалеко. Оттуда набегают свежий утренний ветерок.

Но через час-другой и его не слышно. Солнце поднялось в глубь безоблачного чистого неба, и шаг мой всё медленнее, пока я не понял, что самое лучшее сейчас – это выпить кружку холодной воды. Я сошёл с дороги к бревенчатому дому, остановился у зелёной ажурной калитки, позвонил. Что ж, подожду, когда кто-нибудь из хозяев откроет калитку. И был удивлён, что калитка тотчас же открылась, и я увидел пожилую женщину в широком ситцевом платье с длинными рукавами. Вся она выглядела празднично и нарядно, было видно, что она кого-то ждала. Но вида не подала, а вежливо спросила:

- Поди, кого ищите?
- Прогуливаюсь... А солнышко вон какое... Мне бы воды...
- Да, жарит всю. Прямо на загляденье, – она обернулась, крикнула. – Митрий, воды принеси колодезной.
- Уже несу, – прошелестел издалика мягкий мужской голос. А женщина внимательно оглядела меня.

– По одежде вижу, человек городской. Верно?

– Да, – улыбнулся я. – В гостях был, а завтра уезжаю. Напоследок решил прогуляться.

– Это хорошо, – ответно улыбнулась женщина. – А вот и Митрий. Вон какой прыткий, а тут задержался.

Вышел из калитки невысокого роста ещё крепкий, жилистый мужчина, бережно протянул мне медный ковш холодной колодезной воды, извиняюще сказал, обращаясь к хозяйке:

– За крышку зацепился. Зато прочно держится. Твои сорванцы не сорвут... Что-то запаздывают они. Пора бы...

– И это верно, – женщина взглянула на дорогу, вздохнула, повторив. – Пора бы, – и обращаясь ко мне, сказала: – Внучат своих ожидаю. На машине должны прикатить. На этом самом...

– Такси, – подсказал Митрий. – Можно и запомнить...

– Ишь ты, какой грамотей, – отмахнулась женщина. И снова обратилась ко мне. – Всё газетки читает. Почтальонша целое время приносит.

– Не берема, а пачку, аккуратную...

– Спасибо, – поблагодарил я.

Мне стало душевно и тепло. Постояли мы все вместе чуток всего, а вот они мне уже как свои, родные и близкие.

Принял от меня пустой ковш Митрий, вежливо обратился к женщине.

– Так мне редис нарвать, Василиса Панкратовна?

– А то как же. Только чтоб он был красненький, круглый. И помыть не забудь.

– Всё будет в ажуре, – засмеялся Митрий. – Так я побегу.

– Вот он какой прыткий, – повторила ласково женщина, и, назвала себя: – Так и есть Василиса Панкратовна. А тебя?

– Дмитрием буду.

– Значит, Митрий. Как своего кличу. А он до сего дня уважительно называет меня по имени-отчеству. Даже когда одни остаёмся. Привыкли мы друг к дружку, вот уже четвёртый год вместе... своего-то Георгия я пять лет назад потеряла. Ушёл, родненький. Сердце в одночас отказало. А прожили мы с ним

почти полвека, душа в душу. Пятерых нарожала. Перед самой войной первенец появился, а тут – война. Моего забрали. Мог бы и остаться – шахтёром был, человеком нужным. Нет, настоял на своём. А сам знаешь, какие это годы были. Вот и не смогла первенца уберечь. Зато Георгий живым-здоровым вернулся. Тут мы наверстали своё, упущенное. Четверых воспитали, всех на ноги подняли. Все в разных городах живут. Старший – аж в Магадане, старшая дочь – в Астрахани, а младший – неподалёку, в самом городе, и младшая там же. И у всех – дети, мои внучата. Восемь их у меня. Сегодня сына младшего поджидаю. У него трое. А завтра обещает младшая. У неё тоже трое. Так что внучатами я богатая... Вот только осталась без Георгия. Дети уговаривали: дом продай, к нам приезжай, одной-то тяжело хозяйство держать. Да, склонялась к тому, чтоб перебраться в город, да тут вот вдовый сосед, Митрий, повстречался. Сначала помогал, а потом насовсем перебрался. Теперь веселее стало, спокойнее, без всяких забот. И все дети мои его своим признали. Теперь не зовут, а рады, что всё так оно обернулось. Вот он, опять налегке. Чего забыл, Митрий? – ласково проговорила Василиса Панкратовна.

– Призабыл я, Василиса Панкратовна, – он держал в руке кругленький, красный редис. – Обрывать мне хвостики? Или оставить?

– Оставь. Пускай ребятишки сами позанимаются этим. Пускай потихоньку привыкают. Верно говорю?

– Верно, Василиса Панкратовна, – уважительно проговорил Митрий и доверительно признался: – Вот она какая... Может, ещё воды принести? Колодезной.

– Спасибо. Напился я. Спокойно дойду.

– Дело, конечно, хозяйское, – улыбнулся Митрий и обратился к Василисе Панкратовне. – И ты бы, Василиса Панкратовна, в тенёк перебралась.

– Да нет, постою. Должны вот-вот приехать.

– Так я побегу, – сказал нетерпеливый Митрий и ушёл за зелёную калитку.

Василиса поглядела вслед, вздохнула:

– Ему тоже невтерпёж. К погребу побежал. Оттуда вся дорога видна. И тут опередить меня хочет... А может, всё-таки колодезной?

– Теперь я спокойно дойду.

Но я не тронулся с места. Захотелось дожидаться приезда дорогих её сердцу внучат, порадоваться с ней. Да и с Митрием тоже.

И в этот момент я вспомнил, что у меня в большом городе всего один сын, а у него всего одна дочка Леночка, и она пока ещё не замужем, хотя пошёл ей двадцать шестой год.

И они, мои родные, только вдвоём встретят меня на вокзале. Я невольно, даже этого не желая, вздохнул – раз, другой. Василиса Панкратовна улыбнулась:

– А может, мне с тобой поделиться. Я-то вон какая богатая, – и тотчас же смущённо отмахнулась длинным рукавом. – Не прими всерьёз. Это я так, шуткую. Все мои они, все они по мне скучают. Ждут – не дождутся. Здесь им вольно, просторно. Да и Митрию они близки. Верно я говорю, Митрий?

Я был так увлечён своими мыслями, что не заметил, как рядом оказался Митрий.

– Всё так и положено. Всё так и должно быть. Об этом и в газетах чаще стали писать...

– Ишь ты, грамотей, – снова улыбнулась Василиса Панкратовна, и она что-то ещё хотела сказать, но тут Митрий весело крикнул: – А вот и они! Едут!

– Верно, они! – взмахнула длинными рукавами Василиса Панкратовна и мелкими, но быстрыми шагами подалась к дороге.

Такси плавно свернуло к дому, остановилось. И оттуда выскочили дети и кинулись навстречу бабушке, которая выглядела ещё более нарядной и праздничной.

Ах, как засветились прихлынувшей радостью лица у родителей, у Митрия, у водителя, у меня, но ярче жаркого солнца светилось лицо Василисы Панкратовны, которая, присев, готова была охватить разом громко, взхлёб хохочущих внучат.

«Вот оно, её богатство, – радостно подумал я. – И никакого другого ей не надо в этой жизни.»

ПЕРЛАМУТРОВЫЕ СЕРЁЖКИ

При каждом шахтёрском посёлке нашего городского округа есть своё кладбище. Есть оно и в самом дальнем посёлке Северное. Расположено оно в степи, и вся степь от центрального шоссе до областного тракта в редких, но густых берёзовых колках. В самом ближнем к посёлку находится это кладбище, которое называют Николиным, больше всего схожее с сельским, – такое же, уютное, спокойное.

И вот я на этом Николином кладбище. Здесь, в его середине, могила Нюры, нашей незабвенной няньки. Нянькой она стала в двадцать три года, и все остальные пятьдесят два считалась в нашем семействе близкой и родною.

В свои юные годы она была девушкой симпатичной, весёлой и неунывающей. Перед самой войной ей исполнилось восемнадцать, и в этот год она, смеясь, признавалась подружкам, что влюбилась по уши в соседского мальчишку, их одноклассника Ромку Зябкова. Её подружки не могли в толк взять, что она нашла хорошего в этом худощавом, нескладном парнишке, тихом, неприметном. Но сердцу девичьему не прикажешь. Вот и открытому сердцу Нюры нашлось своё потаённое место для переполненных счастьем и предстоящим ожиданием чувств. При нём она не находила добрых слов, даже сердилась, что Роман Зябков не обращает внимания. Вслед за подружками называла его «тюфячком», а однажды даже расплакалась.

Но глубокой осенью пришёл и её счастливый день. Именно осенью их десятый класс был направлен на уборку картофеля в колхоз «Вперёд». Привели на просторное поле, разбили на группы. И так уж случилось, что в Нюрину группу и он, Ромка Зябков, попал, и попал он сюда совсем не случайно. Именно Нюрины подружки решили «разыграть» влюбчивую подружку. Пусть она на деле убедится, что её избранник – это тот «тюфячок», в котором можно лишь разочароваться. Едва ли не открыто издевались:

– Тюфячок – он и есть тюфячок. Лучше рукой махнуть...

Но Нюра не поддалась на эти уловки подруг, напротив, делала всё, чтоб привлечь внимание незадачливого парня, а всё

ждали, когда она и в самом деле «махнёт рукой». Но не дождалась, а с каждым днём убеждались, что этот тихий, неказистый парень уже с утра оказывался рядом с настойчивой и упрямой девчонкой. И самое неожиданное случилось в последний день.

Их участок был почти убран, оставалось совсем немного, у самого колка, самого трудного, травянистого. К тому же зарядил дождь. Всё чаще приходилось брать в руки штыковые лопаты, подкапывать влажную, едва ли не глинистую землю.

Вся группа измучилась, косо поглядывала на колхозного бригадира, который их только поторапливал, с нетерпением ждали той минуты, когда можно закончить эту грязную работу. А она, как назло, не проходила. И тут наступил момент, когда вся группа отказалась от такой тяжкой работы, стали уходить с поля. И остались они вдвоём – Нюра да её помощник Ромка Зябков. Продолжали работать так, будто ничего не случилось, внимания не обращали на нудный дождь, на то, что приходилось всё чаще брать отяжелевшую лопату.

И тут Нюра обратила внимание, что Ромка всё чаще поглядывает на ребят, которые покидают картофельное поле, не выдержала, крикнула:

– Иди за ними. Чего смотришь?

– А может, хватит? – упрямо сказал Ромка, зло повторил: – Может, тебе стоит, а?

– Ах, мне! Не дождёшься!

Схватила штыковую лопату, и то ли со зла, или ещё от чего-то обидного, с силой хотела поддеть влажный куст ботвы, но нога её сорвалась с глинистого бугорка, оказалась в борозде, и по ней-то пришёлся удар, да такой сильный, что разрезал плотный резиновый бот. Нюра ойкнула, упала, закрыла лицо руками.

Ромка метнулся к ней, горячо выдохнул ей прямо в искорёженное болью лицо, с трудом раздвинул руки:

– Что с тобой, Нюра?

– Нога, – пробормотала Нюра, хотела подняться, но от боли вся изменилась в лице.

Ромка увидел глубокий разрез резинового бота, кровавое пятно расплывалось по нему.

– Держись, Нюра, держись! – крикнул Ромка, подхватил девушку под мышку. – Идём! Быстрее!

Но Нюра идти не могла, даже ступить не могла, и тогда – откуда только силы взялись у худощавого паренька – взвалил её отяжелевшее тело на плечи, шатаясь, вышел на дорогу, которая оказалась поблизости, поволок девушку напрямик к деревне.

Километра два с половиной нёс Ромка Зябков грузное, обмякшее тело. Она что-то хотела сказать ему, но он сквозь стиснутые зубы бормотал:

– Помолчи... помолчи...

Только у самой деревни грузовая машина подобрала их и за несколько минут домчала до медпункта, а оттуда на той же машине приехали в город. Две недели провела Нюра в больнице, и все две недели приходил к ней Ромка. С той поры они больше не расставались. И теперь – и Нюрины подруги, и товарищи Ромки – понимали, что между ними – та самая большая, светлая и чистая любовь, которая, конечно же, не ведает никаких препятствий, и они жили как муж и жена в преддверии свадьбы, – сыграть собирались её осенью. Но свадьбы так и не было – началась война, великая и страшная. Ромка ушёл «бить фашиста», а она продолжала жить в посёлке, и растила сына, а когда сынишка подрос, она пошла работать на рудоремонтный завод, и хоть трудностей было всё больше, она все тяготы выносила наравне со всем взрослым населением, и ждала, ждала каждой весточки. Но в последний год войны пришло настоящее горе – на подступах к Берлину погиб её Ромка, старший лейтенант, а вскоре сгорел от скарлатины и сынишка. В двадцать три года Нюра осталась вдовой.

Так лишилась своего счастья Нюра. Теперь уже навсегда. Но с той же осени сорок пятого года стала она нянькой. Пришла к ней старшая сестра, которая жила в городе и которая тоже была вдовой, поселилась в посёлке Северный. Она-то привела однажды женщину с ребёнком, и та, умоляя сестёр, попросила присмотреть за её дочкой, которая в семье родилась уже четвёртым ребёнком.

– Не справляюсь уже. Может, приглядите за дочкой?

– Возьми, возьми, – уговорила Нюру старшая сестра. – Всё будет полегче, – и призналась. – А мне в город надо возвращаться, дела скопились.

– Да, – согласилась Нюра.

А потом взяла она на пригляд и следующего соседского парнишку. Им оказался я. Тут Нюра сама предложила:

– Ты, Кирилловна, вон как мучаешься. Отдай младшенького. Воспитаю, как своего.

Мать согласилась. И я стал жить со «второй» мамой, хотя уже понимал, что тётя Нюра – наша нянька. Да и стала она для нашей семьи действительно самой родной и близкой. До пяти лет я находился рядом с Нюрой. И мне всё нравилось в её небольшой, тёплой и светлой избе. Была здесь большая, белёная мелом печь, просторная веранда с зелёной в горшочках рассадой, и, конечно, двор со всякой живностью, и большой огород, где было много грядок. Весело, просторно мне здесь жилось, и я, когда вернули меня домой в городскую квартиру, часто приезжал к няньке, и она, обнимая меня и заливаясь слезами, гладила моё худенькое тельце, приговаривала:

– Родненький мой... сыночек мой... Такой же красивенький...

Приезжала мать, успокаивала няньку:

– Не убивайся... Мой братец к тебе на воспитание хочет своего последыша привести. Я присоветовала... Вот и возьми его. Возьмёшь?

И Нюра, вытирая рушником слёзы, кивала головой.

Так что после меня воспитала нянька и других моих племянников – Славку, Егорку, Любу, Светочку...

Нюре советовали сердобольные соседки.

– Открыли в посёлке наконец-то детский сад... Тебе туда надо, Нюра... Была бы самой нужной...

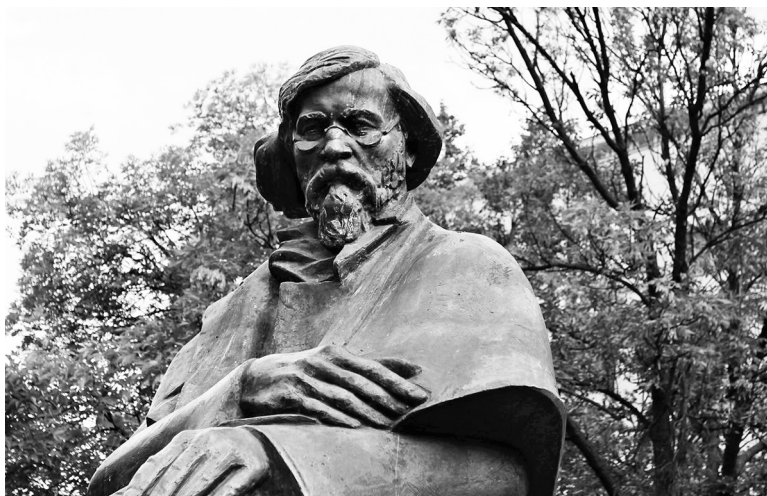
Даже приходила сама заведующая детским садом. Но нянька отнекивалась:

– Да у меня тут свой садик. Вон сколько места, а какое раздолье. И двор, и огород, да и всякая живность... Всё своё, домашнее...

Давно мы уже выросли, многие разъехались по городам. Виделись всё реже и реже. Вот и я давно живу в самой столице, но

каждый год приезжаю в свой шахтёрский посёлок, и, конечно, бываю в гостях у Нюры, нашей няньки.

И вот она умерла. И я не могу простить себе, что мне не удалось побывать на похоронах. И теперь я прихожу сюда, на Николино кладбище. И начинаю вспоминать те далёкие-далёкие детские годы. И чаще всего вспоминаю про перламутровые серёжки. Она никогда не снимала их. И когда наклонялась улыбочатым лицом к моим щекам, то эти серёжки прикасались к моим губам, ко лбу, и я, смеясь, тянул свои тонкие ручки к этим блестящим серёжкам, и нянька разрешала мне ими поиграть, и что-то ласково, нежно приговаривала. Только потом я узнал, что подарил их её любимый, незабвенный муж перед тем, как уехать на фронт, и всякий раз она уважительно называла его Романом Потаповичем.

КРИТИКА, ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Полина РОЖНОВА

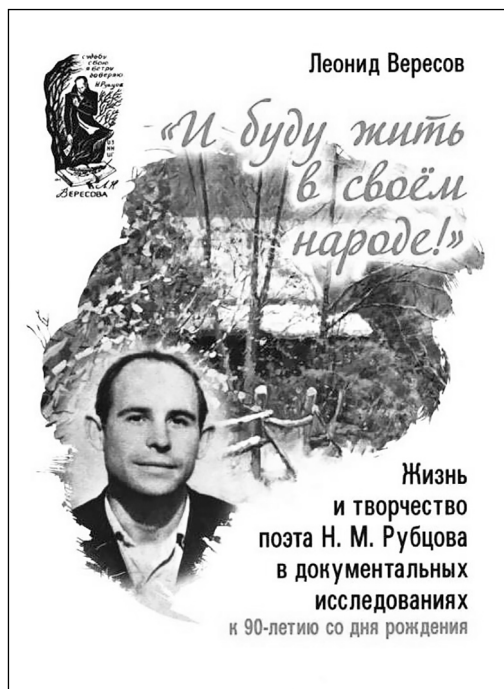

Полина Константиновна Рожнова – поэт, критик. Родилась в Читинской области. В 1951 году семья переехала на Вологодчину, в Сокольский район. Детство прошло на Боровецкой земле, училась в деревне Обросово. Окончив школу, поехала поступать в Москву, в Литературный институт имени А.М. Горького. Стала студенткой курса Льва Ошанина. Первый поэтический

сборник П.К. Рожновой «Глушица» вышел в 1973 г. В 1984 г. издаётся второй сборник «Разрыв-трава», а в 1990 г. – «Красная горка». В своём литературном творчестве П.К. Рожнова выступает не только как поэтесса, но и как собиратель, исследователь русских народных традиций, русского фольклора. Член МГО Союза писателей России, руководитель школы «Русский народный календарь», секретарь Вологодского землячества в Москве. Много лет руководит Клубом московских писательниц «Московитянка».

Живёт в Москве.

КНИГА ДЛЯ ГРЯДУЩЕГО

*Леонид ВЕРЕСОВ. «Я буду жить в своём народе!».
Жизнь и творчество поэта Н.М. Рубцова
в документальных исследованиях.
К 90-летию со дня рождения. – Вологда:
«Сад-огород», 2025. – 527 с.: ил.*

Надо ли писать о Рубцове? Надо ли исследовать его творчество? Следом идёт молодое поколение. Нужны ли ему будут святые ориентиры? Заглянет ли оно в глубину литературных родников? Или призовёт искусственный интеллект? Передо мной книга Леонида Вересова «Я буду жить в своём народе!» Именно она частично, как мне видится, отвечает на эти вопросы.

Книга посвящена исследованию жизни и творчества Николая Михайловича Рубцова.

Глубинка... Сокровищница судеб русских литераторов – поэтов и прозаиков. Глубинка вырастила и Леонида Вересова, вологодского писателя-краеведа, неутомимого искателя истин, документальных подробностей, что несут понимание значения самой поэзии Рубцова.

Мне хочется сказать, что благодаря этой книге мы узнаём о многих удивительных писателях, имена которых не звучат в нашей «большой литературе». Они там. На своей родине. Ведь надо сказать, что родина, тот малый край земли, она сильнее и вернее отзывается на исконное, настоящее слово, ощущает своих, кровных сынов. Родина опирается на великую земную мудрость. На благодать Свыше. В Родине – память о каждом из нас.

Сказать обо всех статьях этой книги сложно. В каждой – своя тема, свои послы и своё, новое, важное открытие.

Непременно хочу обратить внимание читателя на раздел «Из рецензий на книги Л.Н. Вересова, выпущенные после 2020 года». Потому что именно в Москве, в газете «Московский литератор» и в журнале «Великороссъ» были опубликованы и потом включены в книгу статьи секретаря МГО СП России, заслуженного работника культуры РФ, Ивана Юрьевича Голубничего, в которой я подчеркнула бы такие строки: «Николай Рубцов – это духовный образ русского человека своего времени. Сравнительно небольшое, его творческое наследие таит в себе много пленительных образов, мудрых мыслей, неразгаданных тайн...».

Далее, я бы отметила статьи «Неизвестно письмо Н.М. Рубцову», «Тайна или миф рубцовой биографии», «Тотемский след поэмы “Разбойник Ляля” Николая Рубцова», «“Друзья и знакомые” поэта Николая Рубцова» и многие другие, что от страницы к странице ведут читателя к истинному пониманию, из чего и как складывалась творческая судьба поэта.

В разделе «Неизвестные и забытые адреса поэта» есть статья «Деревня Водогино Вологодского района новый адрес поэта

Николая Рубцова». В ней говорится о приезде Нины Груздевой, Леонида Мелкова, Сергея Чухина, Николая Рубцова в деревню, где я жила некоторое время после окончания школы и работала заведующей Водогинского сельского клуба. Признаться, я мало чего понимала в этой профессии. Моя мама в своё время была заведующей сельским клубом в деревне Обросово Боровецкого сельского совета. Бегая к ней на работу, я и видела, как идёт вечерами народ в Клуб, чтобы поговорить, немного отдохнуть от гряд и скотины. Мама собрала деревенский хор, который пел народные и популярные песни. Помню, как на одном из первых выступлений хор пел «Гуцулка Ксеня...», и в зале многие бабоньки плакали. Помню, как привозили из Вологды бобины с киноплёнками. Тоже – собиралось немало деревенского народа. И вот я сама на этом пути. Конечно, идея собрать поэтов и провести поэтический вечер, сразу пришла мне на ум. Но, Боже, ведь в голову не пришло, где их устроить! Все хлопоты взяла на себя Нина Груздева. Она тут же обошла несколько домов, что рядом с моим. Встречу мы провели. Но Рубцов решил уехать в Вологду поздно вечером. Я кинулась к зрителям: «Не едет ли кто в Вологду?» На моё счастье – отозвался добрый человек. Так мы отправили Николая из деревни. Но на этом вечер не закончился. Пели почти всю ночь и читали стихи в моей половине дома. Комната небольшая. Печь истоплена. Народу набилось много. В основном были учителя Водогинской школы. На следующее утро – уезжать. Но нет! Народ приходил и просил поэтов остаться. Так мы ещё раз провели встречу с желающими послушать стихи и с нами побыть. Тогда это было просто.

Эта дружеская связь с названными поэтами началась с первых литературных совещаний молодых писателей в Вологде.

Вот как писал в своем очерке обо мне Леонид Вересов.

«Пожалуй, отдельным абзацем в творческой биографии начинающей поэтессы необходимо выделить литературные семинары молодых авторов в Вологде в 1965 и 1966 годах. В протоколе собрания Вологодского отделения СП РСФСР от 8 декабря 1965 года о творческом семинаре в областном комитете КПСС читаем: “Наиболее интересные рукописи представили

Коротаев, Беляев, Рожнова, Чухин, Маринов, Рубцов, Патралов, Пашов..." Да, когда-то мы были в одной команде.

Из статьи в газете «Вологодский комсомолец»: «Интересно и много говорилось о стихах Николая Рубцова, Валентина Маринова, Сталины Рожновой и других».

«Есть ещё одна рецензия, о которой надо сказать особо, – отмечал Л. Вересов. – Н.М. Рубцов написал её в триумфальном для себя 1967 году. Очень кратко, но очень ёмко поэт, только что выпустивший в свет, возможно, свой лучший поэтический сборник “Звезда полей”, отдаёт должное таланту молодой поэтессы. Так случилось, что сама Полина Константиновна узнала о ней только из моей информации».

Да, это был Союз писателей Вологды! Ставший мне опорой и гордостью, а её поэты Нина Груздева, Сергей Чухин, Леонид Мелков, Николай Рубцов просто – друзьями по творчеству.

Мало осталось тех, кто знал Рубцова, или был с ним в одном кругу хоть раз. Хочу сказать о его характере поэта. Рубцов никогда не лез в друзья. Был крайне скромен и крайне ответствен за свои слова, оценку того или иного события в литературе, стихотворении или прозе окружающих. Он никогда не лукавил.

Для меня, например, не важно, закончил Рубцов техникум или нет. Левша ничего себе был мужичонка, хилый, школ не заканчивал, а блоху подковал! Самое главное – Рубцов родился и стал Рубцовым. Что было почти невозможно. Ничто не торопилось его поддержать, не способствовало ему печататься в периодике. В Мурманской – он разбирался на правах участника творческого объединения. Не более. Прошли годы. А на семинаре молодых писателей, в 1965–1966 годах он был в рядах поэтов, стихи которых обсуждались наравне со многими первыми стихами поэтов области. Судьба его книги решалась крайне сложно. Книгу ему пришлось выстрадать. Его друг, Борис Тайгин, первым осознав душой, что Рубцов – это поэт, издал его книгу «Волны и скалы».

Но вот что характерно, как какое-то наваждение: в популярном тогда журнале «Юность» в первом стихе Николая Рубцова была пропущена целая строчка, а фото, которое он посылал

к подборке стихов, потеряно и заменено на фото давнишнее. Леонид Вересов в этой своей статье «О редакторском произволе и так называемом «Эпиграфе» к стихотворению Николая Рубцова «Русский огонёк» обстоятельно ведёт расследование публикации одного из лучших стихотворений поэта.

Я вспоминаю общежитие Литинститута. Как затихший, печальный, Рубцов, опираясь на локти, смотрел из общежитского окна. Ему было вольно и тепло. Тетя Настя (Настасья Кирилловна) давала ему на какое-то время, после окончания сессии, ещё пожить в общежитии.

«Ты по редакциям, Коля, походи!», – наказывала она. Помогала звонить в редакции. Телефон был на вахте у неё и многие бегали звонить, да и нам звонили. Такая забота и помощь Николаю была в Москве очень нужна.

В своей статье о Николае Рубцове, переданной Д. Балану в книгу «Русская поэзия XX века» от 1997 года, я писала: «Я не знаю судьбы горестней. Сиротливое детство перешло в сиротливую юность, которая потом обернулась сиротливой зрелостью. Но кто это брал в счёт? Кто думал оградить его от боли? Мне рядом с ним было не по себе. Вот они – обозначенное вечно серыми тонами окно и лестничный пролёт глубокий, и гром лифта в общежитской тишине. С непережитой печалью я стояла тогда там. И совершенно внезапно раздался голос Николая Рубцова. Я что-то сказала ему в ответ – немного резко может быть. – Я стихи твои читал. – Он произнёс это уже угрюмо. Эти слова остановили во мне растущую печаль. Я поняла – он говорит о стихах, напечатанных в “Октябре” в одном номере с его стихами. Я обернулась и наступило долгое молчание. – Ну вот, я теперь не один, – сказал поэт. Он резко, как подраненная птица, взмахнул рукой, – и быстро ушёл».

У каждого из нас, приехавшего учиться в Литинститут из глубинки России, были свои житейские сложности.

Кто-то скажет, что представление Николая Рубцова о мире обозначено границами родной земли, но когда начинаешь читать Рубцова, то сразу видишь всё вселенское пространство нашей земли, её песенную стихию. Когда приезжал Рубцов в

Москву на сессию, то в общежитии плакала гитара. Рубцов пел. Собиралось немало студентов. Но и Нина Груздева, и Леонид Мелков, и Сергей Чухин непременно были рядом с Рубцовым в эти дни! Приходили и преподаватели Литинститута. Некоторые из них жили в этом же доме. Только вход в квартиры был с другой стороны. Конечно, для нас, для вологодских студентов, в первую очередь приход Валерия Васильевича Дементьева, был большой поддержкой нашей жизни в Литературном институте, поддержкой нашей дружбы.

Особого внимания заслуживает обстоятельное исследование Леонидом Вересовым творческих взаимоотношений двух поэтов – Юрия Кузнецова и Николая Рубцова. Вообще смысл и возможность дружбы двух этих совершенно разных по духу, по восприятиям окружающего мира, по самому складу характеров, практически отсутствует. Их жизненные устои не сходятся. Оба поэта шли по разным поэтическим тропам. Один шёл «через пропасти», другого они уводили к «тихой родине». Один пишет: «Иду я шататься по белому свету...», другой: «В горнице моей светло...», «Тихая моя родина...».

Но вот Юрий Кузнецов пишет поэму «Золотая гора». И ни одно издание в столице её не принимает. И когда пред Юрием Кузнецовым встает вопрос: «Где напечатать “Золотую гору”?», он едет в Вологду! Его выбор останавливается на газете «Вологодский комсомолец». Да, «сумеречный ангел поэзии» едет в Северный край. Не в Краснодарский, родной! Почему? Да, именно родина Рубцова, как божия правда, давала многим русским талантам жизнь! «Вологодский комсомолец», молодёжная газета, в то время была значимой литературной газетой для всей России. (Я бы так сказала). Да! Её передавали из рук в руки, привозили из Вологды в Москву. Из неё статьи и стихи поэтов и прозу писателей перепечатывали и пересылали во все концы России. Она отводила место первым публикациям многих из нас. И то, что Ю. Кузнецов приехал в Вологду к газете «Вологодский комсомолец», говорит, что именно там, он верно знал, было бы достойно опубликовать «Золотую гору». Причём, он понимал, что если свяжет её публикацию с име-

нем Николая Рубцова, то она, несомненно, откроет ему путь к столичным изданиям. Так оно и произошло. Надо сказать, что редактором газеты был писатель Владимир Широков, весьма упорный в своём деле, отстаивающий самые не проходимые в печать, не лишённые значимости во времени литературные произведения.

Леонид Вересов приводит пример реакции о публикации поэмы Юрия Кузнецова «Золотая гора» Василий Пономаренко, который при приезде в Вологду на вологодском вокзале купил «Вологодский комсомолец»:

«В молодёжной газете прочитал смелую по тем временам, лирически напряжённую поэму “Золотая гора” Юрия Кузнецова... Над поэмой стояло посвящение Рубцову. Произведение сразу как бы просвечивалось болящей сутью жизни и смерти славного поэта. От этого восприятия вещи многократно усиливалось. Побежал в киоск, взял ещё несколько экземпляров “Вологодского комсомольца”».

В Москве писатель Анатолий Парпара пробивает поэму Кузнецова в журнале «Москва»...

Вот ещё одна статья «Отношения Николая Рубцова и Евгения Евтушенко в документах, воспоминаниях, мнениях».

Евгений Евтушенко не знал Рубцова. В своем труде «Русская поэзия XX века» (Бухарест. 1997) доктор филологических наук из Бухарестского университета Думитру Балан пишет так: «В естественном творческом процессе параллельно, а порой и соприкасаясь с “громкой” “эстрадной” поэзией, развивалась, крепла и стала также занимать передовые позиции “тихая” поэзия с её видными представителями Н. Рубцовым, Вл. Соколовым, А. Жигулиным, Н. Тряпкиными др. И вот Евтушенко выступает со стихотворением “Тихая поэзия” (1971), где заявляет “во весь голос”, что самой авторитетной, законной представительницей “народного голоса”, “набата”, высокого гражданского накала должна быть трибунная, громкая поэзия: “В поэзии сегодня как-то рыхло / Бубенчиков полно – набата нет. / Трибунная поэзия притихла, / а тихая криклива: С нами Фет / /.../ Мне дорог Фет, хоть есть поэты лучше, / но, как на

расплодившихся котят, / с тоскою натыкаюсь я на кучи / мурлыкающих седеньких Фетят.”»

Я вспоминаю, как в 1996 году в ЦДЛ, встретив Евгения Евтушенко при входе в Дубовой зал, Павел Антокольский представил ему меня: «Полина Рожнова. Она поэт. Она Вологодская, как и Николай Рубцов!» «Развелись Вологодские в Москве! Кругом Вологодские!» – усмехнулся громко Евгений Александрович. Чувствовалось его раздражение.

Но тем не менее Е. Евтушенко стремился в Вологду, стремился попасть на родину Н. Рубцова. Вероятно, ему хотелось отстоять свое первенство. Ведь Николай Рубцов становился поэтическим притяжением, был голосом самого простого наделённого вековой мудростью русского человека, а голос Евтушенко был другого происхождения, хаотичного.

Я часто видела Рубцова одного. Прежде всего на Тверском бульваре. Мне кажется, что Тверской бульвар мог скрывать каждого из нас, кто, учась в Литинституте, неожиданно вдруг чувствовал себя отторгнутым от всех: от родных и близких, от родного далёкого дома, а главное – от поэзии. Когда кому-то из нас было надо исчезнуть хоть на несколько минут, мы перебежали дорогу и скрывались, как нам казалось, на Тверском бульваре. Мне думается, что Рубцов был из таких.

Переоценить работу Леонида Вересова – просто невозможно. Книга своей документальностью, сложностью оценки жизни и творчества большого русского поэта Николая Рубцова – это настоящее событие в отечественном рубцоведении!

Книга Леонида Николаевича Вересова – особая книга. Она, я бы сказала, больше для грядущего. Для грядущего русского народа и не только.

Марина ЗАМОТИНА

Марина Анатольевна Замотина – критик, литературовед. Родилась в Москве. Окончила факультет журналистики МГУ им. М.В. Ломоносова по специальности «журналист, литературный редактор издательства». Сотрудничала с различными московскими издательствами как литературный редактор. Автор многочисленных публикаций в СМИ. Её путевые заметки, статьи и обзоры, в первую очередь посвящённые истории Москвы и путешествиям по российской глубинке, пользуются популярностью среди читателей. В издательстве «Стрекоза» неоднократно выходили и переиздавались её книги по древнерусской и античной литературе для детей. Заслуженный работник культуры РФ. Отмечена Благодарностью и Почётной Грамотой Президента Российской Федерации. Много лет работает в Правлении Московской городской организации СП России. Член Правления, Секретарь по творческим вопросам. Сопредседатель Совета по науке, культуре и публицистике МГО СПР.

Живёт в Москве.

КОММУНАЛЬНАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ

Марк КАЗАРНОВСКИЙ. «Время жить.
История одной квартиры». – М.: Издательство
«У Никитских ворот», 2026. – 288 с.

Новая книга Марка Казарновского – это не просто воспоминания. Это реконструкция целого мира, который существовал в московских переулках Басманного района в середине прошлого века и который сегодня безвозвратно ушёл. Мира

коммунальной квартиры с её кухонными запахами, общими коридорами, соседскими судьбами, переплетёнными теснее, чем в ином романе.

Казарновский пишет о прошлом, а книга посвящена друзьям и родным. И это главное, что отличает его книгу от многих других свидетельств эпохи. Потому что коммуналка в литературе чаще всего – поле битвы, арена скандала. А у Марка Казарновского это живая среда, в которой люди любили, смеялись, помогали друг другу и формировали характеры.

Когда я читала книгу, всё время вспоминала свои молодые годы. Я жила в коммуналке первые 17 лет своей жизни, позже вышла замуж опять же в коммуналку. Но тогда мы прожила в ней всего пару лет. Конечно же, у меня, да и любого обитателя коммуналки, очень разный опыт.

Коммунальная квартира – уникальное советское явление, не имеющее точного аналога в мировой жизни и, следовательно, в мировой литературе. Она возникла не из соображений уюта, а из жилищного кризиса и идеологии «обобществления быта»: большевики реквизируют квартиры и «уплотняют» их новыми жильцами. Предполагалось, что принудительное соседство воспитает в советском человеке коллективизм и уничтожит «узкособственнические инстинкты».

По данным одного журнала, санитарная норма 1919 года составляла 9,1 кв.м. на человека, но уже к тридцатым годам в Москве она упала до 5,5 кв.м., в Челябинске до 3,5, а в Донбассе до 2,2. Если человек занимал комнату, превышающую установленный метраж, он был обязан в течение двух недель найти себе соседа, иначе к нему подселяли кого-то принудительно.

Казарновский пишет: *«В двадцатые годы рождаются основные стереотипы советской жизни, новый повседневный лексикон. Одним из самых ярких проявлений нового быта стал жестокий жилищный кризис и порождённая им советская коммунальная квартира. Как правило, в одной комнате проживала целая, подчас многолюдная семья.*

В 1933 году на одного москвича приходилось 4,15 квадратных метра жилплощади. Половина населения жила в коммуналках, другая – в бараках».

За одной дверью волею судеб и чиновников оказывались люди разных профессий, национальностей, жизненных укладов. В среднем в коммунальной квартире проживало от 25 до 50 человек. А иногда и больше. Но это в том случае, если квартира была большая. Мы жили в квартире из трёх комнат, комнаты были средних размеров. У нас с родителями 15,5 кв.м. Именно эта «половинка» не давала нам возможности встать на учёт по улучшению жилищных условий. Было бы 15 кв.м., мы получили бы квартиру от «города». Но нам пришлось ждать, когда отцу выделят ведомственное жилье.

Но в книге Марка Казарновского нет детальной истории коммунального быта. Писатель пишет о своей жизни.

Кстати, острый жилищный кризис породил в своё время даже особый жанр – коммунальную частушку. Это не у Казарновского. А просто – в тему.

«Эх, привольно мы живём – как в гробах покойники: / Мы с женой в комоде спим, / Тёща в рукомойнике».

А у Владимира Высоцкого:

«Все жили вровень, скромно так: система коридорная, / На тридцать восемь комнаток всего одна уборная».

Казарновский ни песен, ни частушек не писал. Его слова:

«На улице Старой Басманной, в начале, был построен большой дом для Министерства железных дорог. Строил на свои средства барон Троппе. Но после ликвидации царского режима народ московский этот дом заселил, превратив офисные помещения в квартиры. И стали они – коммунальные. То есть – много народа, да разнообразного. А туалет в квартире-то один!

Жизнь понятна. Люд работающий. Характеры у всех – нет, не нордические. А наши, советские характеры. Что описывать-то? Утреннюю помывку? Или ожидание входа в туалет? Приготовление обедов-ужинов? Или как пройти, не задев нижнее женское бельё, которое почему-то вешивалось в коридоре? Или споры из-за натирки полов в коридоре».

Чтобы понять книгу Казарновского, надо представить себе, как именно устроена коммунальная квартира – не как понятие, а как физическое пространство. Она чётко делилась на «своё» и «общественное».

Комната была суверенным пространством. Её запирали на ключ. Праздновали исключительно «у себя». Даже самый скромный диван, накрытый домотканой дорожкой, был территорией неприкосновенности.

Кухня – традиционно сердце коммунального мира. В больших квартирах на кухне могло стоять несколько плит, несколько обеденных столов, примусы, запахи чужой еды. Зимой здесь грелись у газовой конфорки. Именно на кухне звучали главные новости, разворачивались самые острые конфликты и завязывалась та самая странная близость, о которой писала Евгений Евтушенко в стихах 1983 года:

«В нашенской квартире коммунальной / Кухонька была исповедальней, / И оркестром всех кастрюлек сводным, / И судом, воистину народным».

Казарновский о кухне пишет:

«Основа жизни “человека разумного” – кухня. Коммунальная кухня со всеми её “прелестями” стала на десятилетия едва ли не основным местом общения рядового горожанина. А её неизменные атрибуты – примус или керогаз, закопчённый чайник, бельевые прищепки, корыто и стиральная доска, нехитрая кухонная утварь, алюминиевые кастрюли и сковородки, общепитовские тарелки и вафельные полотенца, самодельные табуретки, сундуки, полки и столы – вот спутники детства многих городских жителей в 1930-1950-е годы. Причём быт коммунальных квартир мало менялся в эти годы. Появился репродуктор, чёрная тарелка, общий телефон, в коридоре стало больше велосипедов.

Общая кухня была и местом общения обитателей коммунальных квартир – бесед, споров, ссор».

Коридор – обычно полутёмное пространство коллективного хаоса. Старые тазы на стенах, лыжи у шкафов, верёвки с сохнувшим бельём от стены к стене. Дети носились здесь на велосипе-

дах и играли в мяч. Говорят, такое бывало. Мне это увидеть не удалось. У входных дверей могла висеть одна большая вывеска с перечнем фамилий и количеством звонков для каждого жильца. Или много персональных табличек. Например, у нас было «Замотины. 2 звонка»

Туалет и ванная – места строжайшего расписания и молчаливых конфликтов. Ванну не принимали подолгу, иначе начинался стук в дверь.

Не могу не вспомнить писателей, для которых коммунальный быт 1920-х годов стал лейтмотивом творчества. Аверченко, Зощенко, Булгаков, Ильф и Петров, Хармс. Да и современные авторы нередко пишут о коммуналках. Это не просто тема – это среда, из которой выросли целые художественные миры.

В конце 1921 года тридцатилетний Михаил Булгаков приехал в Москву «без денег, без вещей» и получил комнату в коммунальной квартире №50 на Большой Садовой, 10 вместе с шестнадцатью соседями: хлебопёком, милиционером, слушателями курсов, «безработными», как значилось в домовоей книге. Сейчас здесь интересный музей. И он рассказывает не только о том, что в этих стенах были написаны первые рассказы писателя – «Дьяволиада», «Роковые яйца» и «Белая гвардия». А о коммуналке вообще.

Комнату Булгаков ненавидел. В дневнике 1923 года он записал коротко: «Гнусная комната гнусного дома». Прямо напротив его стола находилась коммунальная кухня. В очерке «Воспоминание» (1924) он писал:

«Человеку нужна комната. Без комнаты человек не может жить. Мой полушубок заменял мне пальто, одеяло, скатерть и постель. Но он не мог заменить комнаты. Чемоданчик был слишком мал. Кроме того, его нельзя было отапливать».

Позже эта квартира стала прообразом «нехорошей квартиры» в «Мастере и Маргарите» и пространством десятка других произведений. Шариковы, Швондеры и прочие Аннушки прилагались как бесплатный бонус в качестве соседей.

Меня, кстати, в момент посещения этой квартиры искренне удивило отношение писателя к своему месту жительства. Не

так всё было и ужасно по сравнению с прочими, более ранними его адресами.

А вот взгляд Михаила Зощенко на коммуналку мне понятнее и ближе. Кто-то из критиков назвал писателя «насмешливым, сочувствующим хроникёром». Писатель М.Л. Слонимский утверждал, что Зощенко «так впитал в себя язык коммунальной квартиры Дома искусств, что никаким другим писать уже не мог».

Вот, к примеру, драка в «Нервных людях» (1925):

«А кухонька, знаете, узкая. Драться неспособно. Тесно. Кругом кастрюли и примуса. Повернуться негде. А тут двенадцать человек впёрлось. Хочешь, например, одного по хारे смазать – троих кроешь».

В рассказе «Летняя передышка» (1929) Зощенко с горькой иронией воспроизводит официальную идеологию коммунального счастья:

«Конечно, занять собственную отдельную квартирку – это всё-таки как-никак мещанство. Надо жить дружно, коллективной семьёй, а не запираяться в своей домашней крепости. Надо жить в коммунальной квартире. Там все на людях. Есть с кем поговорить. Посоветоваться. Подрататься».

В фельетоне «Мелочи жизни» (1927) целый год жильцы собирали деньги на разбитый плафон в передней. Когда наконец собрали – жилец, который его разбил, уже съехал. В этой детали – весь Зощенко и вся коммуналка.

Писатель Пантелеймон Романов – один из первых, кто точно описал пёструю социологию коммунального населения.

«Обитатели квартиры были такого разнообразного состава, таких различных занятий и положений, как будто они во время случившегося потопы бросились сюда и наспех захватили, кому что пришлось».

В рассказе «Кошка» (1928) Романов зафиксировал ещё одну коммунальную константу – всеобщий надзор:

«Сосед всегда выглянет из своей двери, если услышит, что к соседке кто-то пришёл... с бьющимся от запретного интереса сердцем пройдёт несколько раз мимо двери, если дверь окажется неплотно прикрытой».

Зачем я пишу не о Казарновском, а о других писателях? А у Марка Яковлевича в книге мы видим практически всё то же самое, но отдельными эпизодами. И, главное, он прекрасно знает все нюансы бытия в тех самых, советских условиях. Более того, никак не романтизирует свою жизнь. Но вспоминает о ней с добром.

Нельзя не вспомнить о «Вороньей слободке» из «Золотого телёнка». Она стала нарицательным именем коммунальной квартиры на все последующие десятилетия. Евгений Петров, по свидетельству современников, обессмертил собственную московскую коммуналку в Кропоткинском переулке – как «квартиру номер три, в которой обитал Лоханкин».

Поэт Иосиф Бродский в эссе «Полторы комнаты» (1985), написанном в эмиграции по-английски для западного читателя, дал философски точную характеристику коммунального существования. Он описывал ленинградскую коммуналку в доме Мурузи на Литейном, где прожил семнадцать лет – в полутора комнатах с родителями.

«При всех неприглядных сторонах этой формы бытия, коммунальная квартира имеет, возможно, также и сторону, их искупающую. Она обнажает самые основы существования: разрушает любые иллюзии относительно человеческой природы».

И ещё – о коммунальной кухне как пространстве народной мудрости:

«Какими колкостями или медицинскими и кулинарными советами, какой доверительной информацией о продуктах обмениваются по вечерам на коммунальной кухне жены, готовящие пищу! Именно тут учишься житейским основам – краем уха, уголком глаза».

Потеря личного пространства была для Бродского не только бытовым неудобством, но и инструментом государственного контроля: коммуналка как квинтэссенция советской системы.

Поэт Давид Самойлов сформулировал природу этого пространства точнее всех:

«Коммунальная квартира двадцатых годов была необычным полем для страстей, часто низменных, ареной трагедии, почвой для развращения и преступления... Насилие, которое было главным методом революции, сказалось и здесь – в насильственном создании коллектива. Лишь на следующем этапе, после нэпа, она начала образовываться в среду».

Есть интересное наблюдение. Именно военные годы изменили коммунальную психологию. Общая беда сделала то, чего не смогла сделать идеология: превратила принудительных соседей в подлинных близких.

Актриса Алиса Фрейндлих вспоминала, как в блокадном Ленинграде шесть семей их коммунальной квартиры делились крупой и хлебом – и благодаря этому все выжили.

А вот коммуналки сороковых-шестидесятых годов, а именно этот период описывает Казарновский, принципиально отличались. К тому времени люди в коммунальных квартирах научились договариваться, выработали неписаный кодекс поведения, сложились устои и даже своеобразная эстетика совместного существования.

Писательница И. Грекова (Е.С. Вентцель) во «Вдовьем парохде» (1981) писала:

«Живя так долго вместе и рядом, нельзя оставаться чужими... Между соседями возникает своеобразная родственность, отнюдь не любовная, скорее сварливая, но всё же родственность. Они ссорятся, оскорбляют друг друга, срывают один на другом свою нервную злобу – и всё же они семья. Заболеешь – соседи купят что надо, принесут, чайник согреют».

В дружных квартирах за детьми был общий догляд: угощали, присматривали, наказывали сообща. По воспоминаниям очевидцев, семья Довлатовых прожила в одной коммунальной квартире тридцать три года – с довоенных времён до 1977 года. Сергей Довлатов описывал коридор своего петербургского дома на улице Рубинштейна, 23 как пространство, породившее целое поколение.

Алексей Митрофанов, автор книги «Коммунальная квартира», дал этому явлению самую ёмкую характеристику: «про-

тивоестественная, некомфортная – и в то же время по-своему душевная и уютная». И резюмировал: «Умение жить в коммуналке – целое искусство».

И у Казарновского мы читаем: *«Но всё-таки я решил информацию о проживании в коммуналке разного люда дать. Ибо – с другой стороны – представление о жизни государства в ту или иную эпоху складывается из мелочей. Так формируется история. Так что, дорогой читатель, не обессудь, ежели встретишь всё родное-знакомое. А кто-то и порадуетя: ба, ба, да это же мне всё близко и знакомо, ведь и мы с мамой, отцом и бабушкой там жили»*.

Казарновский пишет с добром, без сатиры и обличения. С юмором? Да, в этом он мастер. И очень по-московски, с такими мелочами и деталями, что непременно их узнаёшь.

Когда-то мы зачитывались «московской прозой» Юрия Трифонова. Недавно вернулась к нему, но прежнего восторга не испытала. Как написал один критик: «Главная тема “московских повестей” Трифонова – квартирный вопрос как зеркало нравственного вырождения. Коммунальная теснота у него – не фон, а суть человеческих отношений». Может, это и верно. Но с годами мне стало это перечитывать уныло. Недавно сходила в театр «Сфера», где поставили два спектакля по прозе Трифонова, Казакова и Домбровского! Во многом это гимн коммуналкам! Особенно в спектакле на Малой сцене.

Прозу Юрия Казакова я на сцене не видела никогда, а вот перечитывала её не раз.

Казаков вырос на Арбате, в коммунальной квартире большого дома. Я знаю этот дом, часто там бывала в гостях у друзей. Казаков редко описывал городской коммунальный быт прямо – его художественный мир тяготел к природе и деревне.

Отчуждение от «своего места», невозможность вернуться домой – сквозная тема его прозы. Комната Казакова в арбатской квартире в последние годы жизни *«являла собой вид временного и убогого пристанища: не было комнатных цветов (некому поливать), книг (всё, что было, свезли в Абрамцево), прочее же – стандартный набор комнаты рабочего 40–50-х годов: платяной*

шкаф, обеденный стол, несколько стульев, железная кровать и старый, провалившийся диван». В рассказе «Запах хлеба» городская коммунальная жизнь противопоставлена утраченному деревенскому дому.

Ещё один Юрий, Юрий Домбровский – тоже писал о коммунальном житье. В «Хранителе древностей» Домбровский вспоминает своё детство в большом московском доме, где лучшим местом был чердак – единственное пространство одиночества и свободы.

«Когда мне было лет десять, мы жили в Москве в большом хмуром пятиэтажном доме, и самое лучшее в нём был чердак. Каждый день несколько часов я проводил там. Было страшно-вато, тихо и хорошо. Стояли необычайные вещи, каких на земле нет... Внизу ничего этого, конечно, не было».

Соседка семьи Домбровского по коммунальной квартире вспоминала: *«Любил животных. С ними разговаривал, за ними с любовью наблюдал, ловко и нежно с ними обращался. Казалось бы, такие не домашние зверьки, как белка, ёжик, птица – ворона, находили в его комнате местечко и были по-настоящему приручены».*

Так что жизнь коммунальная была очень разная.

И о ней, о своей, тоже коммунальной, то именно его – жизни Марка Казарновского в доме на Большой Басманной улице, он пишет в своей книге «Время жить». О друзьях пишет, соседях, подружках!

Казарновский видит в коммунальном мире не только тесноту и неудобства, но и школу человечности. В новой книге Марку Казарновскому удалось передать очень добрую и неуловимо волшебную атмосферу старой коммунальной квартиры и показать, что мир строится на доброй морали. Так было и в прошлые времена, и в наши дни, и будет в будущем.

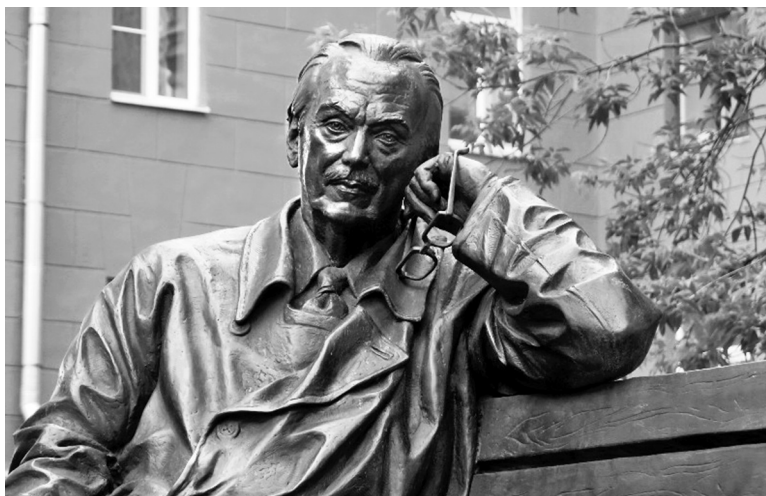
Его Басманные переулки – это не просто адрес. Это целая цивилизация, которая существовала параллельно с официальной советской жизнью: со своими законами, своим юмором, своей солидарностью и своими маленькими трагедиями. И он об этом написал. Значит, теперь это не только кладовая

его памяти, но и часть современной российской литературы и истории.

Даниил Гранин однажды сказал:

«Музеи городов должны, наверное, сохранять квартиры не только великих людей, но и просто людей. Мне хотелось, чтобы сохранилась и коммунальная квартира трудных тридцатых и сороковых годов».

Книга Марка Казарновского и есть такой музей – живой, уютный, уникальный.

ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Наталья ЯРОСЛАВЦЕВА

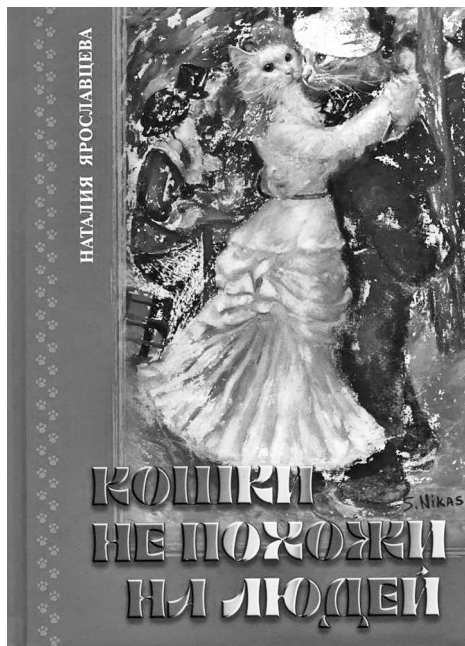

Наталья Ивановна Ярославцева – прозаик, детский писатель. Родилась в гор. Мичуринске Тамбовской области. Высшее образование: РЭУ им. Г.В. Плеханова, РАГС при Президенте РФ, МИП, н. вр. – аспирантура МИУ, РАНХиС при Президенте РФ. Практикующий психолог в теме личных и семейных отношений. Организатор профессиональных конференций, автор научных публикаций по психологии семьи и отцовства. Автор десяти книг и многочисленных публикаций в литературных журналах. Член Союза писателей России с 2019 г. Лауреат премии МГО Союза писателей России «Рыбка золотая» в 2023 году за вклад в детскую литературу.

Живёт в Москве.

ДВА РАССКАЗА

Из книги «Кошки не похожи на людей»

МЕДАЛЬ «ЗА СПАСЕНИЕ НА ПОЖАРЕ»

Жила-была девочка Лена.

Её папа всё время был на работе и лишь иногда присутствовал в её поле зрения. Например, когда устраивали семейные ужины или ездили в гости к папиным товарищам. Мама девочки тоже вела активный образ жизни: то на массаже, то в фитнес-клубе, то на встречах женских сообществ посёлка, области, Вселенной. В общем, мама была труднодоступаемой для Лены.

Леночка словно работала маленькой актрисой в спектакле «идеально правильная» жизнь хорошей девочки. На красивой машине со светлым кожаным салоном водитель дядя Володя возил её в частный детский садик, где она «отбывала свой срок». Социализация в коллективе проходила успешно. Лена сидела на скамеечке и думала о чём-то своём. Или, закрыв глаза в тихий час, она нащёптывала себе сказочные истории.

К Лене была приставлена няня, которая помогала ей есть и выбирать одежду, водила её на прогулку по асфальтированным дорожкам элитного коттеджного посёлка с ровненькими газонами и клумбами. Няня строго следила, чтобы Леночка не бегала, не испачкала и не поцарапала бы дорогие лаковые туфельки. И, не дай Бог, не упала бы!

Лена каждый день делала уроки, готовясь в 5 лет к школе. Её плотное расписание могло удивить даже президента. В нём был и разговорный интенсив по английскому, и гончарное дело, и ментальная математика, и поэзия, и хореография – а как без неё?!

– Не получится из тебя успешная девочка без красивой спинки и стройных ножек! – приговаривала мама.

Родители всегда брали Леночку с собой на море, но получалось не с собой, а с няней. Они облетели почти весь мир. Только Лена и купалась в море с няней, и жила в отдельном номере с няней, и в ресторан ходила с няней. Маме и папе ведь нужно было побыть вместе, они же так мало бывают вдвоём!

Лена не возражала. Она вообще ничему и никогда не сопротивлялась.

Всё окружающее было для неё безвкусным. Таким одинаковым, таким пресным. И она заболела! У неё поднялась температура, и она не смогла просто сидеть в детском садике на скамеечке, а прилегла на неё. В этот момент воспитательница будто впервые заметила присутствие Леночки.

За Леной в садик срочно был выслан дядя Володя и семейный доктор. Няня уложила Лену в постель и выслушала рекомендации врача. Мама примчалась со своей йога-практики, но испугалась, что может заразиться от Леночки неизвестным

вирусом, а поэтому не вошла к дочери в спальню и поговорила с ней по видеосвязи.

Ночью Леночке снился сон. За всю её маленькую жизнь ей никогда ещё не было так страшно. Всё в огне, весь дом горит, и все давно вышли на улицу, а она одна осталась в своей комнате. Про неё забыли! Лена кричала так сильно, так непохоже на неё. Она с такой яростью отбивалась от няни, что в комнату вбежал папа. В порыве чувств он подхватил Леночку на руки, прижал к себе. Она всхлипывала и заходилась в рыданиях.

Наутро пришёл доктор и объяснил дурной сон горячкой и действием вируса. Количество лекарств было увеличено, контакты с Леной ограничены. Ночью история повторилась с новой силой. Папа был вынужден успокаивать трясущуюся от ужаса Леночку.

– Пожар! Пожар! – еле выговаривая от истерики слова, кричала она.

Лихорадка прошла, но страшные сны продолжились. Не было и ночи, когда Лена не звала на помощь. Родители всполошились не на шутку. Ведь через неделю их ждала поездка в Арабские Эмираты, забронирован номер «люкс». Не могли же они потерять столько денег! Да и чемоданы с новыми нарядами мамочки уже стояли наготове. Вот только Леночка подводила их: не хотела выздоравливать!

Что только не делали мама и папа, чтобы ускорить выздоровление! И обещали «золотые горы», и заставляли «парить ноги по старому дедовскому методу» – опускать ножки в ведро с горячей водой и горчичным порошком. И грозились оставить дома с няней, и тогда она не увидит Леголенд в Дубае. Няня, сама жаждавшая этой поездки, тоже бурчала, торопила и укоряла Леночку. Но Лена лишь отворачивалась к стенке, отказывалась от тошнотворно полезной каши и правильного бутерброда с чёрной икрой.

Каждый день родители приводили нового эксперта: то детского психолога, то нейропсихолога, то энерготерапевта, а однажды привели обычную бабушку. Она оказалась крёстной

папы, с которой Леночку не знакомили. Папа стеснялся простоватой тётушки, которая фактически и вырастила его. Он украдкой заезжал к ней в моменты самых трудных трудностей. Папа вырос из студента строительного факультета до крупного и влиятельного бизнесмена.

Тётя Катя была улыбочивой женщиной с ясными серыми глазами и множеством лучистых морщинок на лице. Она ласково заговорила с Леночкой, расспрашивая её о том, о сём. А папа за дверью, затаив дыхание, изумлялся, как неразговорчивая тихоня Леночка что-то с чувством рассказывает тётушке.

Тётя Катя, выйдя от Леночки, молча направилась к выходу. Перед дверью она обернулась и, вздохнув, грустным голосом сказала своему крестнику:

– Ты очень занят, я понимаю. Но твой ребёнок одинок, она тоскует. Вытащить её из депрессии, которую ставят твои модные и дорогие специалисты, может только что-то очень радостное. Её надо по-хорошему удивить! Узнай, чего она хочет по-настоящему. А поездка... – добавила она. – Подумай, так ли она ей нужна?

Мама Лены встала в позу обиженной девочки.

– Как это я не поеду?! – запсиховала она. – У меня уже волосы выпадают, ногти слоятся! Мне просто необходимо на солнце! Этот серый климат меня доконает.

И они решили поехать вдвоём. Но чтобы Лена не скучала, ей решили подарить кошечку. Но как уговорить Лену принять подарок? Она качала головой, поворачивалась спиной и отрешённо повторяла:

– Не хочу!

Мама настаивала, ей очень хотелось в Дубай. Она всерьёз озадачилась приобретением подарка и привозила разных котят всевозможных пород и расцветок. Лена и смотреть на них не хотела, а под напором мамы упрямялась всё сильнее.

Наконец мама предприняла обходной манёвр. Они с Леной и с дядей Володиёй поехали в приют «Пушистая надежда», который недавно открылся в городском поселении и о котором везде были развешаны билборды с приглашением.

Приют представлял собой просторный ангар. По грунтовой дорожке между рядов с клетками разной величины шли Лена в белом ворсистом пальтишке, белой шапочке и в перчаточках и мамочка в норковом манти на высоких каблукках. В клетках сидели собаки и кошки. Они обошли весь приют.

Обстановка была накалена, мама нервничала и злилась, Лена молчала.

И тут внимание девочки привлекла абсолютно белая, но вся свалывшаяся персидская кошка. Когда Лена проходила мимо её клетки, она резко и жалобно замыкала.

– Ей страшно здесь! Я хочу её! – решительно заявила Леночка. – Мы возьмём её к себе!

Маму её выбор шокировал. Однако она согрела себя корыстной мыслью: «Пусть на время поездки позабавится, а потом мы её обратно сюда и сдадим. Хотя бы не будет лишних расходов, как с породистым котёнком из клуба».

Кошку оформили и забрали. Лена вызвалась её посадить за пазуху под пальтишко. Мама поморщилась, но сдержалась.

У кошки было имя. Её звали Лара. Кличка была написана на ошейнике от блох, затерявшемся в спутанной шерсти. Длинная шерсть свалывалась в колтуны. Кошка сильно страдала, ей было больно. По дороге домой сразу заехали на груминг, кошечку постригли, промыли лечебным шампунем и прочесали. Лара не возражала, вот что значит девушка. А девушки любят быть красивыми!

И кошка расцвела. Какая она стала красавица – беленькая, аккуратненькая! Её голубые глаза выдавали аристократические корни. Мама тайне заужала выбор Леночки.

– Всё-таки у Лены хороший вкус! – поделилась она вечером с папой своими соображениями. – Увидела истинный бриллиант в приютском сброде.

Конечно же, Лара поселилась в комнате Леночки. Кроткая и пассивная девочка теперь щебетала как птичка, и громко смеялась, играя с кошкой. Но стоило войти к ней в комнату няне или маме, она вновь замыкалась в себе и уходила в свой кокон.

Кошмары прекратились. Лена совершенно не противилась отъезду родителей, проявляя полнейшее безразличие к их планам. Мама пребывала в прекраснейшем настроении оттого, что она так замечательно придумала найти Лене кошку, что они выгодно сдали лишние билеты и отменили бронь дополнительного номера в Дубай. И она предвкушала, как с удовольствием потратит сэкономленные деньги на шопинг.

Папу, наоборот, терзала смутная тревога. «Слишком всё просто», – говорило в нём шестое чувство. Эта предчувствие не раз выручало его и в бизнесе.

Влетать в Дубай им предстояло вечером. И должно же было произойти такое недоразумение, что именно в час пик впереди них перевернулась фура и перегородила всю трассу. Ни вперёд в аэропорт, ни назад домой они проехать сразу не смогли. Перенести их из жесточайшей пробки мог разве что волшебник в голубом вертолёте. Мама Лены кусала губы от досады. На свой рейс они опоздали, следующий был утром. Пришлось вернуться домой.

Новая жительница дома ночью спать не любила. Когда засыпала Леночка, она по возможности выходила из её комнаты и обходила новую подведомственную ей территорию. Лара спускалась в подвальные хозяйственные комнаты, проверяла антресоли книжного шкафа, ну и, пока никто не видел, заглядывала в мусорное ведро на кухне.

Вот и сегодня ей удалось выскользнуть в коридор, когда Лена заснула. Лара обошла дом. Всё было тихо. Лара поднялась по лестнице и направилась в комнату к Лене, чтобы подремать остатки ночи на мягком одеяле рядышком. А дверь оказалась запертой. Лара преданно устроилась поодаль на пуфике. Но заснуть ей не удалось. В её ноздри стал бить неприятный, пугающий запах. Она ошетинилась, выгнула спину, уши встали домиком, хвост поднялся. Она принюхивалась, чувствуя беду. У закрытой двери угрожающий запах усилился. Её охватил ужас. Тут уж было не до аристократических манер. Она истошно замыкала. Потом что есть мочи принялась прыгать на дверь в комнату Лены.

Лена спала как никогда крепко. На шум прибежала взъерошенная сердитая нянька, ругаясь на кошку последними словами.

– Приютили дикарку, а она спать не даёт, – скрипела она, ковыляя спросонья к Леночкиной комнате. – Теперь я знаю, за что тебя выгнали старые хозяева. Всё расскажу нашим, когда вернутся!

Но дверь открыла. Лара бросилась на кровать и стала тереть Лену лапой и отчаянно мяукать.

Няня так и ахнула. Комнату заволокло едким дымом. Она закашлялась!

– Пожар! – очухавшись, завопила она. – Скорее, Лена!

В чём были, в ночном белье они выбежали на улицу. В то же время подъехали родители, опоздавшие на рейс, и похолодели, увидев жуткую картину.

Пожар случился в гараже. Загорелась проводка. Комната Лены была точно над гаражом. По неизвестной причине дым пошёл по системе вентиляции к ней, а не к няне или в другие помещения. Датчики дыма не сработали, потому что они были заправлены в одну электрическую цепь с освещением гаража. По проводам быстро распространялся огонь. Начала тлеть и внутренняя обшивка ворот гаража, заполняя всё едким удушающим дымом.

– Ещё немного, ещё минут десять-пятнадцать, – объяснили пожарные, – огонь добрался бы до машин. И мог последовать взрыв!

– Тогда Леночка ... – папа, допустив ужасную мысль, содрогнулся. – А если бы мы в это время летели в Дубай?!

Папа вцепился в дочку. В темноте не было видно, как плачет очень важный человек и большой начальник.

– А вы знаете?! – разрядила обстановку няня. – Ведь нас спасла Лара!

На следующий день Леночка смастерила из золочёной пуговицы от своего пальто медаль и торжественно прицепила её на маленький ошейник на шее у кошки.

– Лара, ты награждаешься медалью «За спасение на пожаре»! – объявила Леночка. Ларе медаль не очень понравилась, куда вкуснее были сосиски.

Но она обучалась светскому этикету кошкой-матерью, а потому с гордым видом лежала на шёлковой подушке от дивана прямо на обеденном столе.

С этого дня жизнь Леночки переменялась. Родители отменили свою злополучную поездку и провели отпуск дома впервые за много лет.

Няне тоже дали отпуск. И она уехала к своим родственникам. Папа ходил с Леной на прогулки, резвился сам, как ребёнок. Мама, с любопытством наблюдая за переменами в муже, прониклась общением с кошкой и даже пекла незатейливые пироги, казавшиеся Леночке повкуснее деликатесов, которыми её обычно пичкали.

Вскоре у неё появился маленький братик.

Папа пригласил на смотрины свою старенькую крёстную.

– Светлый ангел освятил ваш дом, – сказала ему на ушко бабушка и посмотрела на лежащую у Леночки на коленях Лару.

Кошка встретилась взглядом с тётей Катей и многозначительно прищурилась.

ЛЮДИ-КОШКИ

«Кошки не похожи на людей, кошки – это кошки, люди носят шляпы и пальто, кошки часто ходят без одежды...» – песенка крутилась и крутилась у Вики в голове. – «...Кошки – это кошки. Кошки не похожи на людей». Вика смотрела в окно. Небо было затянуто облаками и меняло цвет от густого серого до прозрачно-молочного.

«В палитре осени закончились цвета», – промелькнуло в мыслях у девочки. Деревья качались и отдавали свои яркие одежды земле. Ветки махали-махали вслед подхватываемым ветром букетам листьев, словно прощались. А ветряная почта разносила пачки листьев-писем по всей округе.

«Как же это скучно!» – думала она.

Уже давно прозвенел звонок. Весь 5 «Г» галдел и гудел.

Воспользоваться отсутствием учителя в классе было самым сладостным наслаждением, как объесться конфетами в Новый год. Вика не принимала участия в оживлении. У неё была одно желание: чтобы её никто не трогал. Пусть ей скучно, пусть она посидит и посмотрит в окно. Там предсказуемо спокойно.

Её родители разводились, поэтому дома она на спокойствие рассчитывать не могла.

«Ну почему они не могут как кошки?!» – размышляла она в отчаянии.

Ведь кошки не лезут со своими требованиями к людям, не выставляют претензий, сколько раз их не погладили вовремя. Они просто присутствуют, и от этого уже всем хорошо. Если кошке не нравится, она просто уходит, не отравляя другим жизнь. Нет, конечно, ей не хотелось, чтобы папа уходил и жил отдельно. Но если ему так лучше, если они вместе так много боли и криков производят, то лучше уж мы с мамой будем любить его на расстоянии. Но сказать так маме она не решалась. Мама была как пружина, которая сжималась и разжималась. Неясно было, куда она меня отфутболит, когда её разожмёт.

Навязчиво вернувшаяся мысль прервалась. В класс зашли. Это была завуч, Кристина Анатольевна, и незнакомый полненький дядька с усиками в комичном наряде.

Все заученно встали, гаркнули:

– Здравствуйте!

Кристина Анатольевна представила мужчину:

– Павел Андреевич! Ваш новый учитель биологии. Знакомьтесь, прошу любить и жаловать! Между прочим, заслуженный учитель!

И ушла, закрыв дверь. Её «цок-цок» каблочки целеустремлённо удалились по коридору.

Павел Андреевич певуче поздоровался:

– Здррравствуйте, ррребята!

Его красочный клетчатый пиджак с заплатками на локтях сразу изменил тоскливую обстановку кабинета. Стиль учителя напоминал клоунский, с той разницей, что все детали его образа были тщательно подобраны по цвету.

Новый преподаватель со знанием дела включился в процесс. Открыл компьютер и стал проверять по журналу отсутствующих-присутствующих. Называя фамилию, он приподнимал глаза и исподлобья изучающе «сканировал» ученика. Вике на секунду померещилось, что усы учителя слегка шевелились.

Спокойствие серого пейзажа за окном перестало забавлять Вику, и она пытливо всматривалась в манеры нового учителя. На несколько минут кабинет осветили лучи солнца, Бог весть как пробившегося через плотную завесу туч. Когда очередь дошла до её фамилии, она привстала, и ей на секунду почудилось, что его глаза на солнце стали янтарно-жёлтыми, а зрачки вертикально сузились. Вика неожиданно для себя услышала свой голос, который проговорил:

– А можно я расскажу последнюю тему, которая у нас была?

Павел Андреевич поддержал порыв, довольно улыбнувшись в усы.

– Каждый организм, который мы видим в окружающем мире, в биологии определяется как особь. – Вика, не ожидая от себя такой смелости, вышла к доске и начала пересказывать прошлый урок. – Каждой особи характерны свои индивидуальные особенности. Особи могут быть похожи друг на друга, например, все кошки. Но их нельзя перепутать с собаками. Они отличаются, потому что принадлежат к разным видам.

Вика с увлечением говорила, а сама не могла глаз оторвать от движений ноги учителя биологии. Ей привиделось, что его нога в рыже-коричневом ботинке качается точь-в-точь, как кошачий хвост, когда кот находится в наблюдательной позиции. Мерно и изящно ступня плавно разгибалась, вытягивалась чуть вперёд и снова сгибалась, и натягивалась носком вверх. Она перевела недоумённый взгляд на лицо усатого учителя. Он вроде как в согласие медленно моргнул глазами, в которых танцевали озорные золотистые звёздочки.

– Садись, Викторррия! Молодец! – промурлыкал учитель в усы и пригладил их рукой в обе стороны. Тут прозвенел звонок, и все заторопились на перемену.

Викку переполняли фантазии, она пробовала сопоставить и проанализировать все эти странноватенькие жесты нового биолога, напоминавшие повадки кошки.

Перемена была большая, и Вика пошла за обедом в столовую. Встав в хвост очереди, она стала крутить головой и увидела сидящего за учительским столом Павла Андреевича, с аппетитом уплетающего суп. А вокруг него ворковали дамы: учительницы географии и обществознания, их англичанка, учительница словесности из параллельного «Б» класса. Все одаривали его вниманием, подавали ему соль и салфетки, которыми он вытирал усы и руки с грацией известного артиста. Тем временем новый учитель живенько выскочил из-за стола и нехарактерно пластичной для пухловатой фигуры походкой понёс поднос в зону грязной посуды. Учительницы в пол-корпуса обернулись и провожали его умилёнными взглядами.

Очередь Вики подходила. Она зыркнула по сторонам, следил ли кто ещё за этим действием. Она стряхнула с себя азарт детектива и приложила карточку к считывателю, чтобы получить свой поднос. На обед в этот необычный день был рыбный суп.

«А ведь учитель биологии явно заценил этот суп! Не может быть, снова совпадение», – не могла успокоиться Вика, торопиво заглатывая свой суп и заедая его чёрным хлебом.

Утром, выйдя из подъезда, она заприметила учителя в противоположной части сквера между домами. Он был в рыжем кожаном плаще и чёрной шляпе. При ходьбе он ритмично подкидывал руки, в одной руке был коричневый зонт-трость, а в другой – рыжий кожаный портфель. Ну никогда она его тут раньше не видела, никогда.

«Скорее всего, недавно поселился», – сделала она вывод.

Не приметить его за оголёнными деревьями и чёрными палками кустов было сложно, да и так никто не одевался ни в её школе, ни во всём районе. Неизменный пиджак в клетку. Шляпа. Зонт.

Павел Андреевич передвигался скачками, поэтому на дорожке к самой школе он поравнялся с Викой.

– Здррравствуйте, Викторррия! – мурлыкнул он и обогнал.

Вика сразу пожалела, что урок биологии не каждый день.

«Эх, теперь до пятницы ждать!» – вздохнула она, жалея, что шанса для изучения загадочного субъекта сегодня не предвидится.

Но в пятницу она не смогла прийти в школу. Родителям нужно было поехать к адвокату по разводу, и там требовалось её присутствие. Какая-то серая женщина железным голосом целый час задавала отвратительные вопросы:

- А ты любишь папу?
- А папа тебя бил?
- А с кем ты хочешь остаться, с папой или с мамой?

Вика чувствовала себя куклой, на которую нажимают, чтобы выдать нужный ответ. Отвечать было необходимо, и отвечать правильно, как её попросили родители, чтобы не приходиться туда снова, поэтому она включила «наивную дурочку» и выжимала из себя:

- Наверное. Не знаю.

Вернувшись домой, она чувствовала себя так плохо, что легла в кровать и долго смотрела в стену. Наконец, уснула. Ей приснился волшебный сон. Учитель становился котом и бегал с поднятым хвостом по высотным крышам их девятиэтажек. Нагулявшись, «Павел Андреевич» прыгнул к Вике на окно седьмого этажа и мяукал, чтобы она егопустила. Это и разбудило Вику. На окне никого не было, зато давно было утро. Значит, проспала она прилично.

«Странно, и мама не разбудила», – грустно подумала она.

Выходные Вики прошли как в тумане. Ничего не хотелось делать. Мама оставляла еду, целовала дочь и уходила.

В понедельник на биологии Вика была как замороженная, даже мысли в голове с хрустом прокручивались, спотыкаясь друг об друга. Она уселась на своё место у окна и открыла учебник. Очнувшись от мелодичного баритона:

– Викторррия, а мы в пятницу рррешили, что ты подготовишь доклад о кошках. Спррравившись?

У девочки округлились глаза. Ей показалось, что все на неё смотрят, и лицо стала заливать краска смущения. Она невнятно промычала и кивнула.

Павел Андреевич мягко вышагивал по классу, продолжая рассказывать о свойствах живых организмов. Вика старательно успокаивала дыхание, жар от лица постепенно отступил. Она сосредоточилась на уроке. Павел Андреевич пока что нарисовал на доске схему царств живой природы. Учитель перепачкался мелом и отряхивал руки.

Он пригласил к доске мальчика с первой парты, Колю Дягилева, и попросил расшифровать схему. А сам извлёк из ящика стола небольшую щётку с кошачьей лапкой на обратной стороне и начал прилежно чистить рукава своего цветного пиджака.

Похвалив Дягилева, он попросил Соловьева ответить с места, чем отличаются растения от грибов, а бактерии от вирусов. Гоша был отличником, и всё подробно ответил. Биолог слушал про фотосинтез и отсутствие ядра у бактерий, удовлетворённо покручивая усы.

Зазвенел звонок. Павел Андреевич раскатисто, как оперный певец, воскликнул:

– Дрррузья мои, кто желает ходить на кррружок по биологии, запишитесь у вашего классного ррруководителя!

У Вики всё внутри затанцевало: «Интересно, это платно или нет? Если бесплатно, то точно смогу. А если платно, как же уговорить маму? Сейчас у нас такие трудности в семье. “Не до кружков”, как она мне сказала в начале года».

Вика, торопясь, чтобы не показать своего ликования и родившейся надежды, запиховала учебник и тетрадку в рюкзак, который ей подарил папа к 1 сентября. И сказал ещё тогда:

– Вика, ты совсем большая у меня, перешла в среднюю школу. Тебе нужен более серьёзный рюкзак.

И вручил. Рюкзак Вике очень нравился, сам чёрный, с белыми и жёлтыми контурами кошек.

Новый учитель биологии меж тем достал бутылку отборного молока из своего рыжего кожаного портфеля и пил прямо из горлышка. Кончики усов его обмакнулись в молоко и на них повисли белые капли. Он достал из кармана клетчатый носовой платок и тщательно вытер, и пригладил усы. Все эти манипуляции он произвёл, не отрываясь от компьютера.

Когда Вика проходила мимо учительского стола, Павел Андреевич, не поворачиваясь, воскликнул:

– Викторррия, кррружок бесплатный! Зайди к Ольге Владимировне и запишись.

Кружок поставили 7-м уроком в среду. Одноклассники ушли домой, а Вика весь день переживала: «А вдруг я там буду одна?! Это будет странно выглядеть. Надо придумать тогда причину, например, болит голова. Это обычно работает с учителями».

В кабинете биологии никого не было, а из лаборантской доносились голоса. Вика поставила рюкзак на парту, сама заглянула в открытую дверь. Она ещё никогда не была в этом «секретном» помещении учителя биологии. Там была девочка из её класса, в этом году пришла, Серафима, кажется, и щуплый мальчик из параллельного. Они стояли возле большой клетки с белой мышью. Рядом стояли клетки поменьше, в которых сидели другие серые и белые мыши.

– А, Викторррия! Пррроходи. – приветствовал её Павел Андреевич. Он был без привычного клетчатого пиджака, на нём красовалась футболка с карикатурной рыбой во всю грудь и неизменно рыжие вельветовые брюки.

– Давайте знакомиться! – пригласил он ребят.

Троица быстренько представилась, и все сдержанно покивали друг другу.

– А это – Лиля, главная геррроиня нашего сегодняшнего занятия, – представил он белую мышь в большой клетке. И в его глазах затанцевали озорные звёздочки.

На маленьких клетках были приклеены куски пластыря, и на них ручкой были написаны короткие клички: Белла, Чип, Фиона, Борн, Хук. Вместе с учителем ребята перенесли клетки в класс и расставили на кафедре. А в центр Павел Андреевич поставил большую клетку, в которой он много чего расположил. Там было и колесо, и качели, и гамак, и несколько кормушек, заполненных разным кормом: морковь, зерно, сухофрукты.

Он вручил ребятам широкие трубки, похожие на «рукава», которыми самолёт прикрепляется к зданию аэропорта и по которым пассажиры, минуя улицу, выходят и заходят в салон.

– Присоединяйте эти «коридорчики» от маленьких клеток к большой. И открывайте клетки! – поручил ребятам учитель, сложив руки у себя на груди. – Что мы сегодня с вами будем делать? Будем учиться понимать мышей!

– Могу поклясться: он облизнулся! – рассказывала потом Вика Серафиме, когда они вместе вышли из школы.

Костик, который из параллельного, пошёл после на дополнительный английский. Сима оказалась очень лёгкой в общении девочкой. Непринуждённо болтая, они дошли до дома Вики. Её дом был самый ближний к школе, Сима жила чуть дальше. Они остановились у подъезда и не могли наговориться. Вика, которая даже и не знала, что так можно, и Сима, новенькая, которая с трудом привыкала к новому месту жительства.

– Ой, а ведь мы с тобой целый час проговорили. Хотя мама и не заметит, ей сейчас не до меня. – поникла Вика и, чуть промолчав и понизив тон, сказала. – У меня родители разводятся.

– А знаешь, ведь я потому и переехала сюда, что летом мои родители развелись! – вздохнула и опустила глаза Сима.

– Я ещё никому об этом не говорила. – медленно сказала Вика и посмотрела в глаза Серафиме.

– Представь и я, кроме как на собеседовании при переводе в школу. – ответила ей Сима.

Они посмотрели в глаза друг другу и родившееся чувство общности захватило их. Следующим шагом были бы обнимашки, а, скорее всего, и слёзы. Однако Вика краем глаза уловила движущуюся «на мягких лапах» ярко-рыжую фигуру биолога.

– Смотри, Сима! – сказала она, а шёпотом добавила. – Павел Андреевич!

– А что ты шепчешь? По расстоянию далеко, не услышит. – развернувшись вполоборота, тихим голосом проговорила Сима.

– Не знаю. – опять прошептала Вика.

И словно в подтверждение, Павел Андреевич остановился, как будто прислушивался, но, весело кивнув самому себе, пошёл своей танцующей походкой дальше.

– Занятный тип! – Сима и сама теперь шептала.

– Интересно, он нас заметил?

– Надеюсь, нет!

– Я уверена, что заметил! – затаив дыхание, прошептала Вика.

– А заметил, так и что?!

– И правда! – тихонько захихикала Вика.

Сима поддержала её и засмеялась во весь голос. И так приятно оказалось вместе смеяться, что уже не сдерживаясь, стала хохотать и Вика.

– Я так рада, что мы с тобой познакомились! – ещё сбиваясь в дыхании от долгого смеха, произнесла Сима.

– Слушай, а приходи ко мне завтра после уроков, вместе будем к докладам готовиться. У меня есть энциклопедия про животных, – пригласила Вика. – Маму я предупрежу, думаю, она против не будет. Она сейчас всё мне разрешает, только я ничего не хочу.

– И у меня есть энциклопедия. Я свою тоже принесу! – с радостью согласилась Серафима.

Девчонки отправились по домам, и у каждой в голове звенел и переливался весёлый мотивчик: «Ну, а кошки, мяу, – это кошки! Ля-ля-ля-пи-ру, ван-ту-пи-ру, ля-ля-фа-ру-вей».

ЛИТЕРАТУРА И ТЕАТР

Ангелина БРЖЕВСКАЯ

Ангелина Станиславовна Бржевская – журналист, литератор, член Московской городской организации Союза писателей России. Студентка факультета журналистики МГУ. Автор публикаций в «Литературной газете», «Московском литераторе», в журнале «Великороссъ» и «Детской роман-газете».

Живёт в Москве.

О НОВЫХ СПОСОБАХ ПРИВИТЬ ДЕТЯМ ЛЮБОВЬ К ЛИТЕРАТУРЕ

Эссе

Жанр мюзикла считается «лёгким», однако это не совсем так, поскольку музыкальные спектакли могут быть и трагическими. Однако в случае создания мюзиклов для детей они должны быть именно такими, поскольку главная их цель – донести до ребёнка основной замысел. Конечно, дети порой намного разумнее многих взрослых, но всё же материал им надо преподносить в игровой форме. И в случае мюзикла происходит гармоничное соединение мира литературного и мира театрального.

Можно смело утверждать, что мюзикл – новая форма освоения фольклора в современном театральном пространстве, во многом благодаря влиянию современных технологий и появлению гаджетов. Вся жизнь и общение теперь происходит через экран, поэтому дети читают меньше, но, оговоримся сразу, это зависит от воспитания и семьи. Но всё больше и больше слышишь, что дети отказываются читать книги, потому что это скучно, что не может не огорчать.

Адаптация книжных сюжетов в мюзиклы смело можно называть прекрасным выходом для того, чтобы увлечь ребёнка литературой, возможно, заставить его и прочитать рассказ или сказку после посещения театра и расширить его кругозор. На примере ведущих московских театров в жанре мюзикла рассмотрим самые известные музыкальные сказки. Нашими столетними лидерами в этом жанре являются Московский театр мюзикла под руководством Михаила Швыдкого, Театр Оперетты и Московский Дворец Молодёжи (МДМ, где располагается театральная компания «Бродвей Москва», созданная Дмитрием Богачёвым в 2015 году).

Начнём с известной героини английских сказок Мэри Поппинс, которая прививала своим подопечным любовь к волшебству в обыденном, а книги она считала ключом к пониманию скрытых смыслов, ибо, как говорила самая лучшая английская няня, «бальные танцы, как, впрочем, и все другие, танцуются в паре, т. е. вдвоём, иначе в них нет никакого смысла. Одиночество в танцах вредно отражается на мировоззрении». И книги тоже лучше читать вместе с детьми, и в театры ходить семьёй.

Леди Совершенство в меру серьёзная, но она понимает детей. Она не сюсюкает, а говорит с ними на равных, уважает их чувства и признаёт важность игры, фантазии и смеха. Она знает, что «дело» ребёнка – играть и мечтать. Неудивительно, что по сказкам Памелы Трэверс (о её героине написана целая серия книг) есть как западный мюзикл, так и советский музыкальный фильм «Мэри Поппинс, до свидания». Для последнего музыку написал Максим Дунаевский, и его «33 коровы», «Непогода» и «Ветер перемен» стали хитами. Он – несомненно, один из лучших композиторов, который обладает даром переводить сказку в мелодии.

Мэри Поппинс помогает детям расти, но не «взрослеть» в плохом смысле – не терять воображение и умение удивляться. При этом многие взрослые персонажи (мистер Бэнкс, мисс Ларк, дядя Альберт) сами похожи на детей и нуждаются в «лечении» от чрезмерной серьёзности.

Книги показывают, что лучшие взрослые – те, кто сохранил связь со своим внутренним ребёнком. В отличие от некоторых детских книг, сказки о Мэри Поппинс лишены сентиментальности и поучений. Волшебство в них странное, порой даже пугающее (например, злая мисс Эндрю с её «лекарством» из уксуса и жесткой дисциплины). Это волшебство, которое не объясняется, а просто существует как часть реального мира. И это все детям можно объяснить не в книгах, а яркой картинкой на сцене.

Мюзиклы на сказочные сюжеты, как авторские, так и народные (основанные на архетипах) – возможность привить детям любовь к искусству, литературе и театру. Кроме того, в любой сказке заложен код поведения взрослого человека.

Сказки для современных родителей, если они не излучают добро и позитив, перестают быть полезными. В эпоху, когда дитя может искалечить свою психику, даже посмотрев на дождь, не говоря уже о перспективе намокнуть, сказки, где может хоть что-то напугать, причём скорее взрослого, чем ребёнка (не по-настоящему, а по причине «вдруг если прочитает и получит травму»), можно отменить. Но это совершенно не рабочий вариант. Давно известный факт, что чтение страшных фольклорных сказок способствует формированию личности ребёнка и его взрослению. Дети через сказки понимают, как преодолевать трудности, как достичь целей, а главное – не бояться прыгать через пропасть, не страшатся препятствий и страхов.

Страшные сказки на ночь дети воспринимают иначе, чем взрослые, у которых много проблем и поводов переживать и испытывать давление. Уже в начале XX века психологи отмечали тягу ребёнка к страшным сказкам. Так, например, классическим стал пример, описанный известным немецким ученым Б. Беттельхеймом: трёхлетняя девочка при первом знакомстве с «Красной Шапочкой», где, как известно, страшный волк съедает и саму Шапочку, и её бабушку, очень испугалась, но через некоторое время родители обнаружили настойчивость малышки в просьбе ещё раз прочитать ей сказку про ужасного волка. Когда же мама пошла ей навстречу, малышка зажималась от сладкого ужаса, слушая про коварного хищника, и радостно хлопала в ладоши, когда бабушку доставали из его пуза.

Проживая сказку, ребёнок, один или вместе с родителями, учится, что неудача – это не конец, ведь практически все сказки изначально имеют счастливый финал. Для детей фантазийные миры могут быть просто аллегорией реальной жизни, в которой страшные великаны-взрослые могут быть перехитрены при любых обстоятельствах.

Поэтому мюзиклы, правильно написанные как с точки зрения либретто, так и музыки, могут воспитывать ребёнка не хуже книг. Есть много мюзиклов, основанных на известных сказках.

Начнем с «Красавицы и чудовища», которую поставили в России в 2008 (Театр МДМ) и повторно в 2014 (Театр мюзикла) годах (музыка – Алан Менкен, текст песен – Ховард Эшман и Тим Райс, либретто – Линда Вулвертон, перевод на русский – Алексей Иващенко). Казалось бы, что может быть проще – заколдованный самовлюблённый принц должен пожинать плоды собственной эгоистичности, а добрая и самоотверженная, спасающая своего отца девушка придёт и спасёт чудовище. Кстати, все привыкли, что именно красавица всегда в беде и ждёт своего принца на белом коне, но тут красавица Белль, дочь купца, вообще не требовала ничего от принца, ей была только нужна красивая роза от папеньки, который уехал в дальние дали и угодил в лапы «Зверя». Традиционно считается, что сказку написал Шарль Перро, что тоже не совсем так, ибо в основе – античный сюжет «Амур и Психея». Известен он и в другой французской сказке графини де Бомон «Красавица и чудовище», которая, по мнению исследователей, стала источником для написания всем нам известного «Аленького цветочка» С.Т. Аксакова. Но, по признанию самого писателя, он слышал сказку «не один десяток раз». В письме к сыну Ивану Аксаков сообщает: «Я пишу сказку, которую в детстве знал наизусть и рассказывал на потеху всем со всеми прибаутками сказочницы Пелагеи». Во всех вариантах сюжета в основе лежит одна мысль – надо смотреть не на внешность, а судить человека по поступкам и поведению. Да вот только кардинальное отличие мюзикла от сказки есть – и это поведение чудовища. В сказке Чудовище (его в мюзикле исполняли Игорь Иванов и Павел Лёвкин) сообщает Красавице (Екатерина Гусева и Наталия Быстрова), что он теперь её слуга, а она хозяйка. В мюзикле же все равно главный – он, а она всего лишь гость, который должен считать замок своим домом. И это вызывает вопрос: не слишком ли много чудовище на себя берёт? Ещё одним важным отличием мюзикла от сказки является отсутствие в нём страшных злых сестёр, зато есть Гастон (Дмитрий Дьяконов и Евгений Шириков), который в целом по сумасшествию и жестокости поведения может потягаться с сестрами. Он пытается захватить замок и убить Чудовище, в

сказке же Зверь сам почти погибает из-за нарушенного Белль обещания вернуться (её специально задержали сёстры).

Зато сёстры есть в другой сказке, по которой тоже создан мюзикл. «Золушка», поставленный на сцене Театра Мюзикла в 2016 году (музыка – Ричард Роджерс, слова – Оскар Хаммерстайн II, либретто – Дуглас Картер Бин и Оскар Хаммерстайн II, перевод на русский – Алексей Иващенко). Тут вопросов к количеству персонажей у меня нет. В фольклоре часто есть глупые, жадные персонажи, которые своим поведением сами себя наказывают. Сестры (Екатерина Варкова и Татьяна Кулакова) – классический пример. Их попытки обмануть принца (в версии братьев Гримм с туфелькой, когда они отрезают себе палец и пятку) трагикомичны и ведут к публичному позору. Их главная черта – зависть к красоте, доброте и внутреннему свету Золушки, который делает её привлекательной даже в лохмотьях. Их злоба – прямая реакция на собственную ущербность. По Карлу Юнгу, сёстры и мачеха (Алёна Хмельницкая и Лика Рулла) могут быть проекцией тёмных сторон, которые Золушка должна преодолеть: высокомерие, гнев и эгоизм.

Для мюзикла была взята не самая жестокая версия Братьев Гримм, где в конце сёстрам выклеивают глаза птицы, а мягкая – уже упомянутого Шарля Перро, где Золушка (Наталия Быстрова и Юлия Ива), выходя замуж за принца (Павел Лёвкин и Игорь Кроль), прощает им все козни, и они даже остаются при дворе.

На основе вышеупомянутых двух мюзиклов по сказкам Перро понятно, что, несмотря на определённые вопросы, они учат ребёнка идти вперёд к цели, ничего не бояться, быть добрыми и не обращать внимания на внешность и одежду.

Самым же интересным из зарубежных версий сказок, пересказанных в мюзиклы, мне представляется «Русалочка», которую поставили в России (Театр мюзикла) в 2012 году (Музыка – Алан Менкен, либретто – Даг Райт, текст песен – Ховард Эшман и Глен Слейтер, перевод на русский – Алексей Иващенко). Её отличие от предыдущих в том, что она основана не на фольклорной сказке, пусть и в авторской обработке, а именно

на литературном произведении датского писателя Ханса Кристиана Андерсена. Она была впервые опубликована в 1837 г. Фольклорный мотив любви русалки, морской девы, к человеку приобретает у Андерсена романтическое звучание, развивается в тему самопожертвования во имя любви и осмысливается им совершенно по-своему. В оригинале у главной героини нет имени, а в мюзикле, который опирался в основном на мультипликационный фильм «Дисней», её зовут Ариэль (Наталья Быстрова и Елена Газаева). Конечно, в спектакле героиня так же, как и андерсоновская русалочка, прошла через испытания (потеря голоса из-за мечты быть как все, а точнее – как люди). Но в сказке есть и другие темы. Например, разбитые надежды, которое могут вдребезги разбить сердце, и его будет очень сложно спасти, бережно собирая осколки воедино в надежде, что больше его не разобьют. Сказка Андерсена, как и многие его произведения этого жанра, совершенно не для детей, она, скорее, для взрослых, которые прошли через страдания из-за любви. Поэтому и мюзикл самый неудачный из всех, да ещё и в оригинальной «Русалочке» героиня сознательно идёт на жертву. Ведьма отрезает ей язык, красавица теряет голос навсегда, а каждый шаг причиняет ей такую боль, будто она ступает по острым ножам. Ариэль в мюзикле тоже «временно» теряет голос по условию сделки с Урсулой (Манана Гогитидзе и Ольга Мукукенова), но боль от ходьбы лишь мельком показана в одной забавной сцене, поэтому её жертва ощущается как временное неудобство. Конечно, это сказка, повторюсь, слишком жестока, чтобы её ставить в соответствии с оригиналом, но и менять замысел классика – слишком самонадеянно.

Ещё одно отличие – трагический финал. Принц в оригинале не узнаёт в немой девушке свою спасительницу и женится на другой принцессе из соседнего королевства. Русалочке предлагают убить принца, чтобы вернуть себе былую жизнь, но она отказывается. С первыми лучами солнца она превращается в морскую пену, но из-за своих страданий и доброты не умирает, а становится «дочерью воздуха», у которой есть шанс обрести душу через 300 лет добрых дел. В мюзикле, как и в мультфиль-

ме, который, повторюсь, взяли за основу, принц Эрик (Евгений Зайцев и Вадим Мичман) понимает, что Ариэль – его спасительница, благодаря её глазам, разрушает чары Урсулы и женится на ней. Ариэль навсегда остаётся человеком, и они живут долго и счастливо, как и полагается в самых клишированных историях о принце и принцессе.

Довольно долго у нас не было мюзиклов по нашим, родным, сказкам. Однако в последнее время появились и они. И наилучшим примером приобщения ребёнка к русской народной культуре может стать мюзикл «Летучий корабль» (музыка – Максим Дунаевский, либретто – Татьяна Корнеева, текст песен – Юрий Энтин и Татьяна Корнеева), созданный на фольклорной основе и по мотивам известного мультфильма. Самое отрадное, что создан он не в столицах, а в далёком Ханты-Мансийске на сцене КТЦ «Югра-Классик», что говорит о том, что не оскудела Земля Русская талантами. Благодаря придумке режиссёров Андрея Каширина и Алёны Немчиновой сюжет трансформирован с учётом современных реалий. Однако сохранено главное, что есть в русской сказке, – многослойность её значений и символов на глубинном уровне, и то, что для ребёнка смешно и забавно, для взрослых – важная философская проблема, которую решить очень непросто. Сказка, как известно, ложь, да в ней намёк, добрым молодцам урок.

Очень интересен персонаж боярина Полкана, потому что изначально в фольклоре он – песиглавец, очень сильный и часто непобедимый. Он – «чудище Полканище, Полкан Полканович», дублет Идолища Поганого: «в Киеве людей поедает, по туриному жвачку жуёт». В русский фольклор Полкан попал из средневековой переработки итальянской поэмы «*Realì de Francia*», это пёс-богатырь, сын знатной христианской сеньеры и пса (это один из известных мотивов средневековой литературы). В этом нет ничего страшного или неприличного, это история литературы, а в наших сказках есть положительный герой – Иван Медвежий сын, сын крестьянки и медведя. Азбуковник XVII века сообщает, что Полкан – получеловек-полуосёл, отражение античных представлений о кентаврах.

В лубочных сказках говорится, что они пришли из «астраханских степей».

Его антипод – классический Иван-дурак, который в мюзикле стал печником. Он простодушный, добрый, щедрый, и у него, как у любого типичного Ивана, есть свои волшебные помощники. Тема феминизма с юмором показана в роли царевны Забавы, которая не просто сидит в тереме и ждёт, когда ей батенька мужа найдёт, а сама выбирает жениха (в данном случае поэта-печника). И тут отсылка не только к современным феминисткам, но и к эпохе матриархата, поскольку и в фольклоре как образ «мудрой девы», однако он изящно обыгран в спектакле.

В спектакле хорошо всё – и стилизованные народные костюмы, и сравнение Полкана (Александр Бородейко) с олигархом, и Водяной (Юрий Бессонов) на гироскутере, и бабки-ёжки в ступах, и конечно, влюблённые Царевна Забава (Александра Беломожная) и Печник Иван (Владимир Сапожников), которые борются за своё счастье. Но надо сказать, что и Царь-отец (Дмитрий Воробьёв) тоже не вызывает отторжения, поскольку по факту он тоже совсем не против счастья своей дочери.

Безусловно, большая доля успеха мюзикла – в прекрасной музыке уже упоминавшегося выше Максима Дунаевского, который дал для постановки в Югре дополнительные песни, которых нет во всем известном мультфильме, приложил свою руку к музыке для мюзикла.

Не боясь риска впасть в пафос, можно смело говорить, что такие постановки учат наших детей доброму, вечному, своему собственному культурному коду. И что немаловажно – ещё и учат истории музыки, поскольку многие родители наверняка после спектакля рассказали своим отпрыскам и о Максиме Дунаевском, и о его великом отце. Поэтому мюзиклы расширяют кругозор детей в разных сферах.